

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ВИКОНТ ДЕ
БРАЖЕЛОН, ИЛИ
ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.
ТОМ 1

Три мушкетера

Александр Дюма

**Виконт де Бражелон, или
Десять лет спустя. Том 1**

«Public Domain»

1847

Дюма А.

Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя. Том 1 / А. Дюма — «Public Domain», 1847 — (Три мушкетера)

Третий роман, отображающий события, происходящие во время правления короля Людовика XIV во Франции, из знаменитой историко-приключенческой трилогии («Три мушкетера» (1844), «Двадцать лет спустя» (1845), «Виконт де Бражелон», (1848-1850), которая связана общностью главных героев Атоса, Портоса, Арамиса и Д'Артаньяна, жаждущих романтики и подвигов.

Содержание

Часть первая	5
I. Письмо	5
II. Курьер	10
III. Свидание	15
IV. Отец и сын	19
V. Где речь пойдет о Крополи, о Крополе и о великом непризнанном живописце	22
VI. Незнакомец	26
VII. Парри	30
VIII. Каким был его величество Людовик XIV в двадцать два года	34
IX. Где незнакомец из «Гостиницы Медичи» открывает свое инкогнито	40
X. Арифметика кардинала Мазарини	46
XI. Политика кардинала Мазарини	51
XII. Король и лейтенант	56
XIII. Мария Манчини	59
XIV. Король и лейтенант обнаруживают хорошую память	63
XV. Изгнанник	69
XVI. Remember	72
XVII. Ищут Арамиса, а находят только Базена	78
XVIII. Д'Артаньян ищет Портоса, а находит только Мушкетона	83
XIX. Что д'Артаньян собирался делать в Париже	88
XX. В лавке «Золотой пестик» на Ломбардской улице составляется компания для эксплуатации идеи д'Артаньяна	91
XXI. Д'Артаньян готовится путешествовать по делам торгового дома «Планше и К ^о »	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Александр Дюма

Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя. Том 1

Часть первая

І. Письмо

В середине мая 1660 года, в девять часов утра, когда солнце, начавшее уже припекать, высушило росу на левкоях Блуаского замка, небольшая кавалькада, состоявшая из трех дворян и двух пажей, проехала по городскому мосту, не произведя большого впечатления на гуляющих по набережной. Они лишь прикоснулись к шляпам со следующими словами:

– Его высочество возвращается с охоты.

И только.

Пока лошади брали крутой подъем от реки к замку, несколько сидельцев подошли к последней лошади, к седлу которой были привешены за клюв разные птицы.

С истинно деревенской откровенностью любопытные выразили пренебрежение к такой скудной добыче и, потолковав между собою о невыгодах охоты влет, вернулись к своим делам.

Только один из любопытных – рослый, краснощекий веселый малый – спросил, почему его высочество, имея возможность хорошо проводить время благодаря своим огромным доходам, довольствуется столь жалким развлечением.

Ему отвечали:

– Разве ты не знаешь, что для его высочества главное развлечение – скука?

Весельчак пожал плечами с жестом, который ясно говорил: «В таком случае я предпочитаю быть лавочником, а не принцем».

И каждый вернулся к своей работе.

Между тем его высочество продолжал свой путь с таким задумчивым и в то же время величественным видом, что, верно, ему изумились бы зрители, если бы таковые были; но жители Блуа не могли простить герцогу того, что он выбрал их веселый город, чтобы скучать там без помехи. Завидев скучающего принца, они обыкновенно отворачивались, зевая, или отходили от окон в глубину комнат, точно избегая усыпительного влияния этого вытянутого, бледного лица, сонных глаз и вялой походки. Таким образом, достойный принц мог быть почти уверен, что никого не увидит на улицах, если вздумает прогуляться.

Конечно, со стороны жителей Блуа это являлось преступной непочтительностью: его высочество был первым вельможей Франции после короля, а может быть, и включая короля. Действительно, если Людовик XIV, тогда царствовавший, имел счастье родиться сыном Людовика XIII, то его высочество имел честь родиться сыном Генриха IV. Следовательно, жители Блуа должны были гордиться предпочтением, которое герцог Гастон Орлеанский оказал их городу, поселившись со своим двором в старинном Блуаском замке.

Но такова была судьба этого высокородного принца: он никогда не возбуждал внимания и удивления толпы. С течением времени он привык к этому. Может быть, именно этим объясняется его равнодушный и скучающий вид. Прежде он был очень занят. Казнь доброй дюжины его лучших друзей причинила ему немало хлопот. Но со времени прихода к власти кардинала Мазарини казни прекратились, его высочество остался без всякого занятия, и это отражалось на его настроении.

Жизнь бедного принца протекала очень скучно. По утрам он охотился на берегах Беврона или в роще Шеверни, потом переправлялся через Луару и завтракал в Шамборе, с аппетитом или без аппетита; и до следующей охоты жители Блуа ничего не слышали о своем владыке и господине.

Вот как принц скучал *extra muros*;¹ что же касается его скуки в стенах города, то мы дадим о ней понятие читателю, если он потрудится последовать вместе с нами за кавалькадой к величественному входу в Блуаский замок.

Его высочество ехал верхом на маленькой рыжей лошади, в большом седле красного фландрского бархата со стремянами в форме испанского сапога. Пунцовый бархатный камзол принца, под плащом такого же цвета, сливался с седлом, и благодаря этому красному цвету принц выделялся среди своих спутников, из которых один был в лиловом, другой в зеленом платье. Человек в лиловом, шталмейстер, ехал по левую руку, обер-егермейстер в зеленом – по правую.

Один из пажей держал на шесте с перекладиной двух соколов. У другого в руке был охотничий рог; шагах в двадцати от замка он лениво затрубил. Все окружающие ленивого принца делали свое дело тоже лениво. Услышав сигнал, восемь часовых, гулявших на солнце в квадратном дворе, схватили алебарды, и его высочество торжественно вступил в замок.

Когда герцог въехал во двор, мальчишки, которые мчались за кавалькадой, указывая друг другу на убитых птиц, разбежались, отпуская замечания по поводу виденного. Улица, площадь и двор опустели.

Его высочество молча сошел с лошади, проследовал в свои покои, где слуга подал ему переодеться, и так как ее высочество еще не прислала известить о завтраке, то его высочество опустил в кресло и заснул так крепко, как будто было одиннадцать часов вечера.

Часовые, зная, что им нечего делать до самой ночи, растянулись на солнце на каменных скамьях; конюхи с лошадьми скрылись в конюшнях; казалось, все заснуло в замке, подобно его высочеству, только несколько птичек весело щебетали в кустах.

Вдруг среди этой сладостной тишины раздался взрыв звонкого смеха, заставивший нескольких солдат, погруженных в сон, открыть глаза.

Смех неся из одного окна замка, в которое в этот момент заглядывало солнце, заключая его в огромный светлый угол, какие чертят около полудня на стенах профили крыш.

Узорчатый железный балкончик перед этим окном украшали горшки с красными левкоями, примулами и ранними розами, чья зелень, густая и сочная, пестрела множеством маленьких красных блестящих точек, обещающих превратиться в цветы.

В комнате, которой принадлежало это окно, виднелся четырехугольный стол, покрытый старой гарлемской скатертью с крупным цветочным узором. Посреди стола стоял глиняный кувшин с длинным горлышком; в нем были ирисы и ландыши. По обе стороны стола сидели две девушки.

Держали они себя довольно странно: их можно было принять за пансионеров, бежавших из монастыря. Одна, положив локти на стол, старательно выводила буквы на роскошной голландской бумаге; другая, стоя на коленях на стуле, нагнулась над столом и смотрела, как пишет ее подруга. Они смеялись, шутили и, наконец, захохотали так громко, что испугнули птичек, игравших в кустах, и прервали сон гвардии его высочества.

Раз уж мы занялись портретами, то да будет нам позволено написать еще два – последние в этой главе.

Стоявшая на коленях на стуле шумливая хохотунья, красавица лет девятнадцати-двадцати, смуглая, черноволосая, сверкала глазами, которые вспыхивали из-под резко очерчен-

¹ Вне стен города (*лат.*).

ных бровей; ее зубы блестели, как жемчуг, меж коралловых губ. Каждое ее движение казалось вспышкой молнии; она не просто жила в это мгновение, она вся кипела и пылала.

Та, которая писала, глядела на свою неугомонную подругу голубыми глазами, светлыми и чистыми, как небо в тот день. Ее белокурые пепельные волосы, изящно причесанные, обрамляли мягкими кудрями перламутровые щечки; ее тонкая рука, лежавшая на бумаге, говорила о крайней молодости. При каждом взрыве смеха приятельницы она с досадой пожимала нежными белыми плечами, которым, так же как рукам, недоставало еще округлости и пышности.

– Монтале! Монтале! – сказала она наконец приятным и ласковым голосом. – Вы смееесь слишком громко, точно мужчина; на вас не только обратят внимание господ караульные, но вы, пожалуй, не услышите звонка ее высочества.

Девушка, которую звали Монтале, не перестала смеяться и шуметь после этого выговора. Она лишь ответила:

– Луиза, дорогая, вы говорите не то, что думаете. Вы знаете, что господ караульные, как вы их называете, теперь заснули и что их не разбудишь даже пушкой; колокол ее высочества слышен даже на Блуаском мосту, и, стало быть, я услышу, когда мне нужно будет идти к ее высочеству. Вам просто мешает, что я смеюсь, когда вы пишете: вы боитесь, как бы госпожа де Сен-Реми, ваша матушка, не пришла к нам – что она иногда делает, когда мы смеемся слишком громко, – не застала нас врасплох и не увидела этого огромного листа бумаги, на котором за четверть часа написано только «Господин Рауль». И вы совершенно правы, милая Луиза: после этих двух слов можно написать много других, таких значительных и пламенных, что ваша добрая матушка получит полное право метать громы и молнии. Не так ли? Отвечайте.

И тут Монтале расхохоталась еще громче.

Блондинка обиделась не на шутку. Она разорвала лист, на котором красивым почерком действительно было написано «Господин Рауль», и, смяв бумагу дрожащими пальцами, бросила ее за окно.

– Вот как! – сказала Монтале. – Наша овечка, наша голубка рассердилась!.. Не бойтесь, Луиза: госпожа де Сен-Реми не придет, а если б и вздумала прийти, так вы знаете – у меня тонкий слух. Притом же вполне позволительно писать старому другу, которого знаешь двенадцать лет, особенно когда письмо начинается словами: «Господин Рауль!»

– Хорошо, я не буду писать ему, – проговорила Луиза.

– Ах, как я наказана! – воскликнула с хохотом черноглазая насмешница. – Ну, берите скорей другой лист бумаги, и сейчас допишем письмо... Ах! Вот и колокол гудит!.. Ну, да мне все равно! Герцогиня подождет или обойдется сегодня без своей фрейлины!

В самом деле, колокол звонил. Это значило, что герцогиня кончила свой туалет и ждет его высочество, который обыкновенно вел ее под руку из гостиной в столовую.

После этой церемонии супруги завтракали и опять расставались до обеда, подававшегося обычно ровно в два часа.

При звуке колокола в кухне, на левой стороне двора, отворилась дверь, и в ней показались двое дворецких и восемь поварят. Они несли подносы с кушаньями на блюдах, покрытых серебряными крышками.

Один из дворецких, видимо, старший по чину, молча коснулся жезлом караульного, громко храпевшего на скамейке. Он даже был так добр, что подал ему алебарду, стоявшую у стены. Солдат, ошалевший от сна, не спрашивая объяснений, проводил до столовой слуг, несших яства, предназначенные для их высочеств; впереди шли паж и двое дворецких.

Когда блюда проносили мимо часовых, они отдали честь.

Монтале и ее подруга смотрели из окна на подробности этого церемониала, хотя давно уже привыкли к нему. Впрочем, их любопытство вызывалось только желанием убедиться в том, что их оставили в покое. Когда поварята, солдаты, пажи и дворецкие прошли, они опять сели

к столу, и солнце, на мгновение осветившее эти два прелестных личика, теперь опять озаряло только левкой, примулы и розы.

– Ну, – сказала Монтале, устраиваясь по-прежнему, – ее высочество позавтракает и без меня.

– Ах, Монтале, ведь вас накажут! – отвечала блондинка, усаживаясь на свое место.

– Накажут? Это значит, что меня не повезут на прогулку. Да я только этого и хочу! Ехать в огромной колыхаге, держась за дверцу, поворачивать то направо, то налево по скверной дороге, по которой едва можно проехать милю в два часа; потом возвращаться к тому флигелю, где окно Марии Медичи, причем герцогиня непременно скажет: «Кто поверит, что через это окно бежала королева Мария! Сорок восемь футов высоты! А она была матерью двух принцев и трех принцесс», – какое развлечение! Нет, Луиза, пусть меня наказывают каждый день, особенно когда наказание доставляет мне возможность побыть с вами и писать такие занимательные письма.

– Монтале! Монтале! Надо исполнять свои обязанности.

– Хорошо вам, друг мой, говорить об обязанностях, когда вы пользуетесь полной свободой при дворе. Только вы одна получаете все выгоды и не несете никаких тягот: вы больше, чем я, фрейлина герцогини, потому что она переносит на вас свое расположение к вашему отчиму. Вы клюете зернышки в этом печальном доме, точно птички на нашем дворе, вдыхаете воздух, наслаждаетесь цветами и ничего не делаете. И вы же говорите мне, что надо исполнять свои обязанности! Скажите, моя прелестная ленивица, какие у вас обязанности? Писать красавцу Раулю? Но вы и ему не пишете, – значит, вы тоже немножко пренебрегаете своими обязанностями...

Луиза приняла серьезный вид, оперлась подбородком на ладонь и сказала:

– Упрекать меня за счастливую жизнь! И у вас хватает духа... У вас есть будущность: вы служите при дворе. Когда король женится, он призовет к себе его высочество: вы увидите великолепные празднества, увидите короля... Говорят, он так хорош, так мил...

– А кроме того, я увижу Рауля, который служит у принца, – лукаво прибавила Монтале.

– Бедный Рауль! – вздохнула Луиза.

– Пора писать ему, душенька! Ну, начинайте опять со слов «Господин Рауль», так красиво выведенных на листке, который вы разорвали.

Она подала подруге перо, улыбкой стараясь ее приободрить.

Та написала знакомые нам слова.

– А теперь что? – спросила блондинка.

– Теперь пишите то, что думаете, Луиза, – отвечала Монтале.

– Уверены ли вы, что я думаю о чем-то?

– Вы думаете о ком-то, а это одно и то же, и даже хуже.

– Вы уверены в этом, Монтале?

– Луиза, Луиза, ваши голубые глаза глубоки, как море, которое я видела в Булони в прошлом году. Нет, я ошибаюсь, море коварно, а ваши глаза чисты, как лазурь вон там, над нашими головами.

– Если вы так хорошо читаете в моих глазах, то скажите, что я думаю.

– Во-первых, вы не думаете «Господин Рауль», вы думаете «Мой милый Рауль».

– О!

– Не краснейте из-за пустяков. Вы думаете: «Мой милый Рауль, вы умоляете меня писать вам в Париж, где вас удерживает служба у принца. Должно быть, вам очень скучно, если вы ищете развлечения в воспоминании о провинциалке...»

Луиза вдруг встала.

– Нет, Монтале, – сказала она с улыбкой, – нет, я думаю совсем другое. Смотрите, вот что я думаю...

Она храбро взяла перо и твердой рукой написала следующие строки:

«Я была бы очень несчастлива, если бы вы не так горячо просили меня вспоминать о вас. Здесь все говорит мне о первых годах нашей дружбы, так быстро промелькнувших, так незаметно улетевших, и никогда ничто не истребит их очарования в моем сердце».

Монтале, следившая за быстрым полетом пера и читавшая по мере того, как ее подруга писала, захлопала в ладоши.

– Давно бы так! – воскликнула она. – Вот искренность, вот чувство, вот слог! Покажите, милая, этим парижанам, что Блуа – родина хорошего стиля.

– Он знает, что для меня Блуа – земной рай, – ответила блондинка.

– Вот я и говорю. Ангел не мог бы выразиться более возвышенно.

– Я кончаю, Монтале.

И она продолжала писать:

«Вы говорите, Рауль, что думаете обо мне. Благодарю вас, но это не может удивить меня: ведь я знаю, сколько раз наши сердца бились одно возле другого».

– О, – сказала Монтале, – овечка моя, берегитесь волков!

Луиза хотела ответить, как вдруг у ворот замка раздался конский топот.

– Что такое? – удивилась Монтале, подходя к окну. – Право, красивый всадник.

– Ах, Рауль! – воскликнула Луиза, тоже приблизившись к окну.

Она побледнела и в сильном волнении опустилась на стул подле недописанного письма.

– Вот молодец! – засмеялась Монтале. – Он явился очень кстати.

– Отойдите от окна... Отойдите, умоляю вас! – прошептала Луиза.

– Ну вот! Он не знает меня, дайте же мне посмотреть, зачем он сюда приехал.

II. Курьер

Монтале сказала правду: приятно было взглянуть на молодого всадника.

На вид ему было лет двадцать пять. Высокий, стройный, он ловко носил тогдашнюю красивую военную форму. Высокие ботфорты с раструбами облегли ногу; от такой ноги не отказалась бы сама Монтале, если бы вздумала нарядиться в мужской костюм. Тонкой, но сильной рукой он остановил лошадь посреди двора; потом приподнял шляпу с перьями, бросившую тень на его серьезное и вместе с тем простодушное лицо.

Солдаты проснулись от конского топота и вскочили со скамеек.

Один из них подошел к молодому всаднику, который наклонился к нему и сказал голосом таким чистым и звонким, что его слышали даже девушки у своего окна:

– Курьер к его королевскому высочеству!..

– Господин офицер! – закричал часовой. – Курьер приехал!

Но солдат знал, что никто не придет. Единственный офицер жил в глубине замка, в квартире, выходившей в сад.

Поэтому солдат прибавил:

– Господин шевалье, офицер проверяет посты, я доложу о вас господину де Сен-Реми, дворецкому.

– Де Сен-Реми! – повторил всадник, краснея.

– Вы его знаете?

– Знаю... Сообщите ему поскорее, чтобы обо мне тотчас доложили его высочеству.

– Значит, дело, должно быть, спешное, – сказал солдат как бы про себя, но надеясь на ответ.

Всадник кивнул головой.

– В таком случае, – продолжал часовой, – я сам пойду к дворецкому.

Тем временем молодой человек спрыгнул на землю, и, покуда другие солдаты с любопытством следили за каждым движением статной лошади, принадлежащей новоприбывшему, часовой, отошедший было на несколько шагов, вновь вернулся, чтобы промолвить:

– Позвольте узнать ваше имя.

– Виконт де Бражелон, от его высочества принца Конде.

Солдат низко поклонился и, как будто имя победителя при Рокруа окрылило его, взбежал по ступеням лестницы в переднюю.

Не успел виконт де Бражелон привязать лошадь к железным перилам крыльца, как к нему выбежал запыхавшийся Сен-Реми, придерживая одной рукой толстый живот, а другой рассекая воздух, как гребец рассекает воду веслом.

– Виконт! Вы здесь, в Блуа? – воскликнул он. – Какое чудо! Здравствуйте, господин Рауль, здравствуйте!

– Мое почтение, господин де Сен-Реми.

– Как госпожа де Лаваль... я хочу сказать, как госпожа де Сен-Реми будет счастлива, когда увидит вас! Но пойдете! Его высочество завтракает. Надо ли тревожить его? Дело у вас важное?

– Да как сказать... Возможно, что минута промедления не понравится его высочеству.

– Если так, нарушим правила. Пойдете, виконт! Впрочем, его высочество сегодня в духе... И притом вы привезли нам новости?

– Очень важные.

– И, вероятно, хорошие?

– Самые приятные.

– Так идемте скорей! Как можно скорей! – вскричал добряк, поправляя на ходу свой костюм.

Рауль шел за ним с шляпой в руке, немного смущенный торжественным звоном шпор по паркету огромных зал.

Как только он вошел во дворец, в знакомом нам окне опять показались головки, и оживленный шепот выдал волнение девушек. Видимо, они приняли какое-то решение, потому что черноволосая головка исчезла, а белокурая осталась в окне, прячась за цветами и внимательно глядя сквозь листья на крыльцо, по которому виконт вошел во дворец.

Между тем виконт, явившийся причиной всех этих волнений, шел следом за дворецким. По донесшемуся к нему шуму торопливых шагов, аромату вин и кушаний, звону бокалов и посуды он понял, что приближается к цели. Пажи, служители и лакеи, находившиеся в комнате перед столовой, встретили гостя с учтивостью этого края, вошедшей в пословицу. Некоторые были знакомы с Раулем, и почти все знали, что он приехал из Парижа. Можно сказать, что его появление нарушило на минуту перемену блюд.

Паж, наливавший вино его высочеству, услышав звон шпор в соседней комнате, обернулся с детским любопытством и не заметил, что льет вино уже не в стакан герцога, а на скатерть.

Герцогиня, не столь поглощенная своими мыслями, как ее достославный супруг, заметила рассеянность пажа.

– Что такое? – спросила она.

– Что такое? – повторил герцог. – Что там случилось?

Сен-Реми воспользовался удобной минутой и просунул голову в дверь.

– Зачем меня беспокоят? – спросил герцог, кладя на тарелку солидный кусок одного из самых огромных лососей, которые когда-либо поднимались вверх по Луаре, дабы попасться на удочку где-то между Пенбефом и Сент-Назер.

– Приехал курьер из Парижа. Но он может подождать, пока завтрак...

– Из Парижа! – удивился герцог, роняя вилку. – Курьер из Парижа, говорите вы? А от кого?

– От принца, – поспешил сообщить дворецкий.

Принцем называли в те времена принца Конде.

– Курьер от принца? – сказал герцог с беспокойством, замеченным всеми присутствующими и удвоившим общее любопытство.

У герцога мелькнула, быть может, мысль, что вернулись те блаженные времена заговоров, когда каждый стук двери приводил его в волнение, каждое письмо заключало в себе государственную тайну, каждый курьер был орудием опасной и запутанной интриги. Может быть, самое имя великого принца встало под сводами Блуаского замка, точно привидение.

Герцог отодвинул тарелку.

– Прикажете курьеру подождать? – спросил де Сен-Реми.

Взгляд герцогини придавал герцогу энергии, и он ответил:

– Нет, нет! Наоборот, позовите его сейчас же! Кстати, а кто он?

– Здешний дворянин, виконт де Бражелон.

– А, очень хорошо... Введите его, Сен-Реми, введите!

Произнеся эти слова с обычной важностью, герцог бросил взгляд на всех находившихся в столовой, и все они – пажи, служители и берейторы, – побросав салфетки, ножи и стаканы, беспорядочной толпой быстро скрылись в соседней комнате.

Столовая была пуста, когда Рауль де Бражелон вслед за Сен-Реми вошел туда.

Оставшись один, герцог успел придать своему лицу подобающее выражение. Он не повернулся, ожидая, пока дворецкий подведет к нему курьера. Рауль остановился у конца стола, между герцогом и его супругой. Затем он низко поклонился его высочеству, почтительно

ее высочеству, выпрямился и стал ждать, когда герцог заговорит. Герцог, со своей стороны, ждал, пока запрут двери. Он не хотел оборачиваться, чтобы убедиться, закрыты ли они. Такое движение было бы недостойно его; но он напряженно прислушивался, щелкнул ли замок, что сулило ему хоть видимость тайны.

Когда заперли дверь, герцог поднял глаза на виконта и спросил:

– Вы, кажется, из Парижа?

– Только что, ваше высочество.

– Здоров ли король?

– Вполне.

– А королева?

– Ее величество все еще страдает грудью. Но теперь уже с месяц как ей несколько лучше.

– Мне доложили, что вы приехали ко мне от принца. Это, верно, ошибка!

– Нет, ваше высочество! Принц поручил мне доставить вам это письмо и ждать ответа.

Рауль был несколько смущен столь холодным и церемонным приемом: голос его незаметно понизился, и кончил он почти шепотом. Герцог забыл, что сам был причиной этой таинственности, и им снова овладел страх.

С угрюмым видом принял он письмо принца Конде, распечатал его, точно какой-нибудь подозрительный пакет, и, отвернувшись, чтобы никто не мог заметить выражения его лица, прочел письмо.

Герцогиня следила за всеми движениями своего августейшего супруга с такой же тревогой, какую испытывал он сам.

Рауль бесстрастно, не двигаясь с места, смотрел в открытое окно на сад и на статуи в нем.

– Ах, – вскричал вдруг герцог с сияющей улыбкой. – Вот приятный сюрприз! Премилое письмо от принца! Прочтите сами!

Стол был так широк, что герцог не мог дотянуться до руки герцогини; Рауль поспешил передать письмо и сделал это так ловко, что герцогиня ласково поблагодарила его.

– Вы, верно, знаете содержание письма? – спросил герцог у виконта.

– Знаю, ваше высочество. Сначала принц дал мне поручение на словах; потом передумал и написал письмо.

– Прекрасный почерк, – сказала герцогиня, – но я никак не могу разобрать...

– Прочтите, виконт, – попросил герцог.

Рауль начал читать.

Герцог слушал его очень внимательно.

Вот содержание письма:

«Ваша светлость!

Король едет за границу; вам уже известно, что скоро совершится бракосочетание его величества. Король соизволил назначить меня своим квартирмейстером на время этого путешествия. Зная, как было бы приятно его величеству провести день в Блуа, осмеливаюсь просить вас дозволить мне отметить на моем маршруте ваш замок. Однако если неожиданность такой просьбы может причинить вашему королевскому высочеству затруднение, то умоляю вас уведомить меня через посланного мною курьера, одного из моих офицеров, виконта де Бражелона. Мой маршрут будет зависеть от решения вашего королевского высочества: если нельзя ехать на Блуа, я укажу путь через Вандом или Роморантен. Смею надеяться, что ваше высочество примет просьбу мою благосклонно, как знак преданности и желания быть вам приятным».

– Ничего не может быть приятнее, – заметила герцогиня, которая во время чтения несколько раз ловила взгляд мужа. – Король будет здесь! – прибавила она громче, чем следует, когда хотят сохранить тайну.

– Господин де Бражелон, – сказал герцог, в свою очередь, – поблагодарите принца Конде и выразите ему мою признательность за удовольствие, которое он мне доставил.

Рауль поклонился.

– Когда приедет его величество?

– Вероятно, сегодня вечером.

– Как же узнали бы мой ответ, если бы он оказался отрицательным?

– Мне было приказано в этом случае возможно скорее вернуться в Божанси и передать ваш ответ курьеру, который тотчас вручил бы его принцу.

– Значит, король в Орлеане?

– Нет, гораздо ближе; теперь его величество должен быть в Менге.

– Его сопровождает двор?

– Да, ваше высочество.

– Ах! Я и забыл спросить вас о кардинале!

– Его преосвященство, кажется, здоров.

– Его племянницы едут с ним?

– Нет, ваше высочество; его преосвященство приказал господам Манчини отправиться в Бруаж; они поедут по левому берегу Луары, тогда как двор проследует по правому.

– Как! Мария Манчини тоже покидает двор? – спросил герцог, осторожность которого несколько уменьшилась.

– Мария Манчини в первую очередь, – скромно ответил Рауль.

Беглая улыбка, едва заметный след прежней привычки к запутанным интригам, осветила бледное лицо герцога.

– Благодарю вас, господин де Бражелон, – сказал он. – Вы, может быть, не захотите передать принцу другого моего поручения – сообщить, что его посланный очень мне понравился: но я сам скажу ему об этом.

Рауль поклонился в знак благодарности за лестный отзыв.

Герцог подал знак герцогине, и она позвонила. Тотчас вошел Сен-Реми, и комната наполнилась людьми.

– Господа, – объявил герцог, – его величество сделал мне честь, пожелав провести день в Блуа; надеюсь, что король, мой племянник, не будет раскаиваться в милости, которую он оказывает моему дому.

– Да здравствует король! – вскричали с неудержимым восторгом все присутствующие и прежде всех сам Сен-Реми.

Герцог в мрачном унынии склонил голову. Всю жизнь должен он был слушать, вернее – терпеть, эти крики. Давно уже не слышав их, он успокоился; и вот молодой король, более живой и блестящий, чем прежний, вставал перед ним как новая горькая насмешка.

Герцогиня поняла страдания этого боязливого и подозрительного человека. Она поднялась из-за стола.

Герцог бессознательно последовал ее примеру. Служители, жужжа, как пчелы, окружили Рауля и начали его расспрашивать.

Герцогиня, заметив это, подозвала Сен-Реми.

– Теперь не время болтать, надо приниматься за дело! – сказала она голосом недовольной хозяйки.

Сен-Реми поспешил рассеять кружок, собравшийся около Рауля, и виконт вышел в переднюю.

– Надеюсь, об этом дворянине позаботятся? – прибавила герцогиня, обращаясь к Сен-Реми.

Толстяк побежал за Раулем.

– Герцогиня приказала предложить вам закусить и отдохнуть, – сообщил он, – для вас готова квартира в замке.

– Благодарю вас, господин де Сен-Реми, – отвечал виконт. Вы знаете, как мне хочется скорее увидеть отца.

– Знаю, знаю, виконт. Прошу вас передать ему мой почтительный поклон!

Рауль распрощался со старым дворянином и пошел своей дорогой.

Когда он проходил под воротами, ведя лошадь под уздцы, тонкий голосок окликнул его из глубины тенистой аллеи:

– Господин Рауль!

Виконт в изумлении обернулся и увидел черноволосую девушку. Она приложила палец к губам и протянула ему руку.

Этой девушки он не знал.

III. Свидание

Рауль подошел к девушке, позвавшей его.

– А как мне быть с лошастью? – спросил он.

– Вот так затруднение!.. В переднем дворе есть конюшня; поставьте туда лошадь и возвращайтесь скорей.

– Повинуюсь!

Рауль сделал все, как было сказано, и вернулся к маленькой двери; тут, в полумраке, он увидел свою таинственную провожатую. Она ждала на первых ступеньках винтовой лестницы.

– Вы не побойтесь пойти за мной, странствующий рыцарь? – рассмеялась девушка, видевшая минутное колебание Рауля.

Вместо ответа он устремился за ней по темной лестнице.

Так прошли они три этажа; каждый раз, ища перил, он касался шелкового платья, которое шелестело впереди по лестнице. Когда Рауль спотыкался, спутница строго произносила «шшш» и протягивала ему маленькую нежную ручку.

– Так можно подняться на самый верх башни, не чувствуя усталости, – сказал Рауль.

– Другими словами, вы очень заинтересованы, очень устали и очень взволнованы!.. Успокойтесь, мы пришли!

Девушка отворила дверь, и на площадку лестницы, за перила которой держался Рауль, хлынул поток света.

Брюнетка двинулась вперед; он не отставал. Она вошла в комнату, Рауль вслед за ней.

Очутившись в западне, он услышал чей-то возглас, обернулся и в двух шагах от себя увидел белокурую голубоглазую красавицу с белоснежными плечами, которая стояла, сложив руки и закрыв глаза.

Во всем ее облике он почувствовал столько любви, столько счастья, что пал перед нею на колени и прошептал ее имя:

– Луиза...

– Ах, Монтале, Монтале! – упрекнула Луиза. – Грех так обманывать людей!

– Я вас обманула?!

– Да. Вы сказали, что пойдете узнать, что там делается, а вместо того привели его сюда!

– Как же иначе? Каким бы образом он получил письмо, которое вы писали?

И Монтале указала на письмо, лежавшее на столе. Рауль бросился к нему, но Луиза, хотя все еще смущенная, быстро протянула руку, желая его остановить. Рауль встретил теплую дрожащую ручку, взял ее и так почтительно поднес к губам, что казалось, это был не поцелуй, а вздох.

Между тем Монтале взяла письмо, тщательно сложила его втрое, как обыкновенно делают женщины, и спрятала за корсаж.

– Не бойтесь, Луиза, – успокоила ее Монтале, – виконт не возьмет письма, как покойный король Людовик Тринадцатый не брал записок, спрятанных на груди мадемуазель де Отфор.

Рауль покраснел, увидев, что обе девушки смеются, и не заметил, что ручка Луизы осталась в его руках.

– Что же, – спросила Монтале, – вы простили мне, Луиза, что я привела к вам виконта? А вы, сударь, не сердитесь, что пошли за мной и увидели Луизу? Теперь, когда мир заключен, поговорим как старые друзья. Луиза, познакомьте меня с виконтом!

– Виконт, – сказала Луиза со своей серьезной грацией и невинною улыбкою, – имею честь представить вам Ору де Монтале, приближенную ее королевского высочества и мою подругу, мою милую подругу.

Рауль церемонно поклонился.

– А меня, Луиза, вы не представите вашей приятельнице? – спросил он.

– О, она вас знает! Она знает все!

Эти наивные слова заставили Монтале рассмеяться, а Рауля вздохнуть от радости. Он понял их так: поскольку она мой друг, то знает все о нашей любви.

– Теперь церемонии кончены, виконт, – сказала Монтале. – Вот кресло; садитесь и сообщите нам скорее, какое известие привезли вы так поспешно?

– Теперь оно уже не тайна, сударыня. Король по дороге в Пуатье остановится в Блуа, чтобы навестить его королевское высочество.

– Король будет здесь! – воскликнула Монтале, хлопая в ладоши. – Мы увидим двор! Понимаете вы, Луиза? Настоящий парижский двор! Боже мой! Но когда же?

– Может быть, сегодня вечером, сударыня, а завтра наверное.

Монтале с досадой махнула рукою.

– Нет времени одеться! некогда приготовить платья! Мы здесь отстали от мод, как польки. Мы будем похожи на портреты времен Генриха Четвертого... Ах, виконт, вы привезли плохую новость!..

– Вы будете хороши во всяком наряде.

– Какой избитый комплимент!.. Мы будем хороши, потому что природа создала нас достаточно привлекательными; но мы будем смешны, потому что мода забыла нас... Смешны!.. Я покажусь смешною!..

– Кому? – удивилась Луиза.

– Кому? Какая вы странная, милая моя! Можно ли задавать такой вопрос!.. Кому... Всем... Придворным кавалерам, вельможам, королю.

– Простите меня, Монтале, но если здесь все привыкли видеть нас такими...

– Правда, но теперь все это переменится, и мы будем смешными даже в Блуа; ведь все увидят парижские моды и поймут, что мы одеты как провинциалки! Это приводит меня в отчаяние!

– Утешьтесь, сударыня!

– А впрочем, тем хуже для тех, кому я не понравлюсь! – философски заявила Монтале.

– Ну, таких будет трудно найти! – возразил Рауль, верный своей неизменной любезности.

– Благодарю, виконт! Так вы говорите, что король приедет в Блуа?

– Со всем двором.

– И с Манчини?

– Нет, без них.

– Но, говорят, король не может расстаться с Марией Манчини?

– Однако ему придется обойтись без нее. Так угодно кардиналу. Он послал своих племянниц в Бруаж!

– О, лицемер!

– Тише! – сказала Луиза, прикладывая палец к розовым губам.

– Здесь меня никто не слышит! Я говорю, что старый Мазарини – лицемер: он спит и видит, как бы сделать племянницу французской королевой.

– О нет, сударыня. Напротив, кардинал хочет, чтобы король женился на инфанте Марии-Терезии.

Монтале посмотрела Раулю прямо в глаза.

– Неужели вы, парижане, верите таким басням? – спросила она. – Мы здесь, в Блуа, не так легковжны.

– Но подумайте: раз король едет через Пуатье в Испанию, раз статьи свадебного контракта утверждены доном Луисом де Харо и кардиналом, вы понимаете, сударыня, это уже не шутки.

– Однако, я думаю, король все-таки король?

– Разумеется, но и кардинал все-таки кардинал...

– Значит, король не человек? Или он не любит Марию Манчини?

– Обожают!

– Ну, так он женится на ней. Начнется война с Испанией. Кардинал Мазарини истратит несколько миллионов из тех, что у него припрятаны. Наши дворяне совершат чудеса храбрости в сражениях против гордых кастильцев. Многие возвратятся с лавровыми венками, а мы увенчаем их миртом. Вот как я понимаю политику!

– Монтале, вы безумная! – сказала Луиза. – Всякая крайность привлекает вас, как огонь бабочку!

– А вы, Луиза, слишком рассудительны, чтобы по-настоящему любить.

– О, – прошептала Луиза с нежным упреком, – поймите же, Монтале!.. Вдовствующая королева хочет женить сына на инфанте. Неужели король решится послушаться матери? Неужели такой король, как он, захочет подать дурной пример? Когда родители запрещают любить, надо прогнать любовь!

И Луиза вздохнула. Рауль в замешательстве опустил глаза. Монтале расхохоталась.

– У меня нет родителей, – промолвила она.

– Вы, должно быть, осведомлены о здоровье графа де Ла Фер? – спросила Луиза после вздоха, обнаружившего всю ее печаль.

– Нет, – отвечал Рауль, – я еще не был у батюшки; я хотел ехать к нему, когда меня остановила ваша подруга. Надеюсь, что граф здоров... Вы не слыхали о нем ничего дурного?

– Ничего, Рауль, слава богу!

Воцарилось молчание. Пока оно длилось, оба, поглощенные одной мыслью, без единого взгляда превосходно понимали друг друга.

– Боже мой! – вдруг вскричала Монтале. – Сюда идут!

– Кто это может быть? – спросила Луиза с беспокойством.

– Ах, я подвергаю вас опасности! Как я был неблагоприятен! – прошептал Рауль в сильном замешательстве.

– Шаги тяжелые! – сказала Луиза.

– Если это Маликорн, то нам нечего беспокоиться, – заметила Монтале.

Луиза и Рауль переглянулись, как бы спрашивая друг друга: «Кто это Маликорн?»

– Не волнуйтесь, – продолжала Монтале, – он не ревнив.

– Но... – начал Рауль.

– Понимаю: он не болтлив, как и я.

– Ах! – испугалась Луиза, прислушиваясь у полуоткрытой двери. – Я узнаю шаги моей матери.

– Госпожа де Сен-Реми! Куда мне спрятаться? – спросил Рауль слегка смутившуюся Монтале.

– Да, – сказала она, – и я узнаю стук ее башмаков!.. Это ваша добрая матушка! Ах, как жаль, виконт, что окно выходит на мостовую и до земли футов пятьдесят.

Рауль растерянно посмотрел на балкон. Луиза схватила его за руку и удержала.

– О, я совсем с ума сошла! – вскричала Монтале. – А мой шкаф с парадными платьями! Он словно для этого именно и предназначен!

Пора было прятаться. Г-жа де Сен-Реми поднималась быстрее обыкновенного. Она появилась на площадке в то время, когда Монтале затворила шкаф и прислонилась к дверце.

– А! – грозно промолвила г-жа де Сен-Реми. – Вы здесь, Луиза?

– Да, здесь, – отвечала Луиза, побледнев, словно ее уличили в ужасном преступлении.

– Так, так!

– Присядьте, сударыня, – сказала Монтале, придвигая кресло г-же де Сен-Реми и ставя его так, чтобы она села спиной к шкафу.

– Благодарю, Ора. Идем, дочь моя, пойдем скорее!

– Куда? Зачем?

– Домой. Надо же приготовить наряды!

– Что случилось? Что за спешка? – спросила Монтале, притворяясь удивленной.

Она боялась, как бы Луиза не проговорила.

– Разве вы не знаете новости? – недоверчиво посмотрела на нее г-жа де Сен-Реми.

– Что можем мы знать, сидя в этой голубятне, сударыня?

– Как!.. Вы никого не видели?

– Вы говорите загадками, мы сгораем от нетерпения! – перебила ее Монтале, которая не знала, что делать, видя, что Луиза все бледнеет.

Наконец она поймала красноречивый взгляд подруги, один из тех взглядов, которые способны растрогать даже стены. Луиза указывала на шляпу, на злополучную шляпу Рауля, красовавшуюся на столе.

Монтале шагнула вперед и, схватив шляпу левой рукой, перебросила за спиной в правую и, наконец, спрятала, не переставая говорить.

– Ну так вот, – продолжала г-жа де Сен-Реми, – приехал курьер и привез известие о скором прибытии сюда его величества! Надо принарядиться!

– Скорее, – сказала Монтале, – скорее, Луиза! Ступайте за вашей матушкой, а я пока примерю парадное платье.

Луиза встала. Г-жа де Сен-Реми взяла ее за руку и вывела на лестницу.

– Идем! – скомандовала она. И прибавила потихоньку: – Я запретила вам заходить к Монтале! Почему же вы бываете у нее?

– Она моя подруга. Притом я только что вошла.

– И при вас никого не прятали?

– Что вы?

– Я видела мужскую шляпу... Это, верно, шляпа бездельника Маликорна... Приближенная – и принимает у себя такого человека!.. Фи!..

Голоса замерли на лестнице. Монтале все слышала, потому что эхо передавало ей слова.

Она пожала плечами, увидев Рауля, который выбрался из шкафа и тоже все слышал, и произнесла:

– Бедная Монтале! Жертва дружбы!.. Бедный Маликорн! Жертва любви!

Она остановила свой взор на трагикомическом лице Рауля, смущенного тем, что он в один день узнал столько тайн.

– Ах, сударыня, – начал он, – как мне благодарить вас за вашу любезность!

– Когда-нибудь сочтемся, – ответила она, – а теперь уходите поскорее, виконт! Госпожа де Сен-Реми очень строга и может произвести здесь обыск, который будет неприятен нам всем! Прощайте!

– Но Луиза... как узнать...

– Ступайте! Ступайте! Король Людовик Одиннадцатый недаром изобрел почту!

– Увы! – проговорил Рауль.

– А я разве не помогу вам? Я стою больше всех королевских почт! Скорей на коня! Если госпожа де Сен-Реми придет читать мне нравоучение, надо, чтобы она не застала вас здесь.

– Она, пожалуй, скажет моему отцу!.. – прошептал Рауль.

– И вас станут бранить!.. Ах, виконт, видно, что вы состоите при дворе: вы боязливы, как король. В Блуа мы обходимся нередко без согласия папенок! Спросите Маликорна.

С этими словами шалуныня взяла Рауля за плечи и выставила его за дверь. Он осторожно спустился по лестнице, отыскал свою лошадь, вскочил на нее и поскакал так, словно его преследовали восемь солдат герцога Орлеанского.

IV. Отец и сын

Рауль ехал по хорошо ему известной, милой по воспоминаниям дороге, которая вела из Блуа к дому графа де Ла Фер.

Читатель уволит нас от описания этого дома. Он бывал уже там вместе с нами в прежние времена и знает его. Только со времени последнего нашего путешествия туда стены посерели, кирпичи приобрели зеленоватый оттенок старой меди, а деревья разрослись. Те из них, что некогда протягивали свои тоненькие руки над низкой изгородью, ныне стояли крепкие, густые, пышные, далеко бросая темную тень от своих налитых соком ветвей, одаривая путника цветами и плодами своими.

Рауль издали увидел остроконечную крышу, две маленькие башенки, голубятню между вязами и голубей, непрерывно летавших вокруг кирпичного конуса, никогда его не покидая, как не покидают приятные воспоминания безмятежную душу.

Когда он приблизился, то услышал скрип колодезного вала под тяжестью массивных ведер; ему показалось также, что он слышит меланхолический шум воды, со стоном падающей назад в колодец; шум печальный, похоронный, торжественный, ударяющий в ухо ребенка и мечтателя, затем чтобы никогда уже не забыться ни тем, ни другим; шум, который поэты-англичане окрестили словом «splash» и который мы, французы, что так стараемся быть поэтами, умеем передавать лишь перифразой: *шум воды, падающей в воду*.

Уже больше года Рауль не видел отца; все это время он находился у принца Конде.

Действительно, после волнений Фронды, первый период которых мы постарались изобразить в предыдущей части этой трилогии, Луи де Конде примирился с двором искренне, публично и торжественно. За все время распри между принцем Конде и королем принц, полюбивший виконта, тщательно делал ему предложения, соблазнительные для молодого человека. Граф де Ла Фер, верный принципам чести и преданности королю, когда-то преподанным им сыну в усыпальнице Сен-Дени, постоянно отказывал принцу от имени сына. Более того, не присоединившись к принцу Конде во время мятежа, виконт примкнул к Тюренну, который сражался на стороне короля. Затем, когда Тюренн, в свою очередь, охладел к королю, виконт расстался и с Тюренном, как прежде с принцем. Благодаря такой неизменной линии поведения и тому, что Конде и Тюренн одерживали победы, только сражаясь под знаменами короля, в послужном списке Рауля, при всей его молодости, значилось десять побед и ни одного поражения, задевающего его честь и совесть.

Рауль, по желанию отца, стойко и покорно служил Людовику XIV, несмотря на почти неизбежные в то время колебания и переходы из одного лагеря в другой.

Принц Конде, попав в милость, воспользовался дарованной ему амнистией, чтобы возвратить себе многое, и в том числе Рауля. Граф де Ла Фер, следуя, как всегда, велению здравого смысла, тотчас же отправил Рауля к принцу.

Прошел год со времени последнего свидания сына с отцом; письма смягчали, но не излечивали его грусти. Мы видели, что Рауль оставил в Блуа и другую любовь, кроме сыновней.

Но отдадим ему справедливость: если б не случай и не Ора Монтале, эти два демона-соблазнителя, Рауль, исполнив поручение, поскакал бы прямо к отцу; он, наверное, оглядывался бы, но не остановился, если бы даже сама Луиза простирала к нему руки.

В первую половину пути Рауль предавался сожалениям о прошлом, с которым пришлось так быстро расстаться, проще говоря, о своей возлюбленной; во время второй половины пути он думал о друге, к которому нетерпеливо стремился.

Рауль увидел, что ворота в сад открыты, и пустил лошадь по аллее, не обращая внимания на угрожающие жесты старика в лиловой вязаной куртке и в большой шапке из вытертого бархата.

Старик, половший грядку карликовых роз и маргариток, пришел в негодование, видя, что лошадь скачет по расчищенным и посыпанным песком аллеям.

Он решился даже произнести громкое «эй», заставившее виконта обернуться. Тогда картина переменилась. Узнав Рауля, старик вскочил и побежал к дому с ворчанием, которое служило у него выражением крайнего восторга.

Рауль доехал до конюшни, отдал лошадь мальчику и взбежал по лестнице с быстротой, которая порадовала бы его отца.

Он прошел переднюю, столовую и гостиную, никого не встретив; наконец, дойдя до кабинета графа де Ла Фер, он нетерпеливо постучал в дверь и вошел, не дождавшись даже ответа: «Войдите!», произнесенного строгим, но приятным голосом.

Граф сидел за столом, заваленным книгами и бумагами. Он был все тем же благородным и красивым вельможей, как и прежде; но время придало его благородству и красоте характер величавой значительности. Чистый гладкий лоб, обрамленный длинными, почти седыми кудрями; глаза пронизательные и ласковые, под юношескими ресницами; усы тонкие, с проседью, над губами чистого, красивого рисунка, точно никогда не искажавшимися гибельными страстями; стан прямой и гибкий; безукоризненной формы, но худые руки. Таков был знаменитый вельможа, которого многие современники превозносили под именем Атоса. Он перечитывал какую-то тетрадь, внося в нее поправки.

Рауль обнял отца за шею, за плечи, как пришлось, и поцеловал его так нежно, так быстро, что граф не успел ни уклониться, ни совладать с охватившим его волнением.

– Ты здесь, Рауль? – вскричал он. – Ты здесь? Возможно ли?

– О! Как я рад видеть вас!

– Ты не отвечаешь мне, виконт! Получил ли ты отпуск в Блуа? Или в Париже случилось какое-нибудь несчастье?

– Слава богу, – отвечал Рауль, мало-помалу успокаиваясь, – никакого несчастья; напротив, все прекрасно. Король женится, как я имел честь известить вас в последнем письме, и отправляется в Испанию. Он проедет через Блуа.

– И посетит его высочество?

– Именно. Боясь застать его врасплох или желая сделать ему удовольствие, принц послал меня приготовить квартиры.

– Ты видел его высочество? – быстро спросил граф.

– Видел.

– В замке?

– Да, в замке, – отвечал Рауль, опуская глаза, потому что почувствовал в вопросе графа не одно только любопытство.

– Ах, вот как! Поздравляю...

Рауль поклонился.

– Видел ли ты еще кого-нибудь в Блуа?

– Видел ее высочество.

– Так. Но я говорю не о герцогине.

Рауль сильно покраснел и промолчал.

– Ты, верно, не понимаешь меня, виконт? – продолжал граф де Ла Фер, не повышая голоса, но с некоторой строгостью во взгляде.

– Я понял, отец, – отвечал Рауль. – И если я не сразу ответил, то не потому, что собирался солгать... Вы сами это знаете, отец...

– Знаю, что ты никогда не лжешь, потому-то я и удивляюсь, что тебе надо так много времени, чтобы сказать мне *да* или *нет*.

– Я могу ответить вам, только если правильно понял ваш вопрос; а если я вас понял, то вы дурно примете мои первые слова. Вам, верно, не понравится, отец, что я видел...

– Луизу де Лавальер.

– Отец, входя в замок, я вовсе не знал, что Луиза де Лавальер живет там; когда я возвращался из замка, исполнив поручение, случай столкнул меня с нею. Я имел честь засвидетельствовать ей свое почтение.

– А как зовут случай, который свел тебя с Луизой де Лавальер?

– Ора де Монтале.

– Что это за Ора де Монтале?

– Девушка, которой я прежде никогда не видал. Приближенная герцогини Орлеанской.

– Не стану более тебя расспрашивать, виконт; даже раскаиваюсь, что говорил об этом слишком долго. Я просил тебя избегать встреч с Луизой де Лавальер и видеться с нею только с моего позволения! О! Я знаю, ты сказал мне правду, что не искал случая встретиться с нею. Случай был против меня: я не могу обвинять тебя. Довольно того, что я уже говорил тебе несколько раз об этой девушке. Я ни в чем не упрекаю ее. Бог мне свидетель. Только в мои намерения не входит, чтобы ты бывал в ее доме. Еще раз прошу тебя, милый Рауль, хорошенько это запомнить.

Ясные и чистые глаза Рауля потемнели, когда он услышал эти слова.

– Теперь, друг мой, – продолжал граф с ласковой улыбкой, обычным своим голосом, – поговорим о другом. Ты сейчас возвращаешься на службу?

– Нет, я могу пробыть целый день у вас. К счастью, принц дал мне только одно поручение, вполне отвечающее моим желаниям.

– Король здоров?

– Да.

– А принц?

– Как всегда.

Граф, по старой привычке, забыл о Мазарини.

– Хорошо, Рауль. Так как ты сегодня принадлежишь мне, то и я посвящу тебе весь день. Обними меня, еще... еще! Ты у себя дома, виконт... А! Вот и наш старый Гримо!... Гримо, поди сюда! Виконт хочет обнять тебя.

Старик не заставил себя просить и подбежал к юноше с распростертыми объятиями. Рауль бросился к нему навстречу.

– Не хочешь ли пройтись по саду, Рауль? Я покажу тебе новое помещение, которое я велел приготовить для тебя во время отпуска. Пока мы будем смотреть зимние посадки и новых верховых лошадей, ты расскажешь мне о наших парижских друзьях.

Граф сложил рукопись, взял сына под руку и прошел с ним в сад.

Гримо задумчиво посмотрел вслед Раулю, почти коснувшемуся притолоки, и, поглаживая седую голову, задумчиво прошептал:

– Вырос!

V. Где речь пойдет о Крополи, о Крополе и о великом непризнанном живописце

Пока граф де Ла Фер будет осматривать с Раулем новые постройки и недавно купленных лошадей, попросим читателя вернуться с нами в Блуа, чтобы присутствовать при необыкновенном волнении, охватившем город.

Первыми жертвами новости, привезенной Раулем, стали гостиницы.

В самом деле, король и двор приедут в Блуа; это значит – сто всадников, десять карет, двести лошадей и столько же слуг, сколько господ. Где поместятся все эти люди? Где расположатся соседние дворяне, которые, может быть, приедут через два-три часа, как только до них дойдут вести, расходящиеся, как круги от камня, брошенного в спокойную воду?

Еще утром Блуа был спокоен, как самое тихое озеро; но при известии о прибытии короля город вдруг наполнился шумом и суетой.

Повара под надзором дворецких отправились из замка в город покупать провизию. Десять курьеров поскакали в шамборские лавки за дичью, на бевронские тони за рыбой, в шевернийские оранжереи за цветами и фруктами.

Из кладовых вытаскивали ценные ковры и люстры на золоченых цепях; целая армия слуг мела дворы и мыла каменную облицовку замка, в то время как их жены собирали полевые цветы за рекой. Чтобы не отстать от замковой челяди, весь город принялся приводить себя в порядок с помощью щеток, метелок и воды.

Канавки верхнего города, беспрерывно наполнявшиеся водой, в нижнем городе превращались в потоки, а мостовая, часто весьма грязная, теперь была вычищена и блестела под лучами солнца.

Музыканты тоже готовились к встрече; все запасались у купцов лентами и бантами для шпага; хозяйки закупали хлеб, мясо и пряности. Многие жители, дома которых были снабжены всем, точно в ожидании осады, и которым нечего было больше делать, уже надевали праздничные платья и направлялись к городским воротам, чтобы раньше всех увидеть въезд свиты. Они знали, что король прибудет не ранее ночи или даже, может быть, утром. Но ведь ожидание – это своего рода безумие. А что такое безумие, если не избыток надежды?

В нижнем городе, шагах в ста от замка, на красивой улице, которая называлась тогда Старою и действительно была очень старой, возвышалось солидное здание с остроконечной кровлей, массивное и широкое, с тремя окнами в первом этаже, двумя во втором и маленьким окном в третьем.

Со стороны этого треугольника недавно построили довольно обширных размеров параллелограмм, который бесцеремонно занял большую часть улицы, согласно вольному стилю застройки, допускаемому тогдашними городскими властями. Улица оказывалась раза в четыре уже, но зато дом – в два раза шире; не правда ли, игра стоила свеч?

Предание гласило, что в этом доме с остроконечной крышей во времена Генриха III жил сановник, к которому однажды приехала королева Екатерина Медичи, по словам одних – просто чтобы навестить его, по словам других – чтобы задушить. Как бы то ни было, королеве пришлось с опаской переступить порог этого дома.

После смерти сановника, последовавшей от удушения или от естественных причин – не все ли равно, – дом продали, потом забросили и, наконец, отделили от остальных домов этой улицы. Только во второй половине царствования Людовика XIII итальянец Крополи, бежавший от службы на кухнях маршала д'Анкара, занял этот дом. Он открыл тут гостиницу, где приготавливались такие вкусные макароны, что их приходили поест и за ними посылали люди, жившие за несколько лье от Старой улицы.

Слава гостиницы возросла, когда королева Мария Медичи, заточенная, как известно, в Блуаском замке, однажды прислала сюда за макаронами. Это произошло именно в тот день, когда она бежала из замка через знаменитое окно. Блюдо с макаронами осталось на столе: королева едва прикоснулась к лакомому кушанью.

В ознаменование двойной милости, оказанной треугольному дому благодаря удушению и макаронам, бедный Крополи вздумал дать своей гостинице пышное название. Но его итальянская фамилия не могла служить в ту пору рекомендацией, а маленькое, тщательно скрываемое состояние не позволяло ему слишком выставлять себя напоказ.

Чувствуя приближение смерти, что происходило в 1643 году, после смерти Людовика XIII, он позвал сына, юного поваренка, подававшего блистательные надежды, и со слезами на глазах завещал ему сохранить секрет приготовления макарон, офранцузить свое имя, жениться на француженке и, наконец, когда политический горизонт очистится от туч, приказать соседнему кузнецу сделать большую вывеску, на которой знаменитый живописец напишет портреты двух королей с надписью: «Гостиница Медичи».

Добряку Крополи, после всех этих заветов, едва хватило сил указать своему юному наследнику на камин, под плиту которого он засунул когда-то тысячу луидоров, – и испустить дух.

Крополи-сын начал с того, что приучил публику произносить конечное «и» своей фамилии так слабо, что вскоре, при общем снисхождении, его фамилия стала звучать просто Крополь – имя чисто французское.

Потом он женился; у него как раз была на примете француженка, в которую он был влюблен, и он сумел получить за ней порядочное приданое, показав предварительно тайник в камине.

Выполнив первые два пункта отцовского завещания, он принялся искать живописца для вывески.

Скоро отыскался и живописец.

То был старый итальянец, последователь Рафаэля и Каррачи, но последователь неудачливый. Он причислял себя к венецианской школе, вероятно, потому, что очень любил яркие тона. Работы его, из которых он за всю свою жизнь не продал ни одной, так не нравились горожанам, что он наконец перестал писать.

Он всегда хвалился, что расписал банную комнату для супруги маршала д'Анкара, и сожалел, что сия комната сгорела во время беспорядков, связанных с именем маршала.

Крополи проявлял снисходительность к своему соотечественнику Питрино, – так звали художника. Быть может, он видел знаменитую роспись банной комнаты, – во всяком случае, он относился к этому Питрино с таким уважением и обращался с ним так дружески, что даже поселил его в своем доме.

Благодарный Питрино, питаясь макаронами, прославил национальное кушанье и оказал своим неутомимым языком большие услуги дому Крополи.

В старости он привязался к сыну, как некогда к отцу, и мало-помалу сделался чем-то вроде смотрителя при доме, где его неподкупная честность, признанная всеми скромность, невиданная душевная чистота и тысячи других добродетелей, перечислять которые здесь мы почитаем излишним, даровали ему постоянное место у семейного очага, с правом распоряжаться всею прислугой. Сверх того, это именно он пробовал макароны, дабы поддержать чистоту вкуса старинной традиции, и надо заметить, что он не прощал ни лишнего зернышка перца, ни недостающего атома пармезана.

Он чрезвычайно обрадовался, когда Крополь-сын доверил ему тайну и поручил написать знаменитую вывеску.

Надо было видеть, как страстно рылся он в своем старом ящичке в поисках кистей, слегка обьединенных крысами, но еще вполне годных, пузырьков с полусохшими красками, льняного

масла в бутылки и старой палитры, принадлежавшей еще Бронзино, этому «богу живописи», как утверждал на своем ломаном итало-французском языке артист из-за гор.

Питрино буквально вырос от радости, чувствуя, что восстановит свою былую славу.

Он сделал то же, что сделал Рафаэль: переменял манеру и написал, подражая Альбано, не двух королей, а двух богинь. Августейшие дамы поражали такой грацией, представляли удивленным взорам такое соединение роз и лилий – очаровательное следствие перемены манеры Питрино, – возлежали в таких соблазнительных позах сирен, что начальник полиции, когда ему дали взглянуть на это монументальное украшение дома Крополя, тотчас объявил, что эти дамы слишком хороши и что их прелести действуют слишком сильно, чтобы их можно было оставить на вывеске на виду у всех прохожих.

– Его высочество герцог Орлеанский, – сказал он Питрино, – часто посещает наш город, и ему, наверное, не понравится, что его знаменитая матушка так мало прикрыта. Он способен засадить вас в подземную темницу, потому что у прославленного принца сердце далеко не всегда мягкое. Извольте замазать либо обеих сирен, либо надпись, – иначе я не позволю вам выставить эту вывеску напоказ. Я забочусь о вашей пользе, Крополь, и о вашей тоже, синьор Питрино.

Что тут скажешь? Пришлось поблагодарить начальника полиции за его заботливость, что и сделал Крополь.

Но разочарованный Питрино пал духом. Он чувствовал, чем все это кончится.

Едва ушел начальник полиции, как Крополь спросил, скрестив руки:

– Что же нам делать?

– Мы сотрем надпись, – печально отвечал Питрино. – Мы можем сделать это в одно мгновение и заменить наших «Медичи» «Нимфами» или «Сиренами», как вам будет угодно.

– Нет, нет, – сказал Крополь, – тогда воля моего отца не будет выполнена. Мой отец очень хотел...

– ...чтобы были фигуры, – продолжил Питрино.

– Надписи, – поправил его Крополь.

– Он завещал, чтобы они были похожи, и они похожи. Значит, он желал фигур, – возразил Питрино.

– Да, но если бы сходства не было, кто узнал бы их без надписи? Теперь, когда в памяти жителей Блуа образы этих прославленных дам уже немного стерлись, кто узнает Екатерину и Марию без надписи «Медичи»?

– Что же будет с моими фигурами?.. – в отчаянии вымолвил Питрино, чувствовавший правоту слов Крополя. – Я не хочу уничтожать плоды моих трудов.

– А я не хочу, чтобы вас посадили в тюрьму, а меня в подземелье.

– Сотрем слово «Медичи», – умолял Питрино.

– Нет, – твердо отвечал Крополь. – Мне пришла в голову мысль... прекрасная мысль... Останутся и ваши фигуры, и моя надпись... Medici по-итальянски, кажется, значит доктор?

– Да, во множественном числе.

– Так закажите другую вывеску у кузнеца. На ней вы нарисуете мне шесть лекарей и сделаете надпись: «Медичи»... это будет очень милая игра слов!

– Шесть лекарей! Невозможно! А композиция?.. – вскричал Питрино.

– Это уже ваше дело. Но будет так, как я хочу... Так надо... Мне некогда: макароны пригорят.

Против таких доводов возражать не приходилось. Питрино повиновался. Он состряпал вывеску с лекарями и с надписью. Начальник полиции похвалил ее и дозволил.

Вывеска чрезвычайно понравилась в городе: это лишний раз доказало, что поэзия, как говорил Питрино, недоступна мещанам.

Чтобы вознаградить живописца, Крополь повесил нимф первой вывески в своей спальне, и госпожа Крополь краснела каждый раз, как взглядывала на них, раздеваясь на ночь.

Так дом с вышкой получил вывеску, и, таким образом, достигнув процветания, гостиница «Медичи» вынуждена была расширить свое пространство за счет четырехугольного здания, которое мы описали. И так появилась в Блуа вышеназванная гостиница, хозяином коей был Крополь, а вывеска принадлежала кисти безвестного художника Питрино.

VI. Незнакомец

Основанная таким образом и прославленная своею вывеской, гостиница Крополя быстро преуспевала.

Крополь не надеялся сильно разбогатеть: ему довольно было удвоить сумму в тысячу луидоров, оставленную ему отцом, затем продать дом со всеми запасами и счастливо зажить на свободе в качестве гражданина города Блуа.

Крополь был падок на барыши и пришел в полный восторг, узнав о приезде короля Людовика XIV.

Он, жена его, Питрино и два поваренка тотчас принялись бить голубей, домашнюю птицу и кроликов; в минуту двор гостиницы огласился пронзительными криками и жалобными стонами.

В это время у Крополя жил только один постоялец.

Это был человек лет тридцати, красивый, высокий, мрачный или, вернее сказать, задумчивый.

Он был одет в черное бархатное платье, расшитое бисером. Простой белый воротник, как у самых строгих пуритан, открывал красивую нежную шею. Небольшие светлые усы обрамляли презрительно сжатые губы.

Говоря с людьми, он смотрел им прямо в лицо, не вызывая, но твердо, холодные голубые глаза его так блестели, что многие взоры опускались перед ним, как более слабая шпага во время поединка.

В те времена, когда люди, созданные богом равными, так же резко разделялись благодаря предрассудкам на две касты – дворян и простонародье, как они разделяются на белую и черную расу, в те времена, говорим мы, этого незнакомца непременно приняли бы за дворянина, и притом за дворянина самой лучшей породы. Для этого достаточно было взглянуть на его руки с длинными тонкими пальцами; жилки виднелись под кожей при малейшем движении.

Незнакомец приехал к Крополю один. Не колеблясь, не задумавшись ни на минуту, он занял лучшие комнаты, предложенные ему хозяином гостиницы, указавшим их ему в низких целях – сорвать лишний куш, как сказали бы одни, или с самыми похвальными намерениями, как сказали бы другие, если принять во внимание, что Крополь был физиономистом и оценивал людей с первого взгляда.

Комнаты эти занимали всю лицевую сторону старого треугольного дома: в первом этаже находилась гостиная с двумя окнами, возле нее вторая комната, а наверху спальня.

С самого приезда дворянин едва прикасался к кушаньям, которые ему подавали в его комнату. Он сказал только два слова хозяину, приказав впустить к себе некоего Парри, который должен был скоро приехать.

Затем он погрузился в такое упорное молчание, что Крополь, любивший хорошее общество, почти оскорбился.

В то утро, с которого началась наша повесть, этот дворянин встал очень рано, сел к окну в гостиной и стал с печалью пристально глядеть в конец улицы, вероятно, поджидая путешественника, о котором он предупредил хозяина гостиницы.

Так увидел он кортеж правителя, возвращавшегося с охоты, а потом мог снова наслаждаться тишиной города, погруженного в ожидание.

И вдруг – общая суматоха: слуги, бросившиеся в поля за цветами, скачущие курьеры, метельщики улиц, поставщики герцога, встревоженные и болтливые лавочники, стук экипажей, мелькание парикмахеров и пажей, – весь этот шум и суета поразили его, не нарушив, однако, его бесстрастного величия, которое придает взгляду льва или орла такое высокомерное спокойствие посреди криков «ура!», топота охотников и зевак.

Однако крики жертв, умерщвляемых на птичьем дворе, беготня госпожи Крополь по узкой и скрипучей деревянной лестнице и метания Питрино, который еще утром курил у ворот хладнокровно, как голландец, несколько удивили и встревожили путешественника.

Он уже встал, чтобы навести справки, когда дверь отворилась. Незнакомец подумал, что к нему вводят нетерпеливо поджидаемого путешественника.

Поэтому он быстро сделал несколько шагов по направлению к двери.

Но вместо человека, которого он ожидал, появился Крополь. Позади трактирщика, на лестнице, мелькнуло хорошенькое личико г-жи Крополь. Она бросила украдкой взгляд на молодого человека и тотчас исчезла.

Крополь вошел, улыбаясь, с колпаком в руках, скорее стигбаясь, чем кланяясь.

Незнакомец, не говоря ни слова, вопросительно взглянул на него.

– Сударь, я пришел спросить вас, – сказал Крополь. – Но как прикажете вас называть: вашим сиятельством, маркизом или...

– Называйте меня просто сударь и говорите скорее, – отвечал незнакомец надменным тоном, не допускающим ни споров, ни возражений.

– Я пришел спросить вас, сударь, как вы провели ночь и угодно ли вам оставить за собою квартиру?

– Да.

– Но, сударь, явилось новое обстоятельство, которого мы не предвидели.

– Какое?

– Его величество Людовик Четырнадцатый приедет сегодня в наш город и пробудет здесь целый день, а может быть, и два.

Лицо незнакомца выразило крайнее изумление.

– Французский король приедет в Блуа?

– Он уже в дороге.

– Тем более мне нужно остаться здесь, – сказал незнакомец.

– Как вам угодно. Но желаете ли вы, сударь, оставить за собою всю квартиру?

– Я вас не понимаю. Почему сегодня я должен занимать меньшее помещение, чем вчера?

– А вот почему, сударь. Вчера, когда ваша светлость изволила выбирать помещение, я назначил цену, не думая о ваших средствах... Но теперь...

Незнакомец покраснел. Он подумал, что его считают бедняком и оскорбляют.

– А сегодня вы задумались о моих средствах? – спросил он хладнокровно.

– Сударь, я, благодаренье богу, человек честный. Хотя я и трактирщик, во мне течет дворянская кровь. Мой отец служил в войсках маршала д'Анкра. Упокой, господь, его душу!

– Об этом я не собираюсь с вами спорить; я только хочу узнать, и поскорее, к чему клонятся ваши вопросы.

– Сударь, вы, как человек разумный, поймете, что город наш очень мал, двор наводнит его, все дома будут забиты приезжими, и поэтому квартиры крайне вздорожают.

Незнакомец покраснел еще сильнее.

– Так скажите ваши условия, – проговорил он.

– Мои условия скромные, сударь, потому что я ищу честных барышей и хочу уладить дело, не проявляя неделикатности и грубости... Помещение, которое вы изволите занимать, очень просторно, а вы совершенно один...

– Это мое дело.

– О, разумеется! Ведь я не выгоняю вас!

Кровь бросилась в лицо незнакомцу.

Он пронзил бедного Крополя таким взглядом, что тот охотно забился бы под знаменитый камин, если бы его не удерживал на месте собственный интерес.

– Вы хотите, чтобы я выехал? Так говорите прямо, но поскорее...

– Сударь... сударь... Вы не изволили понять меня. Я поступаю деликатно, но я неудачно выразился; или, быть может, вы, будучи иностранцем, как я вижу по вашему выговору...

Действительно, в незнакомце нетрудно было узнать англичанина по легкой картавости, заметной даже у тех англичан, которые наиболее чисто говорят по-французски.

– Вы иностранец, сударь, и, может быть, не улавливаете оттенков моей речи. Я хочу сказать, что вы могли бы расстаться с одной или двумя комнатами; тогда плата за квартиру значительно уменьшится, и совесть моя успокоится. В самом деле, тяжело чрезмерно набавлять цену на квартиру, когда уже получаешь за нее порядочную плату.

– Что стоило помещение вчера?

– Луидор, сударь, со столом и кормом вашей лошади.

– Хорошо, а сколько сегодня?

– А вот тут-то и затруднение! Сегодня приедет король; если двор будет ночевать здесь, так придется засчитать и сегодняшний день. Выйдет, что за три комнаты, по два луидора за каждую, надобно шесть луидоров. Два луидора, сударь, это пустяки, но шесть луидоров – это уже много.

Незнакомец, только что весь красный, побледнел как смерть. С героической бравадой он выхватил из кармана кошелек с вышитым гербом. Кошелек был так тощ, так сплюснен, что Крополь не мог не заметить этого.

Незнакомец высыпал из кошелька деньги на ладонь. Там оказалось три двойных луидора, что составляло шесть простых.

Крополь между тем требовал семь. Он взглянул на незнакомца, словно говоря: «Ну что же ты?»

– Мы договорились на луидоре, не так ли, трактирщик?

– Да, сударь, но...

Незнакомец пошарил в кармане штанов и вынул маленький бумажник, золотой ключик и немного серебряных денег. Их набралось на луидор.

– Покорно благодарю, сударь, – сказал Крополь. – Мне остается узнать, угодно ли вам удержать комнаты и на завтрашний день. В таком случае я оставляю их за вами. Если же вам не угодно, то я обещаю помещение чинам свиты его величества, которые должны скоро приехать.

– Хорошо, – отвечал незнакомец после довольно продолжительного молчания. – У меня нет больше денег, как вы видели сами: однако я оставляю за собой комнаты. Вам придется продать кому-нибудь в городе этот брильянт или взять его себе в обеспечение...

Крополь так долго рассматривал брильянт, что незнакомец поспешил добавить:

– Мне было бы приятнее, если бы вы продали его, потому что он стоит триста пистолей. Еврей – есть же какой-нибудь еврей в Блуа – даст вам двести или по меньшей мере полтора. Возьмите, сколько бы вам ни дали, если бы даже пришлось получить только то, что приходится с меня за квартиру. Ступайте!

– Ах сударь, – сказал Крополь, смущенный благородством, бескорыстием незнакомца и его несокрушимым терпением при виде такой недоверчивости. – В Блуа совсем не так грабят, как вы изволите думать, и если брильянт стоит, как вы говорите...

Незнакомец опять взглянул на Крополя и поразил его, как молнией, взглядом своих голубых глаз.

– Я не знаток в брильянтах! – вскричал Крополь. – Поверьте, сударь!

– Но ювелиры понимают толк в драгоценных камнях. Спросите их, – посоветовал незнакомец. – Теперь, кажется, наши счета покончены, не так ли?

– Да, сударь, и, к большому моему сожалению, я опасаюсь, что оскорбил вас...

– Нисколько, – возразил незнакомец с величественным жестом.

– Или, может быть, вам показалось, что с благородных путешественников дерут втридорога... Поверьте, сударь, что только необходимость...

– Ну хватит об этом, говорю вам... Оставьте меня одного!

Крополь низко поклонился и вышел с растерянным видом, который говорил о его добром сердце и явных угрызениях совести.

Незнакомец сам затворил дверь и, оставшись один, посмотрел в пустой кошелек, из которого он вынул шелковый мешочек, где лежал брильянт, последнее его достояние.

Он снова порылся в карманах, заглянул в бумажник и убедился, что больше у него ничего нет. Тогда он поднял глаза к небу с высшим спокойствием отчаяния, вытер дрожащей рукой капельки пота, блестевшие в морщинах его благородного лба, и снова обратил долу взор свой, некогда полный непревзойденного величия. Гроза прошла вдали от него, быть может, в глубине души своей он свершил молитву.

Потом он подошел к окну, сел на прежнее место и просидел неподвижно, как мертвый, до той минуты, когда небо потемнело и на улице показались первые факелы, давая сигнал, что пора начинать иллюминацию и зажигать огни во всех окнах.

VII. Парри

Пока незнакомец с любопытством смотрел на огоньки и прислушивался к уличному шуму, в комнату вошел трактирщик Крополь с двумя лакеями, которые начали накрывать на стол.

Незнакомец не обратил на них никакого внимания.

Крополь подошел к нему и с глубочайшим почтением шепнул ему на ухо:

– Сударь, брильянт оценили.

– И что же?

– Ювелир его королевского высочества дает двести восемьдесят пистолей.

– Вы получили деньги?

– Я полагал, что должен это сделать, сударь. Впрочем, я взял их с условием: вы можете вернуть деньги и получите брильянт обратно.

– Это лишнее. Я поручил вам продать его.

– В таком случае я исполнил или почти исполнил вашу волю, и хотя не продал брильянта окончательно, однако же получил деньги.

– Так возьмите из них сколько следует, – распорядился незнакомец.

– Господин, я сделаю это, раз вы так решительно требуете.

Грустная улыбка тронула губы незнакомца.

– Остальное положите сюда.

Он указал на сундук и отвернулся. Крополь открыл довольно тяжелый мешок и взял из него плату за номер.

– Надеюсь, сударь, – сказал он, – вы не огорчите меня, отказавшись поужинать. Вы изволили отослать обед: это очень обидно для «Гостиницы Медичи». Извольте взглянуть, сударь, ужин подан, и, осмелюсь прибавить, он недурен.

Незнакомец спросил рюмку вина, отломил кусочек хлеба и остался у окна.

Скоро раздались громкие звуки труб и фанфар. Вдали послышались крики. Неясный шум наполнил нижнюю часть города. Прежде всего незнакомец различил топот приближавшихся коней.

– Король! Король! – кричала шумная толпа.

– Король! – повторил Крополь, бросив своего постояльца и все попытки деликатного обхождения ради того, чтобы удовлетворить свое любопытство.

На лестнице с Крополем встретились и окружили его г-жа Крополь, Питрино, лакеи и повара.

Кортеж подвигался медленно; его освещали тысячи факелов на улице и из окон.

За ротой мушкетеров и отрядом дворян следовал портшез кардинала Мазарини, который, точно карету, везли четыре вороных лошади.

Дальше шли пажи и слуги кардинала.

За ними ехала карета королевы-матери; фрейлины сидели у дворец, а приближенные ехали верхом по обеим сторонам кареты.

За королевой показался король на превосходной саксонской лошади с длинной гривой. Кланяясь, юный государь обращал свое красивое лицо, освещенное факелами, которые несли его пажи, к окнам, откуда кричали особенно громко.

Возле короля, отступив шага на два, ехали принц Конде, Данжо и еще человек двадцать придворных; их слуги и багаж замыкали торжественную процессию.

Во всем этом великолепии было что-то воинственное.

Только некоторые придворные постарше были в дорожных костюмах, все остальные были в военных мундирах. На многих – кирасы и перевязи, как во времена Генриха IV и Людовика XIII.

Когда король проезжал мимо, незнакомец высунулся в окно, чтобы лучше видеть, потом закрыл лицо руками. Сердце его переполнилось горькой завистью. Его опьяняли звуки труб, оглушали восторженные крики народа; он на мгновение словно потерял рассудок среди этого шума, блеска и роскоши.

– Да, он – король! Король! – прошептал незнакомец с тоскливым отчаянием.

Прежде чем он вышел из мрачной задумчивости, весь этот шум и все великолепие исчезли. На перекрестке внизу под окнами незнакомца раздавались только нестройные хриплые голоса, время от времени кричавшие:

– Да здравствует король!

Осталось также всего шесть факелов в руках обитателей «Гостиницы Медичи»: два в руках Крополя, один у Питрино и по одному у каждого поваренка.

Крополь беспрестанно повторял:

– Как хорош король! Как он похож на своего славного родителя.

– Гораздо лучше, – твердил Питрино.

– И какая гордость в лице! – говорила г-жа Крополь, вступившая уже в пересуды с соседями и соседками.

Крополь выражал свои впечатления, не замечая старика с ирландской лошастью на поводу, старавшегося пробраться сквозь толпу женщин и мужчин, стоявшую перед «Гостиницей Медичи».

В эту минуту из окна раздался голос незнакомца:

– Хозяин, дайте возможность войти в вашу гостиницу.

Крополь повернулся и, увидев старика, дал ему дорогу. Окно закрылось. Старик молча вошел.

Незнакомец встретил старика на лестнице, заключил его в свои объятия и провел в комнату прямо к креслу.

Тот не захотел сесть.

– Нет, нет, милорд, – сказал он. – Мне сидеть в вашем присутствии? Ни за что! Ни за что!

– Парри! – воскликнул незнакомец. – Прошу тебя, сядь! Ты приехал из Англии... из такой дали... Ах! Не в твои лета переносить такие невзгоды, какие тебе приходится терпеть на службе у меня!.. Отдохни!..

– Прежде всего я должен дать вам отчет, милорд...

– Парри... умоляю тебя... не говори мне ничего... Если бы ты привез хорошее известие, ты заговорил бы иначе. Значит, вести твои печальные.

– Милорд, – остановил его старик, – не торопитесь огорчаться. Не все еще потеряно. Надо запастись волей, терпением, а главное – покорностью судьбе.

– Парри, – отвечал незнакомец, – я пробрался сюда один, сквозь тысячу засад и опасностей. Веришь ли ты, что у меня есть воля? Я думал об этом путешествии десять лет, невзирая на предостережения и препятствия: веришь ли ты в мое терпение? Сегодня вечером я продал последний брильянт моего отца, потому что мне нечем было заплатить за квартиру и трактирщик выгнал бы меня.

Парри вздрогнул от негодования. Молодой человек ответил ему пожатием руки и улыбкой.

– У меня остается еще двести семьдесят четыре пистоля, и мне кажется, что я богат; я не отчаиваюсь, Парри. Веришь ли ты, что я покорен судьбе?

Старик поднял дрожащие руки к небу.

– Говори, – попросил незнакомец, – не скрывай от меня ничего. Что случилось?

– Рассказ мой будет очень краток, милорд. Но ради бога, не дрожите так!
– Я дрожу от нетерпения, Парри. Говори же скорее: что сказал тебе генерал?
– Сначала он не хотел меня принимать.
– Он подумал, что ты шпион?
– Да, милорд. Но я написал ему письмо.
– Ты обстоятельно изложил в нем мое положение и мои желания?
– О да! – отвечал Парри с печальной улыбкой. – Я описал все и точно изложил вашу мысль...

– И что же, Парри?
– Генерал вернул мне письмо через своего адъютанта и передал мне, что велит арестовать меня, если я еще хоть день пробуду в тех местах, где он командует.
– Арестовать! – прошептал молодой человек. – Арестовать!.. Тебя... самого верного из моих слуг!

– Да, милорд!
– И ты подписал письмо своим именем, Парри?
– Полностью, милорд. Адъютант знал меня в Сент-Джемсе и, – прибавил старик с глубоким вздохом, – в Уайтхолле!

Молодой человек опустил голову и печально задумался.

– Да, так поступил Монк при посторонних, – сказал он, пытаясь обмануть самого себя. – Но наедине... что он сделал? Говори.

– Увы, милорд, – отвечал Парри, – он прислал четырех всадников, и они дали мне лошадь, на которой я приехал сюда, как вы изволили видеть. Всадники доставили меня галопом до небольшой пристани Тенби, там скорее бросили, чем посадили, в рыбацкую лодку, которая отправлялась во Францию, в Бретань, и вот – я здесь!

– О! – прошептал молодой человек, конвульсивно прижимая руку к груди, чтобы из нее не вырвался стон. – И больше ничего, Парри?

– Ничего, милорд.

После этого немногословного ответа Парри наступило продолжительное молчание. Слышен был только стук каблуков незнакомца, в бешенстве шагавшего по паркету.

Старик хотел переменить разговор, пробуждавший слишком мрачные мысли.

– Милорд, – спросил он, – что это за шум в городе? Что это за люди кричат: «Да здравствует король!»? О каком короле идет речь? И почему такая иллюминация?

– Ах, Парри, ты не знаешь, – иронически ответил молодой человек. – Французский король посетил свой добрый город Блуа; все эти золоченные седла, все эти трубные звуки – в его честь; шпаги всех этих дворян принадлежат ему. Его мать едет перед ним в карете, роскошно украшенной золотом и серебром. Счастливая мать! Министр собирает для него миллионы и везет его к богатой невесте. Вот отчего радуется весь этот народ. Он любит своего короля, встречает его восторженными возгласами, кричит: «Да здравствует король! Да здравствует король!»

– Хорошо, хорошо, милорд, – сказал Парри, еще более смущенный такими словами.

– Ты знаешь, – продолжал незнакомец, – что во время этого праздника в честь короля Людовика Четырнадцатого моя мать и моя сестра сидят без денег, без хлеба. Ты знаешь, что через две недели, когда всей Европе станет известно то, что ты рассказал мне сейчас, я буду обесчещен и осмеян... Парри!.. Бывали ли примеры, чтобы человек моего звания был принужден...

– Милорд, умоляю вас...

– Ты прав, Парри, я жалкий трус, и если я сам ничего не делаю для себя, то кто поможет мне? Нет, нет, Парри, у меня есть руки... есть шпага...

И, с силой ударив себя по руке, он снял со стены шпагу.

– Что вы хотите сделать, милорд?

– Что я хочу сделать, Парри? То, что все делают в моем семействе. Моя мать живет общественным подаянием; сестра моя собирает милостыню для матери; где-то у меня есть еще братья, которые тоже питаются милостыней. И я, старший в роде, тоже примусь, подражая им, собирать подаяние.

С этими словами, перешедшими в жуткий нервный смех, молодой человек пристегнул шпагу, взял шляпу с сундука, набросил на плечи черный плащ, который он носил в пути и, пожав обе руки старику, смотревшему на него с тревогой, попросил:

– Добрый мой Парри, прикажи затопить камин, ешь, пей, спи, будь счастлив. Будем счастливы, мой верный, мой единственный друг! Мы богаты, как короли.

Он ударил рукой по мешку с деньгами, тяжело упавшему на пол, и разразился зловещим хохотом, испугавшим несчастного Парри.

Пока все в доме кричали, пели и готовились принимать путешественников и их лакеев, незнакомец потихоньку вышел через залу на улицу и исчез из глаз старика, смотревшего в окно.

VIII. Каким был его величество Людовик XIV в двадцать два года

Въезд Людовика XIV в Блуа, как видно из нашего рассказа, был очень шумен и блестящ, и молодой король остался им вполне доволен.

Доехав до ворот замка, король увидел герцога Гастона Орлеанского, окруженного своими телохранителями и дворянами. Лицо его высочества, величественное от природы, выражало при этих торжественных обстоятельствах еще больше величия и достоинства.

Герцогиня Орлеанская в парадном туалете ждала на балконе приезда своего племянника. Во всех окнах старого замка, в обыкновенные дни пустынного и печального, видны были дамы и факелы.

Под звуки барабанов, труб и радостные крики вступил молодой король в тот замок, где Генрих III семьдесят два года тому назад призвал себе на помощь убийство и измену, чтобы удержать корону, которая уже падала с его головы и переходила в другой род.

Все, налюбовавшись молодым королем, таким красивым, привлекательным и благородным, искали другого короля Франции – короля совсем в ином роде, – старого, бледного, согбенного, имя которого было: кардинал Мазарини.

Людовик в эти годы был одарен всеми качествами образцового дворянина. Светло-голубые глаза его приветливо блестели; но самые опытные физиономисты, исследователи душ, погрузив в них взгляд, если бы подданным было дано выдерживать взгляд короля, не могли решить, что таится за этой приветливостью. В глазах короля было столько же глубины, сколько в небесной лазури или в том гигантском зеркале, которое Средиземное море подставляет кораблям и в котором небо любит отражать то бури, то звезды.

Король был невысокого роста, едва ли пяти футов и двух дюймов; но его молодость смягчала этот недостаток, к тому же возмещавшийся благородством и замечательной ловкостью движений.

Впрочем, Людовик был король, а быть королем в эту эпоху традиционного почтения и преданности значило много. Но до той минуты его довольно редко и скупно показывали народу. Его видели всегда рядом с матерью, женщиной высокого роста, и кардиналом, человеком тоже очень представительным. И потому многие говорили:

– Король ниже кардинала!

Несмотря на такие замечания, раздававшиеся главным образом в столице, жители Блуа встретили молодого монарха как полубога; а герцог и герцогиня Орлеанские, его дядя и тетка, приняли его почти как короля.

Надо, однако, сказать, что, когда король Людовик XIV увидел в приемной зале одинаковые кресла для себя, для матери, для кардинала, для тетки и дяди, он покраснел от гнева и окинул взглядом присутствующих, желая узнать по их лицам, не с умыслом ли нанесено ему такое оскорбление. Но, не заметив ничего на бесстрастном лице кардинала, на лице матери и на лицах остальных, он покорился необходимости и сел, поспешив занять место прежде других.

Дворяне и дамы были представлены их величествам и кардиналу.

Король обратил внимание, что ни мать его, ни он сам не слышали ранее почти ни одного имени из тех, что им сейчас называли, в то время как кардинал, напротив, пользуясь своей необычайной памятью и всегдашней находчивостью, заводил с каждым разговор о его землях, о его предках и детях, припомнив даже имена некоторых из них, что приводило в полное восхищение сих, полных собственного достоинства, уездных дворян и утверждало их во мнении, что именно кардинал является истинным и единственным владыкой, знающим своих подданных, по той самой причине, что ведь у солнца нет же соперника, ибо оно одно согревает и освещает.

Молодой король, давно уже направив свое вдумчивое внимание на присутствующих, продолжал, таким образом, незаметно изучать их и рассматривал, стараясь разгадать их скрытое выражение, все эти лица, показавшиеся ему сначала самыми что ни на есть ничтожными и банальными.

Пригласили к столу. Король, не решавшийся заявить о своем голоде, ждал ужина с нетерпением. На этот раз ему были оказаны все почести, если не его званию, то по крайней мере его желудку.

Кардинал едва прикоснулся бледными губами к бульону, поданному в золотой чашке. Всемогущий министр, отнявший у вдовствующей королевы ее регентство и у короля – его королевскую власть, не мог добыть у природы здорового желудка.

Анна Австрийская, в то время уже больная раком, который позже, лет через восемь, свел ее в могилу, ела не лучше Мазарини.

Герцог Орлеанский, ошеломленный важным событием, совершавшимся в его провинциальной жизни, совсем не мог есть.

Только одна герцогиня Орлеанская, как истая уроженка Лотарингии, не отставала от короля.

Людовик XIV без ее участия должен был бы есть совершенно один; поэтому он был очень благодарен и тетке своей, и ее дворецкому господину де Сен-Реми, который действительно на этот раз отличился.

По окончании ужина по знаку кардинала Мазарини король встал. Тетка пригласила его пройти вдоль рядов собравшихся гостей.

Дамы заметили – есть вещи, так же хорошо замечаемые дамами как Блуа, так и Парижа, – что у Людовика XIV взгляд быстрый и смелый, обещавший красавицам отличного ценителя. Мужчины, со своей стороны, отметили, что юный король горд и надменен и любит заставлять опускать глаза тех, кто смотрит на него слишком долго или пристально, а это предвещало будущего владыку.

Людовик XIV обошел уже треть гостей, как вдруг слух его поразило имя, которое произнес кардинал, разговаривавший с герцогом.

Это было женское имя.

Едва прозвучало это имя, как Людовик XIV уже ничего не стал слушать и, пренебрегши людьми, которые ждали его взгляда, поспешил окончить обход собрания и дойти до конца залы.

Герцог, как ловкий царедворец, справился у кардинала о здоровье его племянниц. Лет шесть тому назад к кардиналу приехали из Италии три племянницы: Гортензия, Олимпия и Мария Манчини.

Герцог выражал сожаление, что не имеет счастья принять их вместе с дядюшкой. Они, вероятно, выросли, похорошели, стали еще грациознее с тех пор, как герцог их видел последний раз.

Короля сразу поразила разница в голосах обоих собеседников. Герцог говорил спокойным, естественным голосом; кардинал, напротив, отвечал ему, против обыкновения, громко, сильно возвысив голос.

Казалось, он хотел, чтобы его голос долетел до слуха человека, находящегося на большом расстоянии.

– Ваше высочество, – сказал он, – племянницы мои еще должны закончить образование. У них есть свои обязанности. Они должны привыкнуть к своему положению. Жизнь при блестящем и молодом дворе отвлекала бы их.

Людовик, услышав отзыв о своем дворе, печально улыбнулся. Двор был молод, это правда, но скупость кардинала мешала ему быть блестящим.

– Однако, – возразил герцог, – не намерены же вы отдать их в монастырь или сделать из них простых горожанок?

– Совсем нет, – отвечал кардинал, стараясь придать своему сладкому, бархатному итальянскому произношению больше остроты и звучности. – Совсем нет! Я непременно хочу выдать их замуж, и как можно лучше.

– В женихах не будет недостатка, – сказал герцог простодушно, как купец, поздравляющий своего собрата.

– Надеюсь, ваше высочество, потому что бог наделил невест грацией, умом и красотой.

Во время этого разговора король Людовик XIV, в сопровождении герцогини Орлеанской, продолжал обходить собравшихся.

– Вот мадемуазель Арну, – говорила герцогиня, представляя его величеству толстую блондинку двадцати двух лет, которую на сельском празднике можно было бы принять за разраженную крестьянку. – Мадемуазель Арну – дочь моей учительницы музыки.

Король улыбнулся: герцогиня никогда не могла сыграть и четырех нот, не сфальшивив.

– Вот Ора де Монтале, – продолжала герцогиня, – благонравная и исполнительная фрейлина.

На этот раз засмеялся не король, а представляемая девушка; в первый раз слышала она такой отзыв из уст герцогини, не любившей ее баловать. Поэтому Монтале, наша старинная знакомая, поклонилась его величеству чрезвычайно низко не только из уважения, но и по необходимости – чтобы скрыть улыбку, которую король мог неправильно истолковать.

В эту самую минуту король и слышал разговор, заставивший его вздрогнуть.

– Как зовут третью? – спрашивал герцог Орлеанский у кардинала.

– Марией, ваше высочество, – отвечал Мазарини.

В этом слове, должно быть, заключалась какая-то магическая сила, потому что, услышав его, король вздрогнул и отвел герцогиню на середину залы, точно желая сказать ей несколько слов по секрету; в действительности он только хотел подойти поближе к Мазарини.

– Ваше высочество, – вполголоса молвил он, улыбаясь, – мой учитель географии не говорил мне, что между Блуа и Парижем такое огромное расстояние.

– Как так?

– Кажется, моды доходят сюда только через несколько лет. Взгляните на этих девиц. Некоторые, право, недурны.

– Не говорите слишком громко, дорогой племянник: они могут сойти с ума от радости.

– Позвольте, позвольте, милая тетушка, – продолжал король с улыбкой. – Вторая часть моей фразы исправит первую. Одни кажутся старыми, а другие некрасивыми, потому что они одеты, как одевались десять лет назад.

– Но, ваше величество, от Блуа до Парижа всего пять дней езды.

– Значит, каждый день вы опаздываете на два года.

– В самом деле, вам так кажется? Странно, я этого совсем не замечала.

– Взгляните, милая тетушка, – сказал король, все ближе приближаясь к Мазарини под тем предлогом, что так ему удобнее смотреть, – взгляните на это простое белое платье рядом с устаревшими нарядами и громоздкими прическами. Это, вероятно, одна из приближенных матушки, хотя я ее и не знаю. Посмотрите, какая простота в обращении, какая грация в движениях! Вот это женщина, а все остальные просто манекены.

– Милый племянник, – отвечала герцогиня с улыбкой, – позвольте сказать вам, что на этот раз вы не угадали. Та, которую вы так расхваливаете, не парижанка, а здешняя...

– Неужели? – спросил король с недоверием.

– Подойдите, Луиза, – позвала герцогиня.

Девушка, которую мы знаем уже под этим именем, подошла робко, покраснев, не поднимая головы, чувствуя, что на нее смотрит король.

– Луиза-Франсуаза де Ла Бом Леблан, дочь маркиза де Лавальер, – церемонно сказала королю герцогиня.

Девушка, несмотря на всю свою робость, поклонилась так грациозно, что, глядя на нее, король пропустил несколько слов из разговора герцога с кардиналом.

– Это падчерица, – продолжала герцогиня, – господина де Сен-Реми, моего дворецкого, того самого, который руководил приготовлением жаркого с трюфелями, заслужившего одобрение вашего величества.

Никакая грация, никакая красота и молодость не устояли бы при такой аттестации. Король улыбнулся. Были ли слова герцогини шуткой или наивностью, во всяком случае, они безжалостно убили все, что король Людовик находил прекрасным и поэтичным в скромной девушке.

Маркиза де Лавальер тотчас же превратилась для короля в падчерицу человека, который умел превосходно готовить индеек с трюфелями.

Но принцы так уж устроены, такими же были и олимпийские боги. Диана и Венера, наверное, очень смеялись над красивой Алкменой и бедной Ио, когда за столом Юпитера между нектаром и амброзией начинали для развлечения говорить о смертных красавицах.

По счастью, Луиза поклонилась так низко, что не расслышала слов герцогини и не видела улыбки короля. В самом деле, если бы эта девушка, имевшая столько вкуса, чтобы одеться в белое, услышала жестокие слова герцогини и увидела в ту минуту холодную усмешку короля, она умерла бы на месте.

И сама остроумная Монтале не пыталась бы вернуть ее к жизни, потому что насмешка убивает все, даже красоту.

Но, к счастью, как мы уже сказали, Луиза, у которой шумело в ушах и было темно в глазах, ничего не видела и не слышала. Король, внимательно следивший за разговором герцога с кардиналом, поспешил к ним.

Он подошел, как раз когда кардинал Мазарини говорил:

– Мария вместе с сестрами направляется теперь в Бруаж. Я велел им ехать по той стороне Луары, а не по этой, где ехали мы. По моим расчетам, они будут как раз против Блуа.

Слова эти были произнесены с тем обычным тактом, с той уверенностью, с тем чувством меры, благодаря которым синьор Джулио Мазарини считался первым актером в мире.

Они поразили Людовика XIV прямо в сердце. Кардинал обернулся, услышав шаги, и мог убедиться в их действии на своего воспитанника по легкой краске, выступившей на его лице. Могла ли такая тайна укрыться от человека, смеявшегося в продолжение двадцати лет над всеми уловками европейских дипломатов?

Слова кардинала поразили молодого короля, как отравленная стрела. Он не мог стоять на месте и окидывал собравшихся мутным, равнодушным взглядом. Раз двадцать бросал он вопросительные взоры на вдовствующую королеву, увлекшуюся разговором с герцогиней, но она, повинаясь взгляду Мазарини, не хотела понять мольбы сына.

С этой минуты музыка, цветы, огни, красавицы – все сделалось для короля несносным и нелепым. Он сто раз закусывал губы и потягивался, как благовоспитанный ребенок, который, не смея зевать, старается показать, что ему скучно; наконец, после напрасных взглядов на мать и министра, он с отчаянием обратил глаза на двери, где его ждала свобода.

У дверей он заметил высокого стройного человека с орлиным носом, с твердым сверкающим взглядом, с длинными седеющими волосами и черными усами; это был настоящий тип воинственной красоты. В блестящей, как зеркало, кирасе офицера отражались все огни. На голове у него была серая шляпа с красным пером – доказательство, что он находился тут по службе, а не ради удовольствия. Если б он явился ради удовольствия, как придворный, а не как солдат, то держал бы шляпу в руках: ведь за всякое удовольствие надо как-нибудь расплачиваться.

Офицер был дежурным и исполнял привычные обязанности; доказательством служило и то, что он, скрестив руки, с полнейшим равнодушием смотрел на веселье и на скуку этого

празднества. Он, как философ, – а все старые солдаты философы, – казалось, больше ощущал скуку, чем веселье праздника; но он примирялся с первой и легко обходился без второго.

Он стоял, прислонясь к резной двери, когда печальный и утомленный взгляд короля встретился с его взглядом.

Вероятно, не в первый раз глаза офицера встречались с глазами короля. Офицер знал их выражение и читал затаенную в них мысль; едва взглянув на Людовика XIV, он прочел на лице его все, что происходило в его душе, понял томившую его скуку, его робкое желание уйти и почувствовал, что надо оказать королю услугу, хотя он и не просит ее, даже против его воли. Смело, как будто командуя отрядом кавалерии во время сражения, офицер громко приказал:

– Конвой его величества!

Слова его произвели действие громового удара и заглушили оркестр, хор, разговоры и шум шагов; кардинал и королева удивленно взглянули на короля.

Людовик XIV побледнел, но, увидев, что офицер мушкетеров угадал его мысль и выразил ее в отданном приказе, решительно встал и направился к двери.

– Вы уходите, сын мой? – спросила королева, в то время как Мазарини спрашивал короля только взглядом, который мог бы показаться ласковым, если бы не был так пронизателен.

– Да, ваше величество, – отвечал Людовик XIV, – я чувствую усталость и, кроме того, собираюсь сегодня вечером писать.

Улыбка промелькнула на губах министра; он отпустил короля, кивнув головой.

Герцог и герцогиня поспешили отдать приказания служителям, которые тотчас явились.

Король поклонился и прошел через залу к дверям.

У дверей двадцать мушкетеров, построенные в две шеренги, ожидали его величество. В конце шеренги стоял офицер, бесстрастный, с обнаженной шпагой.

Король прошел, и толпа поднялась на цыпочки, чтобы еще раз увидеть его.

Первые десять мушкетеров, отстраняя толпу в передней и на ступеньках лестницы, расчищали путь королю. Другой десяток окружил его величество и герцога, который пожелал проводить короля. Сзади шли слуги. Этот небольшой кортеж следовал с королем до отведенных ему покоев.

Эти самые покои занимал Генрих III, когда жил в Блуаском замке.

Герцог отдал приказание. Мушкетеры, под предводительством офицера, вошли в узкий коридор, который вел из одного флигеля замка в другой.

Вход в коридор был из маленькой квадратной передней, темной даже в самые солнечные дни.

Герцог остановил Людовика XIV.

– Вы проходите, государь, – сказал он, – по тому самому месту, где герцог Гиз получил первый удар кинжалом.

Король, мало знакомый с историей, слышал об этом событии, но не знал никаких подробностей.

– А! – прошептал он, вздрогнув, и остановился. Шедшие впереди и позади него тоже остановились.

– Герцог Гиз, – продолжал Гастон Орлеанский, – стоял почти на том месте, где сейчас стою я; он шел в том же направлении, как вы; господин де Луань стоял там, где стоит лейтенант ваших мушкетеров. Господин де Сен-Малин и свита его величества были позади и вокруг него. Тут-то и поразили его.

Король повернулся к своему офицеру и увидел тень, скользнувшую по его мужественному и смелому лицу.

– Да, в спину, – проговорил лейтенант с жестом величайшего презрения.

И он хотел двинуться дальше, как будто ему было неприятно находиться среди этих стен, куда в прежнее время прокралась измена.

Но король, видимо, желавший узнать все, хотел еще раз осмотреть это мрачное место. Герцог понял племянника.

– Посмотрите, ваше величество, – взял он факел из рук Сен-Реми, – вот место, где Гиз упал. Тут стояла кровать. Он оборвал занавески, схватившись за них при падении.

– Почему паркет в этом месте неровный? – спросил Людовик XIV.

– Потому, что здесь текла его кровь, – отвечал герцог. – Она впиталась в дуб, и, только соскоблив паркет, удалось ее отчистить, – прибавил герцог, поднося факел к паркету, – но, несмотря на все усилия, осталось темное пятно.

Людовик XIV поднял голову. Быть может, он вспомнил о тех кровавых следах, на которые ему когда-то указывали в Лувре: это были следы крови Кончини, пролитой его отцом при подобных же обстоятельствах.

– Пойдемте, – попросил он.

Кортеж тотчас же двинулся вперед: волнение придало голосу юного монарха непривычную властность.

Когда дошли до назначенных королю покоев, к которым можно было пройти и по узкому коридору, и по парадной лестнице со двора, герцог Орлеанский сказал:

– Располагайтесь в этих комнатах, ваше величество, хотя они и недостойны вас.

– Дядюшка, – отвечал король, – благодарю вас за ваше сердечное гостеприимство.

Уходя, герцог поклонился племяннику. Король обнял его.

Из двадцати мушкетеров, сопровождавших короля, десять довели герцога до парадных зал, которые все еще были полны народа, несмотря на уход Людовика.

Остальные десять мушкетеров были расставлены офицером на разных постах. Офицер самолично в пять минут осмотрел все окружающее холодным и твердым взглядом, далеко не всегда вырабатываемым привычкой: твердость взгляда – признак таланта.

Проверив посты, он устроился в передней, где нашел огромное кресло, лампу, вино, воду и ломоть черствого хлеба. Он прибавил света, выпил полстакана вина, усмехнулся, выразительно скривив губы, сел в кресло и приготовился заснуть.

IX. Где незнакомец из «Гостиницы Медичи» открывает свое инкогнито

Офицер, как будто собиравшийся спать, несмотря на наружную беспечность, чувствовал на себе тяжелую ответственность.

Как лейтенант королевских мушкетеров, он командовал всей ротой, прибывшей из Парижа, а она состояла из ста двадцати человек; за вычетом двадцати, о которых мы упомянули, остальные сто охраняли королеву и особенно кардинала.

Джулио Мазарини скупился на оплату издержек своих телохранителей; поэтому он пользовался королевскими, и пользовался очень широко, беря на свою долю пятьдесят человек; это обстоятельство показалось бы очень неприличным всякому, кто не был знаком с обычаями тогдашнего двора.

Не менее неприличным и даже странным показалось бы и то, что комнаты, предназначенные для Мазарини, были ярко освещены и полны движения. Мушкетеры стояли на часах у каждой двери, никого не пропуская, кроме курьеров, которые следовали за кардиналом для его переписки даже во время путешествий.

Двадцать мушкетеров охраняли вдовствующую королеву; остальные тридцать отдыхали, чтобы сменить дежурных на следующее утро.

В той половине, которая была отведена королю, напротив, царили мрак, молчание, пустота. Когда закрыли двери, ничто более не напоминало о пребывании короля. Все слуги мало-помалу разошлись. Герцог прислал спросить, не нужно ли чего-нибудь его величеству; и после краткого «нет», сказанного лейтенантом, который привык к такому вопросу и ответу, все погрузилось в сон на королевской половине, как в доме обыкновенного горожанина.

Однако из королевских окон легко можно было слышать праздничную музыку и видеть ярко освещенные окна залы.

Пробыв минут десять в своей комнате, Людовик XIV заметил по более усиленному, чем при его уходе, движению, что кардинал тоже удаляется на покой; его провожала большая толпа кавалеров и дам.

Кардинал прошел по двору в сопровождении герцога, который сам светил ему. Потом прошла королева; ее вела под руку герцогиня, и обе разговаривали вполголоса, как старинные приятельницы.

За ними парами шли придворные дамы, пажи, слуги; весь двор осветился, как при пожаре, мерцающими отблесками. Потом шум шагов и голосов замер в верхних этажах замка.

Никто не думал о короле, который облокотился на окно и печально слушал, как утихал весь этот шум, – никто, кроме незнакомца из «Гостиницы Медичи», который вышел на улицу, завернувшись в свой черный плащ.

Он направился прямо к замку и с задумчивым видом стал прохаживаться около дворца, смешавшись с любопытными; видя, что никто не стережет главных ворот, потому что солдаты герцога братались с королевскими и вместе пили до усталости, или, лучше сказать, без усталости, незнакомец пробрался сквозь толпу, пересек двор и ступил на лестницу, которая вела к кардиналу.

Вероятно, он пошел в эту сторону потому, что видел блеск огней и суетню пажей и слуг. Но его тотчас остановили щелканье мушкета и окрик часового.

– Куда идете, приятель? – спросил часовой.

– К королю, – отвечал незнакомец спокойно и с достоинством.

Солдат позвал одного из приближенных кардинала, который сказал тоном канцелярского чиновника, направляющего посетителя:

– Ступай по лестнице.

И, не заботясь больше о незнакомце, офицер возобновил прерванный разговор. Незнакомец, не ответив ни слова, направился к указанной лестнице.

В этой стороне – ни шума, ни света. Темнота, в которой мелькала лишь тень часового. Тишина, позволявшая незнакомцу слышать шум своих шагов и звон шпор на каменных плитах.

Часовой принадлежал к числу двадцати мушкетеров, назначенных для охраны короля; он стоял на часах добросовестно, с непреклонным видом.

– Кто идет? – крикнул часовой.

– Друг! – отвечал незнакомец.

– Что вам надо?

– Говорить с королем.

– Ого! Это невозможно!

– Почему?

– Его величество лег почивать.

– Все равно мне надо переговорить с ним.

– А я говорю вам, что это невозможно.

И часовой сделал угрожающее движение; но незнакомец не двинулся с места, как будто ноги его приросли к полу.

– Господин мушкетер, – сказал он, – позвольте узнать: вы дворянин?

– Да.

– Хорошо. Я тоже дворянин, а дворяне должны оказывать услуги друг другу.

Часовой опустил ружье; его убедило достоинство, с которым были произнесены эти слова.

– Говорите, сударь, – отвечал он, – и если вы потребуете того, что зависит от меня...

– Благодарю. При вас есть офицер?

– Есть, наш лейтенант.

– Хорошо. Я хочу поговорить с вашим лейтенантом. Где он?

– А! Это другое дело! Входите.

Незнакомец величественно кивнул часовому и пошел вверх по лестнице. Крики «Посетитель к лейтенанту», перелетая от одного часового к другому, прервали первый сон офицера.

Натянув сапоги, протирая глаза и застегивая плащ, лейтенант пошел навстречу незнакомцу.

– Что вам угодно, сударь? – спросил он.

– Вы дежурный офицер, лейтенант мушкетеров?

– Да, я.

– Сударь, мне необходимо переговорить с королем.

Лейтенант пристально посмотрел на незнакомца и одним быстрым взглядом увидел все, что ему было нужно, то есть высокое достоинство под простой одеждой.

– Я не думаю, чтобы вы сошли с ума, – начал офицер. – Однако должны же вы знать, что нельзя входить к королю без его разрешения.

– Он разрешит.

– Позвольте мне, сударь, усомниться в этом. Король четверть часа назад вошел в свою спальню, и теперь он, должно быть, раздевается. Притом не велено пускать никого.

– Когда он узнает, кто я, – возразил незнакомец, гордо поднимая голову, – он отменит запрет.

Офицер еще более удивился и поколебался:

– Если я соглашусь доложить о вас, назовете ли вы по крайней мере свое имя?

– Доложите, что с ним желает говорить Карл Второй, король Англии, Шотландии и Ирландии.

Офицер вскрикнул от удивления и отступил на шаг; на его бледном лице выразилось чрезвычайное волнение, которое неустрашимый воин тщетно старался скрыть.

- О, ваше величество, – сказал он, – я должен был бы тотчас узнать вас.
- Вы видели мой портрет?
- Нет, ваше величество.
- Или вы видели меня прежде при дворе, до моего изгнания из Франции?
- Нет.
- Как же могли вы узнать меня, если никогда не видели ни меня, ни моего портрета?
- Ваше величество, я видел короля, вашего родителя, в страшную минуту...
- В тот день, когда...
- Да.

Облачко грусти пробежало по лицу короля; движением руки он как бы смахнул его и повторил:

- Можете ли вы доложить обо мне?

– Простите, ваше величество, – отвечал офицер, – но по вашему костюму я никак не мог узнать короля. Однако, как я уже сказал вам, я имел честь видеть короля Карла Первого... Но простите... я спешу доложить о вас.

Он сделал было несколько шагов, но тотчас вернулся обратно.

– Вашему величеству, – спросил он, – вероятно, угодно, чтобы это свидание осталось в тайне?

- Я этого не требую, но если возможно сохранить тайну...

– Это возможно, ваше величество. Я могу ничего не говорить дежурному при короле. Но для этого вы должны отдать мне шпагу.

- Правда... Я совсем забыл, что к королю Франции никто не входит с оружием.

– Ваше величество можете составить исключение; но в таком случае я должен предупредить дежурных, чтобы сложить с себя ответственность.

- Вот моя шпага, сударь. Доложите обо мне королю.
- Сейчас, ваше величество.

Офицер пошел и постучал в дверь, которую тотчас открыли.

- Его величество король Англии! – доложил офицер.
- Его величество король Англии! – повторил слуга.

При этих словах приближенный распахнул обе половинки двери, и стоявшие снаружи увидели, как Людовик XIV, без шляпы и шпаги, в расстегнутом камзоле, чрезвычайно удивленный, направился к дверям.

– Вы, брат мой, вы здесь, в Блуа! – воскликнул Людовик XIV, делая рукой знак приближенному и слуге, чтобы они вышли в другую комнату.

– Ваше величество, – отвечал Карл II, – я ехал в Париж в надежде увидеть вас там. Молва известила меня, что вы скоро приедете сюда. Поэтому я остался здесь: мне нужно сообщить вам очень важную вещь.

- Хотите говорить здесь?

- Кажется, в этом кабинете никто не услышит нашего разговора?

– Я отпустил приближенного и дежурного слугу; они в соседней комнате. За этой перегородкой пустая комната, выходящая в переднюю, где сидит только офицер, которого вы видели; не так ли?

- Да.

- Говорите же, брат мой, я слушаю вас.

– Ваше величество, я начинаю, надеясь встретить в вас сочувствие к бедствиям нашего дома.

Людовик покраснел и придвинул свое кресло к креслу английского короля.

– Ваше величество, – продолжал Карл, – мне не нужно спрашивать, знаете ли вы подробности моих злоключений.

Людовик покраснел еще более и, взяв руку английского короля, отвечал:

– Брат мой, стыдно сознаться, но кардинал редко говорит при мне о политике. Этого мало: прежде мой слуга Ла Порт читал мне исторические сочинения, но кардинал запретил эти чтения и уволил Ла Порту. Я должен просить вас рассказать мне о своих несчастиях, как человеку, который ничего о них не знает.

– О, ваше величество, если я расскажу все, с самого начала, то тем более пробужу в вас сострадание.

– Говорите, говорите!

– Вы знаете, государь, что меня призвали в Эдинбург в тысяча шестьсот пятидесятом году, во время экспедиции Кромвеля в Ирландию, и короновали в Стоне. Через год Кромвель, раненный в одной из захваченных им провинций, вновь напал на нас. Встретиться с ним было моей целью, уйти из Шотландии – моим желанием.

– Однако, – возразил молодой король, – Шотландия почти ваша родина.

– Да. Но шотландцы были для меня жестокими соотечественниками! Они принудили меня отказаться от веры моих отцов. Они повесили лорда Монтроза, преданнейшего из моих приверженцев, потому что он не участвовал в союзе. Ему предложили высказать предсмертное желание. Он попросил, чтобы его разрубили на столько частей, сколько в Шотландии городов, чтобы в каждом из них были свидетели его верности. Переезжая из города в город, я всюду находил останки этого благородного человека, который действовал, сражался, дышал для меня...

Смелым маневром я обошел армию Кромвеля и вступил в Англию. Протектор гнался за мной. Это было странное бегство, имевшее целью добиться короны. Если бы я достиг Лондона прежде Кромвеля, то награда за эту скачку досталась бы мне. Но он настиг меня у Уорчестера.

Гений Англии был уже не с нами, а с ним. Третьего сентября тысяча шестьсот пятьдесят первого года, в годовщину битвы при Дембаре, роковой для шотландцев, я был разбит.

Две тысячи человек пали вокруг меня, прежде чем я отступил на шаг. Наконец все же пришлось бежать.

Тут история моя становится романом. Я остриг волосы и переоделся дровосеком. Целый день провел на ветвях дуба, прозванного за это королевским: так зовется он теперь. Мои приключения в Стаффордском графстве, откуда я выехал, увозя на своем коне дочь моего хозяина, до сих пор служат предметом рассказов, из них сложится баллада. Когда-нибудь, ваше величество, я запишу все это в поучение королям, моим братьям.

Я опишу, как, прибыв к Нортону, я встретил придворного капеллана, смотревшего на игру в кегли, и моего старого слугу, который залился слезами, узнав меня. Второй так же мог погубить меня своей верностью, как первый – своим предательством... Я расскажу о страшных минутах... да, ваше величество, страшных минутах, которые я пережил... например, когда кузнец полковника Уиндгема, осматривавший наших лошадей, объявил, что они подкованы в северных провинциях...

– Как удивительно, – прошептал Людовик XIV, – что я ничего этого не знал... Я знал только, что вы сели на корабль в Брайгельмстед и высадились в Нормандии.

– О, – прошептал Карл, – если короли ничего не знают один о другом, то как они могут помогать друг другу!

– Но скажите мне, брат мой, – спросил Людовик, – раз вас так дурно приняли в Англии, то как же вы еще надеетесь на эту несчастную страну, на этот мятежный народ?

– О, ваше величество! Со времени Уорчестерской битвы в Англии все переменялось. Кромвель умер, подписав с Францией соглашение, в котором имя его стояло выше вашего.

Он умер третьего сентября тысяча шестьсот пятьдесят восьмого года, в годовщину битвы при Уорчестере и Дембаре.

– Его сын наследовал ему.

– Некоторые люди, ваше величество, имеют детей, но не имеют преемников. Наследство Оливера Кромвеля слишком тяжело для его сына Ричарда. Ричард не был ни республиканцем, ни роялистом. Ричард позволял своим телохранителям съедать свой обед, а своим генералам – управлять республикой. Ричард отрекся от власти двадцать второго апреля тысяча шестьсот пятьдесят девятого года; с тех пор прошло уже больше года, ваше величество.

С этого дня Англия стала игорным домом, где разыгрывается корона моего отца. Самые отчаянные игроки – Ламберт и Монк. Я хочу вмешаться в эту игру, где ставка брошена на мою королевскую мантию. Ваше величество... нужен миллион, чтобы подкупить одного из этих игроков, превратить его в моего союзника, – или двести ваших дворян, чтобы выгнать их из моего Уайтхоллского дворца, как Христос выгнал из храма торговцев.

– А! – сказал король Людовик XIV. – Вы просите у меня...

– Помощи, то есть того, чем не только короли, но даже просто христиане обязаны друг другу, – вашей помощи, государь, деньгами или людьми. С вашей помощью через месяц я восстановлю Ламберта против Монка или Монка против Ламберта и отвоюю отцовское наследство так, что это не будет стоить ни одной гинеи моей родине, ни одной капли крови моим подданным. Они уже пьяны от революции, протектората и республики и теперь хотят одного – умиротвориться под королевской властью. Окажите мне помощь, и я буду обязан вашему величеству более, чем отцу. Бедный отец! Дорого он заплатил за разорение нашего дома! Видите, государь, как я несчастлив, в каком я отчаянии, – я даже обвиняю своего отца!

Краска залила бледное лицо Карла II. Он опустил голову на руки, точно его ослепила кровь, взбунтовавшаяся против осуждения отца сыном.

Юный король казался не менее несчастным, чем Карл. Он беспокойно двигался в кресле, не зная, что ответить.

Наконец Карл II, который был десятью годами старше и лучше умел владеть собою, снова заговорил.

– Ваше величество, – сказал он, – дайте мне ответ. Я жду его, как обвиняемый ждет приговора. Буду ли я жить? Или я должен умереть?

– Брат мой! – отвечал Людовик. – Вы просите у меня миллион – у меня! Но у меня никогда не бывало и четверти такой суммы. У меня нет ровно ничего... Я такой же король Франции, как вы король Англии. Я только имя, символ, одетый в бархат с лилиями, не больше! Я сижу на осязаемом троне; вот мое единственное преимущество перед вами, у меня ничего нет, я ничего не могу сделать.

– Неужели! – вскричал Карл II.

– Брат мой! – продолжал Людовик, понижая голос. – Я переносил такие лишения, которым не подвергались самые бедные из моих дворян. Если бы мой бедный Ла Порт еще служил при мне, он мог бы рассказать вам, как я спал на простынях с дырами, в которые пролезали мои ноги; он мог бы рассказать, что когда я спрашивал экипаж, то мне подавали карету, изъеденную в сарае крысами; он мог бы рассказать, что когда я просил обедать, то шли на кухню к кардиналу и узнавали, найдется ли что-нибудь поесть королю. Даже теперь, подумайте, теперь, когда мне двадцать два года, когда я достиг совершеннолетия, когда я должен бы иметь ключи от государственной казны, руководить политикой, объявлять войну и заключать мир, посмотрите вокруг, и вы увидите, что предоставлено мне!.. Как я заброшен! В каком я пренебрежении! Как пусто около меня!.. А там... посмотрите, какой там блеск! Сколько людей!.. Там, там, поверьте мне, там настоящий король Франции!

– У кардинала?

– Да, у кардинала.

– Тогда я погиб!

Людовик не отвечал.

– Да, погиб, потому что я не стану просить того, кто оставил бы умирать от голода и холода мою мать и сестру, – дочь и внучку Генриха Четвертого, – если бы де Рец и парламент не прислали им дров и хлеба.

– Умирать! – прошептал Людовик XIV.

– Ну что ж! Король Англии, несчастный Карл Второй, такой же внук Генриха Четвертого, как и ваше величество, умрет от голода, как едва не умерли сестра и мать его.

Людовик, нахмутив брови, молча теребил кружева своих манжет.

Эти безучастность и апатичность, скрывавшие явное волнение, поразили Карла II. Он взял молодого короля за руку.

– Благодарю вас, брат мой, – сказал он, – вы пожалели меня, а в теперешнем вашем положении я не могу требовать от вас большего.

– Ваше величество, – спросил вдруг Людовик XIV, подняв голову, – вы говорили, что вам нужен миллион или двести дворян, не так ли?

– Миллиона будет довольно.

– Это так мало.

– Это много, если предложить его одному человеку. Убеждения людей часто покупали гораздо дешевле; а мне придется иметь дело с продажными душами.

– Двести дворян, только! Подумайте! Ведь это немногим больше роты?

– Ваше величество, в нашем семействе сохранилось одно предание: четверо преданных французских дворян едва не спасли моего отца, которого судил парламент, стерегла целая армия, окружал весь народ.

– Значит, если я доставлю вам миллион или двести дворян, вы будете довольны и назовете меня добрым братом?

– Я сочту вас своим спасителем. Если я взойду на трон моего отца, Англия на все время моего царствования останется доброй сестрой Франции, как вы будете мне добрым братом.

– Хорошо! – сказал Людовик, вставая. – То, чего вы, брат мой, не решаетесь просить, попрошу я, я сам! Я никогда ничего не просил для себя, но теперь сделаю это для вас! Пойду к королю Франции – к тому, богатому, всемогущему – и попрошу у него миллион или двести дворян... А там увидим!

– О! – вскричал Карл. – Вы благородный друг, высокая душа. Вы спасете меня, брат мой. Если вам понадобится жизнь, которую вы теперь возвращаете мне, можете взять ее!

– Тише, брат мой, тише! – произнес Людовик вполголоса. – Берегитесь, чтобы нас не услышали. Мы еще не достигли цели. Просить денег у Мазарини! Это труднее, чем пройти по заколдованному лесу, где на каждом дереве притаился демон; это гораздо больше, чем завоевать целый свет...

– Однако когда просить будете вы...

– Я уже сказал вам, что никогда не просил, – ответил Людовик с гордостью, которая заставила английского короля побледнеть.

Заметив, что Карл почувствовал себя оскорбленным, Людовик продолжал:

– Простите меня, брат мой; у меня нет матери, нет сестры, которые страдают. Трон мой жёсток и гол, но я твердо сижу на нем. Простите меня, брат мой, не упрекайте меня за эти слова: они были продиктованы эгоизмом. Но я искуплю их жертвой. Я иду к кардиналу. Подождите меня, прошу вас. Я сейчас вернусь.

Х. Арифметика кардинала Мазарини

Когда король поспешно направился в то крыло дворца, где помещался кардинал Мазарини, взяв с собой только своего слугу, офицер мушкетеров вышел из маленькой комнаты, которую король считал пустой. Офицер вздохнул, как человек, долго сдерживающий дыхание.

Маленькая комната отделялась от спальни, часть которой она раньше составляла, лишь тонкой перегородкой. Выходило, что эта преграда существовала лишь для глаз и позволяла хоть сколько-нибудь нескромному уху слышать все, что происходило в соседней комнате. Не оставалось таким образом, сомнения, что дежурный офицер слышал все, что произошло только что у его величества.

Предупрежденный последними словами молодого короля, он вышел как раз вовремя, чтобы успеть склониться перед ним в поклоне и проводить его взглядом, пока тот не исчез в конце коридора. Лейтенант покачал головою характерным для него движением и произнес с гасконским акцентом, не утраченным им за сорок лет, прожитых вне родины:

– Жалкая служба! Жалкий повелитель!

Затем, сев на прежнее место в кресло, он протянул ноги и закрыл глаза, как человек, который спит или размышляет.

Во время этого короткого монолога, пока король шел по коридорам старого замка к кардиналу, у Мазарини происходила сцена совсем в другом роде.

Мазарини лег в постель, потому что его начинала мучить подагра. Человек деловой, он извлекал пользу даже из болезни, работая в часы бессонницы. Он велел своему слуге Бернуину принести дорожный пюпитр, чтобы можно было писать в постели.

Но подагра такой враг, которого нелегко победить. При каждом движении кардинала боль усиливалась, и наконец он спросил Бернуина:

– Здесь Бриенн?

– Нет, ушел, – ответил слуга. – Вы изволили отпустить его, и он отправился спать. Если вам угодно, можно разбудить его.

– Нет, не нужно. Однако надо работать! Проклятые цифры!

И кардинал задумался, считая по пальцам.

– О, эти цифры! – воскликнул Бернуин. – Если вы изволили заняться подсчетами, то завтра у вас, конечно, будет головная боль... Вдобавок еще здесь нет господина Гено!

– Ты прав, Бернуин! Но ты заменишь мне Бриенна. Действительно, я должен был бы взять с собой Кольбера. Он хорошо работает, Бернуин, очень хорошо. Он человек деловой!

– Не знаю, – отвечал слуга, – только мне не нравится лицо этого делового человека.

– Ладно, ладно, Бернуин! Я не спрашиваю твоего мнения. Садись сюда, бери перо и пиши.

– Я готов. Что прикажете писать?

– Пиши: семьсот шестьдесят тысяч ливров.

– Написано.

– На Лион... – Кардинал остановился в раздумье.

– На Лион, – повторил Бернуин.

– Три миллиона девятьсот тысяч.

– Написано.

– На Бордо семь миллионов.

– Семь, – повторил Бернуин.

– Да, семь, – с досадой сказал кардинал. – Ты понимаешь, Бернуин? Все эти суммы пишутся в расход...

– В расход или в приход, не все ли равно? Ведь эти миллионы не мои.

– Миллионы эти принадлежат королю; я считаю королевские деньги... Итак, на чем мы остановились?.. Ты все время прерываешь меня!

– Семь миллионов на Бордо.

– Да, так. На Мадрид четыре миллиона. Я говорю тебе, Бернуин, кому принадлежат эти деньги, так как весь свет имеет глупость считать меня миллионером. Я стараюсь опровергнуть этот вздор. У министра не может быть ничего своего... Теперь продолжай. Подати – семь миллионов. Земли – девять миллионов. Написал?

– Написал.

– Наличных денег – шестьсот тысяч ливров; разных ценностей – два миллиона... Ах, еще забыл, – движимость в разных замках...

– Не прибавить ли – в разных королевских замках? – спросил Бернуин.

– Нет, нет, не надо, – это подразумевается. Ну что, Бернуин, написал?

– Написано.

– Теперь подведи итог.

– Тридцать девять миллионов двести шестьдесят тысяч ливров.

– Ах, – сказал кардинал с выражением досады, – нет полных сорока миллионов!

Бернуин опять пересчитал.

– Да, недостает семисот сорока тысяч.

Мазарини взял счет в руки и внимательно просмотрел его.

– Однако же, – заметил Бернуин, – тридцать девять миллионов двести шестьдесят тысяч ливров – порядочные деньги.

– Ах, Бернуин, я хотел бы видеть эту сумму в казне короля!

– Вы изволили сказать, что все эти деньги принадлежат его величеству.

– Разумеется, но только на одно мгновение. Эти тридцать девять миллионов уже заранее распределены, пожалуй, их еще не хватит.

Бернуин улыбнулся про себя, как человек, который верит только тому, чему хочет верить. Он приготовил на ночь питье кардиналу и поправил подушки.

– Да-а, – задумчиво протянул Мазарини, когда слуга вышел, – все еще нет сорока миллионов... Однако мне надо достичь намеченной мною цифры – сорока миллионов... Кто знает, быть может, я не доживу, не успею... Я старею, слабею. Может быть, я найду два-три миллиона в карманах наших добрых друзей, испанцев? Ведь недаром же они открыли Перу; у них, наверное, что-нибудь осталось от этого открытия!

Поглощенный расчетами, он позабыл о подагре; страсть кардинала к деньгам была сильнее болезни. Вдруг Бернуин, запыхавшись, вбежал в комнату.

– Что случилось? – спросил кардинал.

– Король! Король!

– Как! Король идет сюда? – вскричал Мазарини, поспешно пряча листок. – Король здесь в такой поздний час? Я думал, что он уже давно лег. Что произошло?

Людовик XIV слышал последние слова и видел испуганное лицо кардинала, приподнявшегося на постели при его появлении.

– Ничего особенного, господин кардинал, – сказал он, – или по крайней мере ничего такого, что могло бы встревожить вас. Мне только необходимо сегодня же переговорить с вами об одном весьма важном деле.

Мазарини тотчас вспомнил, с каким вниманием король слушал его слова о Марии Манчини, и вообразил, что важное дело касается его племянницы. Поэтому лицо его немедленно прояснилось и приняло выражение крайней любезности. Эта перемена весьма обрадовала короля.

Он сел.

– Ваше величество, – обратился к нему Мазарини, – я должен был бы слушать вас стоя, но мучительная подагра...

– Что за церемонии между нами, любезный господин кардинал, – отвечал Людовик XIV ласково, – я ваш ученик, а не король, вы это хорошо знаете, – особенно сегодня вечером, потому что я пришел к вам как проситель, даже как проситель самый покорный, желающий быть принятым благосклонно.

Мазарини, заметив, что король покраснел, укрепился в своем предположении, что за этими ласковыми словами кроются любовные помыслы. На этот раз при всей своей догадливости хитрый политик ошибся: король покраснел не от порыва юношеской страсти, а от чувства унижения своей королевской гордости.

Как добрый дядюшка, Мазарини решился облегчить королю признание.

– Говорите, пожалуйста, и если вашему величеству угодно на минуту забыть, что я ваш подданный, если вам угодно назвать меня своим наставником и учителем, то позвольте и мне высказать всю свою преданную и нежную любовь к вам.

– Благодарю вас, господин кардинал, – продолжал король. – Впрочем, то, о чем я намерен просить вас, сущая безделица.

– Тем хуже, – возразил кардинал, – тем хуже, ваше величество. Я желал бы, чтобы вы попросили у меня чего-нибудь значительного, какой-нибудь жертвы... Но, впрочем, чего бы вы ни попросили у меня, я готов на все согласиться, чтобы угодить вам.

– Если так, вот в чем дело, – сказал король, сердце которого билось так же сильно, как сердце кардинала, – ко мне приехал брат мой, король Англии...

Мазарини привскочил на кровати, словно он прикоснулся к лейденской банке или вольтовой дуге. От изумления или, скорее, от разочарования лицо кардинала покрылось такой краской гнева, что Людовик при всей своей неопытности в дипломатии тотчас увидел, что министр надеялся услышать что-то совсем другое.

– Карл Второй! – вскричал Мазарини пронзительным голосом, с презрительной улыбкою. – Как! У вас в гостях Карл Второй!

– Да, король Карл Второй, – отвечал Людовик, подчеркивая принадлежавший внуку Генриха IV титул короля, который Мазарини пропустил. – Да, господин кардинал, этот несчастный король тронул мое сердце, рассказав мне о своих злоключениях. Он переживает страшные бедствия, господин кардинал. У меня тоже оспаривали престол, я тоже в дни волнений принужден был бежать из столицы, я познал несчастье, и мне трудно оставить без помощи брата, лишившегося всего и скрывающегося.

– Ах, – перебил кардинал с досадою, – отчего при нем нет какого-нибудь Мазарини, как при вас? Его корона была бы сохранена в неприкосновенности.

– Я знаю все, чем наш дом обязан вам, господин кардинал, – ответил молодой король гордо, – и верьте, я, со своей стороны, этого никогда не забуду. Именно потому, что мой брат, король английский, не имеет при своей особе такого могущественного гения, как тот, который спас меня, именно потому и хочу я доставить ему помощь этого гения, уверенный, что если ваша рука коснется его, она возвратит ему корону, которую он потерял в тот день, когда она упала к подножию эшафота его отца.

– Благодарю вас, ваше величество, за доброе мнение обо мне, – отвечал Мазарини, – но нам нечего делать там, где люди беснуются, отрицают бога и рубят головы своим королям. Они опасны, видите ли, очень опасны, и к ним противно прикоснуться с той минуты, как они забрызгали себя королевской кровью и грязью раздоров. Такой политики я никогда не любил и отстраняюсь от нее.

– Но вы можете помочь нам, создав ему иную.

– Какую?

– Например, восстановив Карла Второго.

– Боже мой! – воскликнул Мазарини. – Неужели несчастный король еще увлекается этой химерой?

– Разумеется, – возразил Людовик, испугавшись препятствий, который верный глаз его министра видел в этом предприятии. – Он просит для этого... не более... как миллион.

– Только-то! Один миллион, не больше! – насмешливо повторил Мазарини с итальянским акцентом. – Братец, всего-навсего миллиончик, братец! Какое-то семейство нищих!

– Монсеньор, – сказал Людовик XIV, подняв голову, – это семейство нищих – ветвь нашего дома.

– А ваше величество так богаты, что можете раздавать миллионы? У вас есть миллионы?

– Да, – отвечал юный король с величественной скорбью, которую он сумел, однако, скрыть, – да, господин кардинал, я знаю, что я беден, но французская корона стоит все же миллиона; а для доброго дела я, пожалуй, готов заложить свою корону. Я найду евреев, которые охотно дадут мне за нее миллион.

– Итак, вы говорите, ваше величество, что вам нужен миллион? – спросил Мазарини.

– Да, миллион.

– Ваше величество сильно ошибаетесь. Вам нужно гораздо больше. Бернуин!.. Вы сейчас узнаете, сколько вам нужно на самом деле... Бернуин!

– Как, господин кардинал? Вы собираетесь спрашивать лакея о моих делах?

– Бернуин! – повторил кардинал, притворяясь, что не замечает возмущения короля. – Пойди сюда и скажи, какую сумму я хотел иметь сейчас?

– Монсеньор! Монсеньор! – повысил голос Людовик, побледнев от негодования. – Разве вы не слышали моих слов?

– Не гневайтесь, ваше величество: я открыто веду ваши дела. Во Франции все это знают: книги мои не под замками. Бернуин, что ты сейчас здесь делал?

– Складывал цифры.

– И сложил?

– Точно так.

– И все для того, чтобы узнать, сколько нужно его величеству в настоящую минуту? Не так ли я сказал тебе? Говори откровенно, друг мой.

– Да, так вы изволили сказать.

– Хорошо. А сколько было нужно?

– Сорок пять миллионов, кажется.

– А какую сумму насчитали мы, соединив все наши средства, ничего не пропустив?

– Тридцать девять миллионов двести шестьдесят тысяч франков.

– Хорошо, Бернуин, больше мне ничего от тебя не нужно. Теперь оставь нас, – прибавил кардинал, устремив проницательный взгляд на молодого короля, который не мог вымолвить ни слова от изумления и едва прошептал:

– Но... однако же...

– А, вы еще сомневаетесь? – спросил кардинал. – Так вот доказательство того, что я вам сказал.

И он вынул из-под подушки листок, исписанный цифрами, и подал его королю, который отвернулся, до такой степени он был огорчен.

– Вы желаете получить миллион, а так как он в этот счет не внесен, значит, вам нужно сорок шесть миллионов. Поверьте, в мире нет еврея, который решился бы дать займы такую сумму, даже под залог французской короны.

Король, сжав кулаки под пышными манжетами, отодвинул свое кресло.

– Тогда, – сказал он, – брат мой, король английский, умрет с голоду.

– Ваше величество, – отвечал Мазарини тем же тоном, – не забывайте пословицы, которая выражает самую здравую политику: «Будь доволен, что ты беден, когда твой сосед беден тоже».

Людовик подумал несколько минут, с любопытством поглядывая на бумагу, краешек которой высывался из-под подушки.

– Итак, – повторил он, – исполнить моей просьбы о деньгах никоим образом нельзя?

– Невозможно.

– Подумайте: он будет моим врагом, если вступит на престол без моей помощи.

– Если ваше величество боитесь только этого, то можете быть спокойны! – с живостью заверил его кардинал.

– Хорошо, я больше не настаиваю.

– По крайней мере убедил ли я ваше величество? – спросил Мазарини, беря руку короля.

– Вполне.

– Просите о чем угодно другом, и я почту за счастье исполнить ваше желание.

– Любую мою просьбу?

– Все, все! Разве я не предан душой и телом вашему величеству? Эй, Бернуин! Факелов и провожатых его величеству! Его величество возвращается в свои покои.

– Нет еще, кардинал! Раз вы готовы исполнить любую другую мою просьбу, то я воспользуюсь случаем...

– Для вашего величества? – протянул кардинал, надеясь, что король заговорит наконец о его племяннице.

– Нет, не для меня, а опять для брата моего Карла.

Лицо Мазарини снова омрачилось, он пробормотал несколько слов, но король их не слышал.

XI. Политика кардинала Мазарини

Вместо нерешительности, с какой четверть часа назад юный король обращался к кардиналу, теперь в его глазах блистала воля. С ней можно было бороться, может быть, даже победить ее, но воспоминание о поражении, точно рана, жгло бы сердце короля.

– Господин кардинал, – сказал Людовик, – на этот раз моя просьба не затруднит вас. Исполнить ее легче, чем найти миллион.

– Ваше величество так полагаете? – спросил кардинал, посматривая на молодого короля хитрым взглядом, умевшим читать затаенные мысли.

– Да, я так думаю, и когда вы узнаете, о чем я намерен спросить...

– А вы думаете, я этого не знаю?

– Как? Вы знаете, о чем я хочу просить?

– Выслушайте меня, ваше величество... Вот вам собственные слова короля Карла...

– Посмотрим!

– Слушайте: «Если этот скряга, этот мерзкий итальянец...»

– Господин кардинал!

– Если это не слова его, то, наверное, их смысл. Поверьте, я вовсе не сержусь на него. Каждый из нас смотрит на других через призму своих страстей. Король Карл сказал вам: «Если этот мерзкий итальянец откажет нам в миллионе, который мы у него просим; если мы будем принуждены, за неимением денег, отказаться от дипломатии, то по крайней мере выпросим у него пятьсот дворян».

Король вздрогнул, потому что кардинал ошибся только в цифре.

– Не так ли, ваше величество, не этого ли просил он? – воскликнул кардинал с торжествующим видом. – Потом Карл Второй прибавил еще: «У меня есть друзья по ту сторону пролива; этим друзьям недостает только начальника и знамени. Когда они увидят меня, когда увидят французское знамя, то непременно пойдут за мной: они поймут, что я пользуюсь вашей помощью. Французский мундир в моем войске заменит тот миллион, в котором кардинал мне откажет (он очень хорошо знал, что я не дам ему миллиона). Я одержу победу при помощи этих пятисот дворян, и вся честь победы будет принадлежать вашему величеству». Вот что сказал он вам или почти то же, – не так ли? И верно, разукрасил речь свою блестящими метафорами, увлекательными картинками; ведь в этом семействе все любят ораторствовать. Его отец говорил даже на эшафоте.

От стыда на лице Людовика XIV выступил пот. Он чувствовал, что не может позволить, чтобы при нем оскорбляли его брата; но он не знал еще, как проявить свою волю, особенно в присутствии человека, которому все повиновались, даже вдовствующая королева.

Наконец он превозмог себя.

– Но, господин кардинал, нам нужно не пятьсот человек, а только двести.

– Вы видите, ваше величество, я угадал, о чем он просит.

– Я никогда не сомневался в вашей проницательности и потому думаю, что вы не откажете моему брату Карлу в просьбе, такой простой и легко исполнимой, в просьбе, которую я приношу вам от его имени или, лучше сказать, от своего имени.

– Ваше величество, – отвечал Мазарини, – вот уже тридцать лет, как я управляю политическими делами. Сначала я управлял вместе с кардиналом Ришелье, потом один. Политика эта была не всегда честной, надо признаться; но она никогда не была неразумной. Та политика, которую предлагают вашему величеству, и бесчестна, и неразумна.

– Бесчестна!

– Вы подписали трактат с Кромвелем?

– Да, и в этом трактате Кромвель даже подписался выше меня.

– А зачем вы подписались так низко? Кромвель нашел хорошее место и занял его; таков уж его обычай. Но вернемся к делу. Вы заключили договор с Кромвелем, то есть с Англией, потому что в то время, когда вы подписали трактат, вся Англия заключалась в Кромвеле.

– Но Кромвель умер.

– Вы так полагаете?

– Разумеется. Ему наследовал сын Ричард, который уже успел отказаться от власти.

– В том-то и дело. Ричард наследовал после смерти Кромвеля, а Англия – после отречения Ричарда. Трактат составляет часть наследства, где бы оно ни находилось: в руках Ричарда или в руках Англии. Стало быть, трактат все еще имеет полную силу, полное действие. Почему же вы хотите нарушить его? Разве что-нибудь изменилось? Карл Второй хочет теперь того, чего мы не хотели десять лет назад; но случай этот был предусмотрен. Вы союзник Англии, ваше величество, а не Карла Второго. Разумеется, если смотреть с семейной точки зрения, бесчестно заключать трактат с человеком, который обезглавил вашего родственника, и вступать в переговоры о союзе с парламентом, который получил прозвание охвостья; согласен, это бесчестно, но в политическом смысле разумно: с помощью этого трактата я избавил ваше величество, когда вы были еще несовершеннолетним, от тягот внешней войны, из которой Фронда... вы помните Фронду, ваше величество?.. (Король опустил голову.) Из которой Фронда не преминула бы извлечь для себя пользу. Вот почему я доказываю вашему величеству, что изменить сейчас политику, не предупредив наших союзников, значило бы поступить и бесчестно и неразумно. Нам придется вести войну, повод к которой подали мы сами, и, вызвав ее сами, мы будем иметь такой вид, словно боимся ее: все равно, разрешим ли мы послать туда пятьсот человек, двести, пятьдесят или только десять, разрешение остается разрешением. Один француз – уже нация; один мундир – войско. Представьте, например, что вашему величеству придется начать войну с Голландией, что, должно быть, и случится рано или поздно, или с Испанией, что, может быть, случится, если свадьба ваша расстроится (тут Мазарини пристально взглянул на короля): ведь тысячи причин могут помешать вашей свадьбе. Что скажете вы тогда, если Англия пошлет на помощь Голландии или инфанте полк, роту или хотя бы взвод английских дворян? Неужели вы сочтете, что она правильно выполняет условия союзного договора?

Людовик слушал. Ему казалось странным, что Мазарини ссылается на честность – Мазарини, известный политическими обманами, которые даже называли мазаринадами.

– Но, – возразил король, – я не дам открытого позволения. Я не могу запретить своим подданным ездить в Англию, если они того хотят.

– Вы должны заставить их вернуться или по крайней мере протестовать против того, что они ведут себя как враги в союзном нам государстве.

– Господин кардинал, у вас такой проницательный ум; поищите средства помочь несчастному королю так, чтобы и нам не было вреда.

– Вот этого-то я и не хочу, – ответил Мазарини. – Если б Англия следовала моим указаниям, она не могла бы действовать выгоднее для нас; если б я направлял отсюда политику Англии, я не повел бы ее по другой дороге. При таком управлении, как теперь, Англия для Европы – вечное гнездо раздоров. Голландия покровительствует Карлу Второму; пусть покровительствует. Они перессорятся, подерутся. Это единственные морские державы. Пусть истребляют флот одна у другой. Мы построим свой флот из остатков их кораблей, когда у нас будут деньги на гвозди.

– Ах, как мелки все ваши расчеты, как они ничтожны! – вскричал король.

– Но они верны, сознайтесь сами! Послушайте дальше. Допустим, что можно изменить данному слову и обойти трактат: ведь мы часто видели, как изменяют слову и обходят трактаты. Но это делается в тех случаях, когда можно приобрести значительную выгоду или когда трактат чересчур стеснителен. Предположим, что вы позволите своим дворянам ехать в Англию;

Франция, или ее знамя, что одно и то же, пересечет пролив, завяжет сражение... и будет разбита...

– Почему же?

– Какой же полководец король Карл Второй? Разве вы забыли битву при Уорчестере?

– Но ему придется сражаться уже не с Кромвелем!

– Верно, но придется иметь дело с Монком, который гораздо опаснее. Добрый торговец пивом был фанатиком; на него находили минуты восторженности, исступления. В такие минуты он лопался, как переполненная бочка; через щели всегда просачивалось несколько капель его мысли, а по образчику можно было узнать всю мысль. Таким-то путем Кромвель раз десять позволил нам заглянуть в свою душу, когда все думали, что она покрыта тройным покровом, как говорит Гораций. Но Монк... Ах, ваше величество, избави вас боже вести политические дела с Монком! От него-то в один год поседел мои волосы! Монк, к несчастью, не фанатик, а политик; он не лопнет, а сожмется. Вот уж десять лет, как взоры его устремлены к одной цели, и до сих пор никто не знает, чего он хочет. Каждое утро, следуя совету короля Людовика Одиннадцатого, он сжигает свой ночной колпак. Зато в тот день, когда его план, медленно и в одиночестве продуманный, созреет, он будет иметь все шансы на успех, как всегда бывает в непредвиденных случаях. Таков Монк, ваше величество, таков этот человек, имени которого вы не знали до той минуты, как его назвал при вас ваш брат Карл Второй. Брат ваш знает, что это за воин, что это за чудо глубокомыслия и упорства, двух качеств, перед которыми ничтожны ум и отвага. Ваше величество, я был отважен в молодости, но умным я был всегда. Могу этим похвастать, потому что меня упрекают за это. С этими двумя качествами я сделал неплохую карьеру: сын простого итальянского рыбака, я стал первым министром короля Франции, и в этом звании, как сами вы изволите признавать, оказал кое-какие услуги престолу вашего величества. И что же? Если б я на своей дороге встретил Монка, а не Бофора, Реца или принца Конде, мы, вероятно, погибли бы. При малейшей неосторожности, государь, вы попадаете в когти этого политика и солдата. Шлем Монка – железный сундук, в который он запирает свои мысли, и ни у кого нет ключа от этого сундука. При нем или, лучше сказать, перед ним я склоняюсь, потому что у меня просто бархатный берет.

– Так чего же хочет Монк, как вы думаете?

– Ах, если б я знал, чего он хочет! Тогда бы я не просил вас остерегаться, потому что был бы сильнее его; но с ним я боюсь гадать... Гадать! Понимаете ли вы смысл этого слова? Если я решу, что разгадал его, то остановлюсь на одной мысли и невольно стану следовать только ей. С тех пор как этот человек правит Англией, я стал похож на грешников Данте, которым сатана свернул шею: они идут вперед, а смотрят назад. Я иду к Мадриду и не теряю из виду Лондона. С этим проклятым человеком гадать – значит ошибаться, а ошибаться – значит проигрывать игру. Боже меня упаси стараться угадать, чего он хочет; я довольствуюсь – и это уже очень много – тем, что слежу за его действиями. И думаю – вы понимаете смысл этого глагола? – что Монк просто хочет наследовать Кромвелю. Ваш Карл Второй посылал к нему уже человек десять с разными предложениями. Монк ограничивался тем, что прогонял этих услужливых людей и говорил им вместо ответа: «Ступайте вон, или я прикажу вас повесить». Человек этот – могила. В настоящую минуту Монк – верный слуга парламентского охвостья; но он не обманет меня своей преданностью. Монк не хочет, чтобы его убили. Если его убьют, дело его останется незавершенным, а он должен довести свое дело до конца. Я думаю – но не верьте тому, что я думаю: я употребил слово «думая» так, по привычке, – я думаю, что Монк шадит парламент до той поры, пока не разобьет его. У вас просят солдат, но зачем? Чтобы сражаться с Монком. Но избави нас боже драться с Монком, потому что Монк разобьет нас, а если он разобьет нас, тогда я не утешусь всю жизнь! Я буду убежден, что Монк предвидел эту победу за десять лет. Умоляю, ваше величество... из дружбы к вам или из уважения к самому себе, пусть Карл Второй оставит нас в покое. Ваше величество можете назначить ему неболь-

шую пенсию, можете предоставить ему один из своих замков... Ах, позвольте, позвольте! Я вспомнил трактат – этот знаменитый трактат, о котором мы сейчас говорили: ваше величество не имеете права предоставить Карлу Второму один из своих замков.

– Как так?

– Да, да, ваше величество обязались не оказывать гостеприимства Карлу Второму, даже изгнать его из Франции. Потому-то мы и выслали его, а он опять сюда явился! Надеюсь, ваше величество, вы объясните своему брату, что он не может оставаться у нас, что это невозможно, что он нас компрометирует. Или же я сам...

– Довольно, монсеньор! – остановил его Людовик XIV, вставая. – Вы отказали мне в миллионе, вы имели право на это: ваши миллионы принадлежат вам. Вы отказали мне в отряде дворян, и на это вы имели полное право: вы первый министр и отвечаете перед Францией за мир и войну. Но вы хотите помешать мне дать приют внуку Генриха Четвертого, моему двоюродному брату, товарищу моего детства... Тут прекращается ваша власть – и начинается моя воля.

– Ваше величество, – отвечал Мазарини, радуясь, что отделался так дешево (ибо, в сущности, он боролся так смело только для того, чтобы достигнуть этой цели), – ваше величество, я всегда склоняюсь перед волей моего короля. Ваше величество можете приютить английского короля у себя или в одном из ваших замков. Пусть об этом знает Мазарини, но не знает первый министр.

– Доброй ночи, монсеньор, – сказал король. – Я ухожу в отчаянии.

– Но разубежденный, а больше мне ничего и не требовалось от вашего величества, – улыбнулся Мазарини.

Король, не ответив, вышел в раздумье. Он убедился не в том, что объяснял ему Мазарини, а совсем в другом, о чем кардинал не сказал ни слова, – он убедился в необходимости самому серьезно изучать свои дела и дела Европы, казавшиеся ему такими трудными и запутанными.

Людовик нашел английского короля на том самом месте, где оставил его.

Увидев его, Карл встал; он тотчас же заметил печаль, темными знаками начертанную на челе кузена.

Чтобы избавить Людовика от тяжелого признания, Карл заговорил первый.

– Что бы ни случилось, – заверил он, – я никогда не забуду, как вы были добры со мной, как дружески меня приняли!

– Ах, – отвечал Людовик с грустью. – Моя добрая воля бессильна, брат мой.

Карл II страшно побледнел, провел рукой по лбу и несколько минут не мог овладеть собой после этого последнего удара.

– Понимаю, – произнес он наконец. – Никакой надежды!

Людовик схватил Карла за руку.

– Подождите, брат мой, – попросил Людовик, – подождите, обстоятельства могут перемениться. Отчаянные решения всегда губят дело. Умоляю вас, прибавьте еще один год испытания ко многим годам, которые вы вынесли. Нет таких особых обстоятельств, какие побудили бы вас начать действовать немедленно. Оставайтесь со мною, брат мой: я предоставлю вам один из своих замков, какой вы сами выберете. Мы вместе станем наблюдать за событиями, вместе будем готовить их. Послушайте меня, брат мой, мужайтесь!

Карл II высвободил свою руку из рук короля, отступил и учтиво поклонился.

– От всей души благодарю ваше величество, – сказал он. – Я безуспешно просил помощи у величайшего из королей земных: теперь буду просить чуда у бога.

И он вышел, не желая продолжать разговор, с высоко поднятой головой, но с дрожащими руками, с искаженным от горя лицом и мрачным взглядом, как человек, которому нечего надеяться на людей и который хочет искать помощи в неведомых мирах.

Офицер мушкетеров, увидев его мертвенную бледность, поклонился ему почти до земли.

Потом он взял факел, позвал двух мушкетеров и повел несчастного короля по пустой лестнице, держа в левой руке шляпу, перо которой касалось ступеней.

Дойдя до дверей, офицер спросил короля, куда ему угодно идти, чтобы послать с ним мушкетеров.

– Господин офицер, – отвечал Карл II вполголоса, – вы говорили, что знали отца моего; может быть, вы даже молились за него? Если так, то не забудьте и меня в своих молитвах. А теперь я пойду один. Прошу вас не провожать меня и не посылать конвоя.

Офицер поклонился и отослал мушкетеров во внутренние покои.

Но сам остался еще несколько минут под воротами. Он хотел видеть, как удалился и исчез Карл II во мраке извилистой улицы.

– Ах, – прошептал он, – если б Атос был здесь, то мог бы сказать и ему, как некогда сказал отцу его: «Приветствую павшее величество!»

Потом он пошел по лестнице, приговаривая на каждом шагу:

– О, что за скверная служба!.. Что за жалкий властелин!.. Такая жизнь невыносима! Пора мне решиться на что-нибудь!.. Ни великодушия, ни энергии! Да, учитель достиг цели, ученик убит навсегда! Черт возьми! Я этого не перенесу... Ну, что вы? – спросил он мушкетеров, войдя в переднюю. – Чего вы смотрите на меня? Погасите факелы и ступайте на свои места! А, вы ждали меня?.. Да, вы охраняли меня, добрые товарищи!.. Но я не герцог Гиз, и будьте уверены, меня не убьют в узком коридоре, – прибавил офицер сквозь зубы, – такой поступок показал бы решимость, а у нас нет решимости с тех пор, как умер кардинал Ришелье. Ах, вот был человек!.. Решено, завтра же сбрасываю с плеч этот мундир!

Потом, спохватившись, добавил:

– Нет, еще рано! Остается еще одна – последняя попытка! Решусь на нее; но она, клянусь честью, будет действительно последней, черт возьми!

Не успел он договорить этой фразы, как из комнаты короля раздалось:

– Господин лейтенант! Король желает говорить с вами.

– Хорошо, – сказал лейтенант вполголоса, – может быть, как раз о том, о чем я думаю.

И он пошел к королю.

ХII. Король и лейтенант

Увидев офицера, король отпустил слугу и приближенного.

– Кто завтра дежурит? – поинтересовался он.

Лейтенант склонил голову с вежливостью исправного солдата и отвечал:

– Я, ваше величество.

– Как! Опять вы!

– Опять я.

– Почему так?

– Во время путешествия вашего величества мушкетеры занимают все посты в доме вашего величества, то есть в ваших покоях, в комнатах вдовствующей королевы и в помещении кардинала, который берет у короля лучшую или, правильнее сказать, большую часть королевских телохранителей.

– А те, которые не заняты?

– Незанятых всего человек двадцать или тридцать из ста двадцати. Когда мы в Лувре, дело другое; в Лувре я мог бы отдохнуть, полагаясь на сержанта, но в дороге, ваше величество, неизвестно, что может случиться, и я предпочитаю принять всю заботу на себя.

– Так вы каждый день в карауле?

– Да, ваше величество, и каждую ночь.

– Я не могу этого допустить: я хочу, чтобы вы отдохнули.

– Прекрасно, ваше величество, но я этого не хочу.

– Что такое? – спросил король, который в первую минуту не понял смысла его ответа.

– Я говорю, государь, что не желаю быть неисправным солдатом. Если б черт захотел подшутить надо мной, то, наверное, выбрал бы ту минуту, когда меня здесь не будет. А мне всего важнее служба и спокойствие совести.

– Но вы убьете себя службой.

– Ах, ваше величество! Я уже тридцать пять лет на этой службе, и все-таки нет человека во всей Франции и Наварре здоровее меня. Впрочем, прошу ваше величество не беспокоиться обо мне. Это было бы слишком необычным: я не привык к этому.

Король прервал его новым вопросом:

– Так вы будете здесь завтра утром?

– Да, ваше величество, как и сегодня.

Король несколько раз прошелся по комнате; видно было, что ему очень хотелось заговорить, но его что-то удерживало.

Лейтенант стоял неподвижно со шляпой в руках и смотрел, как король ходит взад и вперед. Кусая с досады усы, он думал:

«Черт возьми! В нем нет ни капли решимости... клянусь честью, он не заговорит!»

Король продолжал расхаживать, искоса поглядывая на лейтенанта.

«Он весь в отца, – говорил себе офицер, продолжая свой мысленный монолог, – горд, скуп и нерешителен, все вместе. Хорош король, нечего сказать!»

Вдруг Людовик остановился.

– Лейтенант! – начал он.

– Здесь, ваше величество.

– Зачем сегодня вечером, там, в зале, вы крикнули: «Конвой его величества!»?

– Вы сами так приказали, ваше величество.

– Что вы! Я не произнес ни слова.

– Ваше величество, приказания даются знаком, жестом, взглядом так же ясно, так же внятно, как и словом. Слуга, у которого есть только уши, не слуга, а только половина хорошего слуги.

– Ваши глаза чересчур остры.

– Почему, государь?

– Они видят то, чего нет.

– Мои глаза и вправду хороши, хотя давно и много служат своему господину; когда они могут заметить что-нибудь, они никогда не упускают случая. Сегодня же вечером они заметили, что ваше величество даже покраснели от усилия сдержать зевоту; что ваше величество с мольбой посмотрели сперва на кардинала, потом на королеву-мать и, наконец, на дверь, в которую можно было выйти. Мои глаза хорошо все это заметили, как и то, что губы вашего величества шептали: «Кто поможет мне выйти отсюда?»

– Сударь!

– Или по крайней мере: «Ко мне, мои мушкетеры!» Я не колебался более. Этот взгляд и слова были для меня приказанием, и я сейчас же крикнул: «Конвой его величества!» И я не ошибся: доказательством служит то, что ваше величество не выбрали меня, а вышли из зала, оправдав мои слова.

Король отвернулся с улыбкой. Через минуту он опять взглянул на умное, отважное и решительное лицо офицера, который стоял твердо и смело, как орел перед лицом солнца.

– Хорошо, – сказал король после непродолжительного молчания, во время которого он тщетно старался заставить офицера опустить глаза.

Видя, что король замолчал, лейтенант повернулся на каблуках и сделал несколько шагов к двери, пробормотав:

– Он ничего не скажет, черт возьми!.. Ничего не скажет!

– Благодарю вас, – отпустил его король.

«Недоставало только, – подумал офицер, – чтобы меня выругали за то, что я не так глуп, как другие».

И он направился к двери, энергично звеня шпорами. Но, дойдя до порога, он почувствовал взгляд короля и обернулся.

– Ваше величество ничего больше не желаете мне сказать? – спросил он трудно передаваемым тоном: в нем не было навязчивости, но в нем звучала такая убедительная откровенность, что король тотчас ответил ему:

– Постойте...

– Ну! Наконец-то! – прошептал офицер.

– Слушайте. Завтра к четырем часам утра будьте готовы к выезду верхом, а также приготовьте лошадь для меня.

– Из конюшни вашего величества?

– Нет, из мушкетерской.

– Будет исполнено.

– Вы поедете со мною.

– Один?

– Да, один.

– Прикажете прийти за вами или ждать вас?

– Ждите меня у калитки парка.

Лейтенант поклонился, поняв, что король сказал ему все, что хотел.

Действительно, Людовик отпустил его, ласково махнув рукой.

Офицер вышел из королевской спальни и по-прежнему спокойно уселся в свое кресло. Но он не заснул, как следовало бы в такой поздний час, а задумался так крепко, как еще никогда в жизни.

Результат этих размышлений, казалось, был не столь печален, как результат прежнего раздумья.

«Хорошо, он уже начал, – думал офицер, – любовь подталкивает его, и он идет! Король никуда не годится, но, может статься, человек окажется лучше... Впрочем, завтра утром увидим...»

– Ого! – вдруг вскричал он, выпрямившись. – Вот грандиозная мысль, черт возьми! Может быть, наконец все мое счастье в этой идее!

После этого восклицания офицер встал, и, засунув руки в карманы камзола, принялся быстрыми шагами мерить огромную переднюю, служившую ему штаб-квартирой.

Свеча дрожала от свежего ветерка, который, пробираясь сквозь щели в дверях и в окнах, проникал в комнату. Свет казался красноватым, неровным: он то ярко блистал, то меркнул, и по стене ходила тень офицера, изображавшая его, как на гравюрах Калло, в профиль, со шпагой и в шляпе с пером.

– Черт возьми! – шептал он. – Или я ничего не понимаю, или Мазарини ставит ловушку влюбленному королю. Мазарини сегодня вечером назначил свидание и дал адрес так охотно, как мог сделать только Данжо. Я отлично слышал и понял все. «Завтра утром, – сказал кардинал, – они будут против Блуаского моста». Черт возьми! Это ясно, особенно для любовника! Вот откуда нерешительность и смущение короля, вот откуда приказ: «Господин лейтенант мушкетеров, завтра в четыре часа утра садитесь на лошадь». Это так же точно, как если бы он мне сказал: «Господин лейтенант мушкетеров, завтра будьте у Блуаского моста, слышите?» Значит, здесь кроется государственная тайна, которой обладаю я, человек ничтожный. А почему овладел я этой тайной? Потому, что у меня хорошие глаза, как я сейчас сказал королю. Говорят, он до безумия влюблен в эту итальянскую куклу! Говорят, он на коленях просил у матери позволения жениться на этой девчонке! Говорят даже, что вдовствующая королева справлялась в Риме, будет ли такой брак без ее дозволения считаться действительным. О, если б мне было двадцать пять лет! Если б рядом со мной были те, кого уже нет здесь! Если б я не так глубоко презирал весь свет, я поссорил бы кардинала Мазарини с вдовствующей королевой, Францию с Испанией и сам выбрал бы королеву... Но, черт возьми!..

Офицер щелкнул пальцами в знак презрения.

– Этот дрянной итальянишка, этот скупец, гнусный скряга, который сейчас отказал в миллионе английскому королю, не даст мне, пожалуй, и тысячи пистолей, если я принесу ему эту новость. Черт возьми!.. Я становлюсь ребенком, глупею... Может ли Мазарини дать что-нибудь кому-нибудь!

И лейтенант громко расхохотался.

– Лягу сейчас, – решил он, – и засну. Мой ум устал от впечатлений сегодняшнего вечера. Завтра он будет яснее.

Дав самому себе такой совет, он завернулся в плащ.

Минут через пять он уже крепко спал, стиснув кулаки, раскрыв рот, из которого вырывались не тайны, а звучный храп, свободно разносившийся под величественными сводами огромной передней.

XIII. Мария Манчини

Едва солнце первыми лучами осветило верхушки деревьев в парке и крыши замка, как юный король, страдавший бессонницей от любви и проснувшийся уже два часа назад, сам отворил ставни и бросил пристальный взгляд во двор безмолвного замка.

Он увидел, что настало условленное время: на больших башенных часах стрелка показывала уже четверть пятого.

Не будя камердинера, спавшего глубоким сном в нескольких шагах от него, он оделся сам. Камердинер в испуге прибежал помогать ему, думая, что оказался неисправным по службе, но Людовик отпустил его, приказав не говорить никому ни слова.

Потом он спустился по маленькой лестнице, вышел через боковую дверь и увидел у стены парка всадника, державшего под уздцы лошадь.

Всадника этого под широким плащом и надвинутой шляпой нельзя было узнать.

Лошадь была оседлана очень просто, и самый опытный глаз не нашел бы в ней ничего необыкновенного.

Людовик взял в руки повод; офицер держал ему стремя, не сходя с седла, и тихим голосом спросил приказаний его величества.

– Поезжайте за мной!

Офицер пустил свою лошадь рысью за Людовиком XIV. Так они добрались до моста.

Когда они переехали через Луару, король повернулся к своему спутнику:

– Поезжайте вперед, все прямо, пока не заметите кареты. Увидев ее, возвращайтесь известить меня. Я буду ждать вас здесь.

– Не соблаговолит ли ваше величество сообщить мне приметы этого экипажа?

– В нем приедут две дамы. Возможно, что с ними будут горничные.

– Ваше величество, я не хотел бы ошибиться. Нет ли еще каких-нибудь особенностей?

– На карете, вероятно, будет герб кардинала.

– Этого мне достаточно, – сказал офицер, знавший теперь точно, кого он должен искать.

Он поскакал в указанную сторону. Не проехал он и пятисот шагов, как увидел за пригорком четырех мулов и карету.

За первой каретой следовала другая.

Достаточно было офицеру взглянуть на них, чтобы убедиться, что это те самые экипажи, которые ему поручено было отыскать.

Он тотчас повернул назад и, подъехав к королю, доложил:

– Ваше величество, экипажи близко. В одном две дамы со своими служанками, а в другом лакеи, провизия и поклажа.

– Хорошо, хорошо, – взволнованно отвечал король. – Поезжайте, прошу вас, и скажите этим дамам, что придворный кавалер желает засвидетельствовать им свое почтение.

Офицер поскакал галопом.

– Черт возьми! – ворчал он, погоняя лошадь. – Вот новая должность, и, надеюсь, почетная! Я жаловался на свое ничтожество – и вдруг стал наперсником короля. Я – мушкетер! Можно лопнуть от гордости.

Он подъехал к карете и выполнил поручение, как учтивый и искусный посредник.

Действительно, в карете сидели две дамы: одна – замечательная красавица, хотя и несколько худошавая; другая – менее красивая, но чрезвычайно живая и грациозная. Легкие морщинки на лбу указывали на ее сильную волю. Проницательный взгляд ее живых глаз был красноречивее всех любезных слов, общепринятых в те времена.

Д'Артаньян обратился ко второй и не ошибся, хотя первая, как мы сказали, была гораздо красивее.

– Сударыня, – поклонился он, – я лейтенант королевских мушкетеров. Здесь, на дороге, вас ждет один кавалер, желающий засвидетельствовать вам свое почтение.

При этих словах черноглазая дама вскрикнула от радости, выглянула в дверцу кареты и, видя, что король скачет к ним навстречу, протянула к нему руки с возгласом:

– Ах, дорогой государь!

Слезы брызнули из ее глаз.

Кучер остановил лошадей, горничные в смущении встали, а другая дама слегка поклонилась и улыбнулась той насмешливой улыбкой, какую вызывает ревность на уста женщины.

– Мария, милая Мария! – вскричал король, схватив руки дамы с черными глазами.

Он сам отворил тяжелую дверцу кареты и с таким пылом помог даме выйти, что она очутилась в его объятиях, прежде чем ступила на землю.

Лейтенант, стоявший по другую сторону кареты, все видел и слышал, не будучи, однако, никем замечен.

Король взял Марию Манчини под руку и подал кучерам и лакеям знак, чтобы они ехали дальше.

Было около шести часов утра. Дорога была очаровательна. На деревьях со свежою, едва распускавшеюся зеленью, точно алмазные капли, блестела утренняя роса. Ласточки, недавно вернувшиеся с юга, грациозно кружились над водой; ароматный ветерок пролетал по дороге и рьябил гладкую поверхность реки. Вся эта красота, благоухание цветов, вздохи земли опьяняли влюбленных. Они шли рядом, тесно прижавшись друг к другу, глядя друг другу в глаза, держась за руки; они двигались медленно, не начиная разговора: слишком много хотелось им сказать.

Офицер заметил, что брошенная королем лошадь не стоит на месте и беспокоит Марию Манчини. Он воспользовался этим предлогом, подошел ближе к влюбленным и взял лошадь под уздцы; став между обеими лошадьми и удерживая их за поводья, он не упустил ни одного слова, ни одного движения влюбленных.

Первой заговорила Мария.

– Ах, ваше величество, – сказала она, – вы не покидаете меня!

– О нет... – отвечал король. – Вы видите, Мария!

– А мне часто говорили, что, если нас разлучат, вы тотчас забудете меня.

– Милая Мария, неужели вы только сегодня заметили, что мы окружены людьми, которым выгодно нас обманывать?

– Но, однако... ваше величество... Это путешествие, этот союз с Испанией!.. Вас женят! Людовик опустил голову.

Офицер увидел, как, словно кинжал, выхваченный из ножен, сверкнули глаза Марии Манчини.

– И вы ничего не сделали для нашей любви? – спросила она, помолчав минуту.

– Ах, Мария! Как можете вы думать это! Я на коленях молил свою мать. Я сказал ей, что все мое счастье в вас! Я даже грозил...

– И что же? – живо спросила она.

– Королева написала в Рим, и ей ответили, что брак между нами не будет считаться действительным и папа расторгнет его. Увидев наконец, что нет никакой надежды, я просил по крайней мере отсрочить мою свадьбу с инфантой.

– Однако вы уже в дороге и спешите навстречу невесте.

– Что ж делать? На мои просьбы, мольбы, слезы мне отвечали государственными соображениями.

– И что же?

– Что же?.. Что делать, когда столько людей соединилось против меня!

Мария, в свою очередь, опустила голову.

– Значит, я должна навсегда проститься с вами! – промолвила она. – Вы знаете, что меня удаляют... отправляют в ссылку. Мало этого, вы знаете, меня хотят выдать замуж!

Людовик побледнел и приложил руку к сердцу.

– Если бы дело шло только о моей жизни – меня так измучили, что я, вероятно, покори-лась бы; но я думала, что дело идет о вашей жизни, и потому сопротивлялась, надеясь сохра-нить вам себя, ваше достояние...

– Да, мое достояние, мое сокровище! – прошептал король, пожалуй, скорее любезно, чем страстно.

– Кардинал уступил бы, – сказала Мария, – если бы вы обратились к нему и настоятельно потребовали его согласия. Кардинал назвал бы короля своим племянником, понимаете вы? Ради этого он решился бы на все, даже на войну! Уверенный, что он один будет править, вос-питав короля и дав ему в жены свою племянницу, кардинал поборок бы всех противников, опрокинул бы все препятствия. Ах, ваше величество, я отвечаю вам за это! Ведь я женщина и очень проницательна во всем, что касается любви.

Ее слова производили на короля странное воздействие. Они не возбуждали его страсть, а охлаждали ее. Он замедлил шаги и проговорил поспешно:

– Что ж делать? Все против нас!

– Кроме вашей воли, не так ли, ваше величество?

– Ах боже мой! – вздохнул король, покраснев. – Разве у меня есть воля?

– О! – с горечью прошептала Мария Манчини, оскорбленная его ответом.

– У короля одна воля: та, которую ему диктует политика, та, которую предписывает ему польза государства.

– О, так вы не любите! – вскричала Мария Манчини. – Если бы вы любили меня, у вас была бы воля.

При этих словах Мария подняла глаза на своего возлюбленного и увидела, что он бледен и расстроен, как изгнанник, навсегда расстающийся с родиной.

– Обвиняйте меня, – воскликнул король, – только не говорите, что я не люблю вас!

Они долго молчали после этих слов, которые молодой король произнес с глубоким и искренним чувством.

– Я не могу себе представить, – заговорила Мария, делая последнюю попытку, – что завтра и послезавтра я не увижу вашего величества. Не могу представить, что мне придется вести печальную жизнь вдали от Парижа, что губы старика, чуждого мне, будут прикасаться к той руке, которую теперь держите вы. Нет, нет, не могу думать об этом; сердце мое разрывается от отчаяния...

И действительно, Мария зарыдала.

Растроганный король поднес платок к губам и подавил глухой стон.

– Смотрите, – продолжала она, – кареты остановились, сестра ждет меня. Настала реши-тельная минута. То, что вы скажете теперь, определит всю нашу жизнь... Ах, ваше величество! Вы хотите, чтобы я потеряла вас! Вы хотите, Луи, чтобы та, которой вы сказали: «Я люблю тебя», – принадлежала другому, а не своему королю, не своему владыке, не своему любимому? Ах, Луи, будьте мужественны, одно слово, только одно... Произнесите: «Я хочу!» – и жизнь моя сольется с вашей, сердце мое будет вашим...

Король не отвечал.

Мария взглянула на него, как Дидона на Энея в полях Элизиума, с гневом и презрением.

– Прощайте же, – сказала она. – Прощай, жизнь, прощай, любовь, прощай, небо!

И она сделала шаг в сторону. Король остановил ее, схватил ее руку и прижал к губам. Отчаяние взяло верх над его решимостью: он уронил горячую слезу на прелестную ручку. Мария вздрогнула, как будто эта слеза действительно ее обожгла.

Она увидела влажные глаза короля, его бледное лицо, его сжатые губы и воскликнула с непередаваемым выражением:

– Ах, ваше величество, вы король, вы плачете, а я уезжаю!

Вместо ответа король закрыл лицо платком.

У офицера вырвался такой громкий вздох, что обе лошади испугались.

Разгневанная Мария Манчини отвернулась от короля, бросилась в карету и крикнула кучеру:

– Поезжай! Скорей! Скорей!

Кучер повиновался, ударил по лошадям, и тяжелая карета покачнулась на скрипучих осях. Король Франции остался один, в раздумье, в отчаянии, не смея взглянуть ни вперед, ни назад.

XIV. Король и лейтенант обнаруживают хорошую память

Король, как все влюбленные в мире, долго и пристально смотрел в ту сторону, где исчезла карета, уносившая его возлюбленную; сто раз он оборачивался и наконец, успокоив немного волнение сердца и мыслей, вспомнил, что он не один.

Офицер все еще держал лошадей под уздцы, все еще надеялся, что король изменит свое решение.

«Есть еще возможность, – думал он, – остановить карету: стоит только сесть на коня и догнать ее».

Но лейтенант мушкетеров обладал слишком смелой и богатой фантазией; она далеко оставляла за собою воображение короля, которое никак не могло возвыситься до такого полета.

Он просто подошел к офицеру и печальным голосом произнес:

– Все кончено... Едем!

Офицер, подражая его движениям, его медлительности и грусти, медленно и печально сел на лошадь.

Король поскакал. Офицер последовал за ним.

На мосту Людовик обернулся в последний раз. Офицер, терпеливый, как бог, у которого позади и впереди вечность, все еще надеялся, что к королю вернется энергия. Но тщетно. Людовик выехал на улицу, ведущую к замку, и к семи часам вернулся во дворец.

Когда король вошел в свои комнаты и офицер заметил (он все замечал!), что в окне кардинала приподнялась штора, он глубоко вздохнул, как человек, с которого снимают тяжкие оковы, и сказал вполголоса:

– Ну, брат, теперь уж кончено!

Король позвал приближенного.

– Я никого не принимаю до двух часов, вы слышите?

– Ваше величество, – ответил приближенный, – вас хотел видеть...

– Кто?

– Лейтенант ваших мушкетеров.

– Хорошо! Впустите его!

Офицер вошел.

По знаку, данному королем, приближенный и слуга удалились из комнаты.

Людовик проводил их взглядом; когда они затворили за собою дверь и портьера опустилась за ними, он сказал:

– Вы своим появлением напоминаете мне, что я забыл предписать вам молчание.

– Ах, ваше величество, вы напрасно утруждаете себя таким приказанием. Видно, что вы не знаете меня!

– Да, господин лейтенант, вы правы. Я знаю, что вы умеете молчать; но я ведь не предупреждал вас.

Офицер поклонился.

– Не будет ли еще каких-нибудь приказаний, ваше величество? – спросил он.

– Нет, можете идти.

– Не разрешите ли мне остаться и сказать несколько слов вашему величеству?

– Что вы желаете сказать? Говорите!

– Я хочу поговорить о деле, весьма ничтожном для вашего величества, но чрезвычайно важном для меня. Простите, что я осмеливаюсь беспокоить вас. Если бы не крайняя необходимость, я никогда не сделал бы этого; я исчез бы, как человек безгласный и маленький, каким был всегда.

– Вы бы исчезли! Что это значит? Я вас не понимаю.

– Словом, – продолжал офицер, – я пришел просить ваше величество уволить меня со службы.

Король взглянул на него с удивлением, но офицер стоял неподвижно, как статуя.

– Уволить вас, господин лейтенант? А позвольте узнать, на сколько времени?

– Навсегда, ваше величество.

– Как! Вы хотите оставить службу? – спросил Людовик голосом, выражавшим не только удивление.

– Да, ваше величество, к величайшему моему сожалению.

– Не может быть!

– Ваше величество, я становлюсь стар. Вот уже почти тридцать пять лет, как я ношу боевые доспехи. Мои бедные плечи устали. Я чувствую, что нужно уступить место молодым. Я не принадлежу к новому поколению. Я стою одной ногой в прошлой эпохе. Поэтому все мне кажется странным, все удивляет, ошеломляет меня. Словом, я прошу у вашего величества отставки.

– Господин лейтенант, – сказал король, взглянув на офицера, который носил мундир с ловкостью юноши, – вы здоровее и крепче меня.

– О, – отвечал офицер, улыбаясь с притворной скромностью. – Ваше величество говорите мне это потому, что глаз у меня верен и я твердо стою на ногах; потому, что я недурно сижу на лошади и усы у меня черные. Но, ваше величество, все это – суета сует; все это – мечта, видимость, дым! Я кажусь еще молодым, но в сущности я стар и через полгода, уверен, буду разбит подагрой, болен... Поэтому, ваше величество, позвольте...

– Господин лейтенант, – перебил его король, – вспомните, что вы говорили вчера. На этом самом месте вы уверяли меня, что вы самый здоровый человек во всей Франции, что вы не знаете усталости, что вам ничего не стоит проводить на своем посту дни и ночи. Говорили вы мне все это? Да или нет? Вспомните хорошенько.

Офицер вздохнул.

– Ваше величество, – сказал он, – старость любит хвастать. Надо прощать старикам, когда они сами себя хвалят, потому что никто другой не похвалит их. Быть может, я и говорил все это вчера; но дело в том, ваше величество, что я чрезвычайно утомлен и прошу отставки.

– Господин лейтенант, – произнес король с жестом, полным величавого благородства, – вы не говорите мне настоящей причины. Вы не хотите больше служить мне, но вы скрываете свои побуждения.

– Верьте мне, государь...

– Я верю тому, что вижу. Вижу человека энергичного, крепкого, чрезвычайно находчивого, лучшего солдата Франции; все это никак не может убедить меня, что вы нуждаетесь в отдыхе.

– Ах, ваше величество, сколько похвал! – возразил лейтенант с горечью. – Ваше величество, вы смущаете меня! «Человек энергичный, крепкий, умный, храбрый, лучший солдат французской армии»! Вы до такой степени преувеличиваете, что я, как бы себя ни ценил, не узнаю самого себя. Если бы я был настолько тщеславен, что поверил бы только половине ваших слов, то счел бы себя человеком драгоценным, необходимым; я сказал бы, что слуга, соединяющий столько блестящих качеств, неоценимое сокровище. Должен признаться вашему величеству, что меня всю жизнь, за исключением нынешнего дня, ценили гораздо ниже того, чего я, по моему мнению, стою. Повторяю, вы преувеличиваете мои заслуги.

Король нахмурил брови, потому что почувствовал в словах офицера горькую насмешку.

– Господин лейтенант, – начал он, – будем говорить откровенно. Вам не нравится служить мне? Говорите! Отвечайте без околичностей, смело, прямо... Я так хочу.

При этих словах офицер, давно уже в смущении вертевший шляпу в руках, поднял голову.

– О, теперь, ваше величество, я могу говорить свободнее, – сказал он. – На такой откровенный вопрос я отвечу столь же откровенно. Говорить правду – дело хорошее: правда облегчает душу, и, кроме того, она вещь чрезвычайно редкая. Поэтому я скажу правду королю, прося его извинить чистосердечие старого солдата.

Людовик взглянул на офицера с беспокойством, проявившимся в его тревожном жесте.

– Так говорите же, – приказал он, – я нетерпеливо жду вашей правды.

Офицер бросил шляпу на стол, и лицо его, всегда умное и мужественное, приняло вдруг выражение достоинства и торжественности.

– Ваше величество, я ухожу с королевской службы потому, что недоволен. В наше время слуга может почтительно подойти к своему господину, как я теперь делаю, рассказать ему, как работал, возратить ему орудия ремесла, отдать отчет во вверенных ему деньгах и сказать: «Сударь, рабочий день кончен, прошу вас уплатить мне, и мы расстанемся».

– Что это значит, сударь? – вскричал король, покраснев от гнева.

– Ах, ваше величество, – молвил офицер, преклоняя колено, – никогда слуга не уважал своего господина так, как я вас, но вы хотели, чтобы я говорил правду, и теперь, когда я начал, я выскажу ее, даже если бы вы приказывали мне замолчать.

Лицо офицера выражало такую решимость, что Людовику XIV не нужно было приказывать ему продолжать. Офицер говорил, а король смотрел на него с любопытством, смешанным с восхищением.

– Ваше величество, скоро будет тридцать пять лет, как я служу французскому королевскому дому; нет человека, который бы износил на этой службе столько шпаг, сколько я, а шпаги, о которых я говорю, были крепкие. Я был еще юношей, не имевшим ничего, кроме храбрости, когда покойный король, отец ваш, угадал во мне человека. Я был уже взрослым, когда кардинал Ришелье, знаток людей, угадал во мне врага. Ваше величество, историю этой борьбы муравья со львом вы можете прочесть от первой до последней строки в секретном архиве вашего семейства. Если вашему величеству придет охота, прочтите ее; уверяю вас, она стоит внимания. Там вы узнаете, что наконец лев, истомленный, усталый, затравленный, попросил пощады и, надо отдать ему справедливость, сам пощадил противника. Ах, ваше величество! То была великая эпоха, исполненная битв, точно эпопеи Тасса или Ариоста! Чудеса того времени, которым отказывается верить наш век, казались нам делами самыми обыкновенными. В продолжение пяти лет я каждый день был героем, если верить словам некоторых достойных людей, а, поверьте мне, ваше величество, быть героем в продолжение пяти лет – это очень много! Однако я верю словам этих людей, потому что они были превосходными ценителями. Их имена: Ришелье, Бекингэм, Бофор, Рец – это великий гений уличной войны! То же говорил мне король Людовик Тринадцатый, и даже королева, ваша августейшая мать, удостоила меня однажды словом «благодарю». Не помню уже, какую услугу я имел счастье оказать ей. Простите, государь, что я говорю так смело, но все, что я рассказываю, принадлежит истории, как я уже имел честь вам доложить.

Король, кусая губы, бросился в кресло.

– Я надоедаю вашему величеству, – сказал лейтенант. – Ах, вот что значит правда! Она жестокая подруга – вся в железных остриях, ранит того, кого коснется, а иногда и того, кто говорит ее.

– Нет, – отвечал король. – Я сам позволил вам говорить. Продолжайте!

– После службы королю и кардиналу настала пора служить регентству. Во время Фронды я дрался тоже хорошо, однако похуже прежнего. Люди начали мельчать. Но и тут я возглавлял ваших королевских мушкетеров в опасных стычках, которые отмечены в приказах по роте. Тогда участь моя была завидною! Я считался фаворитом кардинала Мазарини: «Лейтенант, сюда! Лейтенант, туда! Лейтенант, направо! Лейтенант, налево!» Во всей Франции не нано-силось удара, в котором ваш покорный слуга не принял участия. Но скоро кардиналу стало

мало одной Франции: он послал меня в Англию, для пользы господина Кромвеля. Это тоже был человек далеко не нежный, смею уверить ваше величество! Я имел честь знать его и мог оценить его по достоинству. Мне посулили золотые горы за исполнение поручения. За то, что я выполнил в Англии совсем противоположное тому, ради чего меня послали, меня щедро наградили, сделали капитаном мушкетеров, то есть дали звание, которому все при дворе завидуют, которое дает право идти впереди маршалов Франции!.. И это справедливо, потому что капитан мушкетеров – цвет воинов, король всех храбрецов!

– Вас сделали капитаном? – переспросил король. – Вы, верно, ошиблись? Вы хотите сказать – лейтенантом?

– Нет, ваше величество, я никогда не ошибаюсь. Ваше величество может поверить: кардинал Мазарини дал мне патент.

– И что же?

– Но Мазарини – ваше величество знает это гораздо лучше всякого другого – дает не часто, а иногда отнимает то, что уже дал. Он отнял у меня патент после заключения мира, когда я стал ему не нужен. Разумеется, я не считал себя достойным преемником знаменитого господина де Тревиля, однако мне обещали это место, дали патент, и этим должно было все закончиться.

– А, вот вы чем недовольны, господин лейтенант! Хорошо, я наведу справки. Я люблю справедливость, и ваше требование мне нравится, хотя вы предъявили его несколько бесцеремонно.

– Ах, – отвечал офицер, – ваше величество, вы меня неверно поняли. Теперь я уже ничего не требую.

– Вы слишком деликатны, господин лейтенант. Но я займусь вашими делами попозже...

– Вот оно, это слово, ваше величество! Попозже! Тридцать лет живу я этим словом, полным обещаний. Мне говорили его самые великие люди. Теперь и ваше величество произносит его. Попозже! Благодаря ему я получил двадцать ран и дожил до пятидесяти четырех лет, не имея луидора в кармане и не встретив на жизненном пути ни одного покровителя, хотя сам покровительствовал очень многим! Но я меняю формулу, и когда мне говорят: «Попозже!», я отвечаю: «Теперь же!» Я прошу сейчас только отдыха, ваше величество. Мне можно дать его, потому что это никому ничего не будет стоить.

– Я не ожидал таких речей, господин лейтенант, особенно от человека, который всегда жил подле высоких особ. Вы забываете, что говорите с королем, с дворянином, дворянство которого не хуже вашего, полагаю я. Когда я говорю «Попозже!», то можно поверить моему слову.

– Я в этом не сомневаюсь, ваше величество. Но извольте выслушать конец страшной правды, которую я должен высказать вам. Если бы я видел здесь на столе маршальский жезл, шпагу коннетабля, даже польскую корону, то, клянусь вам, я сказал бы то же: не впоследствии, а теперь же. Простите меня, ваше величество, я из той самой провинции, где родился ваш предок Генрих Четвертый: я говорю не часто, но если уж начал, так говорю до конца.

– Мое царствование, кажется, не соблазняет вас? – сказал Людовик высокомерно.

– Забвение, везде забвение! – воскликнул офицер с достоинством. – Господин забыл слугу, и слуга принужден забыть своего господина. Я живу в несчастное время, ваше величество! Я вижу, что юноши полны уныния и боязни; они робки и обобранны, когда им следовало бы быть богатыми и могущественными. Например, вчера я отворил дверь короля Франции английскому королю. Я, ничтожный, спас бы его отца, если б сам бог не восстал против меня, бог, покровительствовавший Кромвелю! Отворяю эту дверь, то есть дворец одного брата, другому брату, и что я вижу, ваше величество?.. Ах! Это разорвало мое сердце!.. Вижу: королевский министр прогоняет изгнанника и унижает своего короля, осуждая на нищету такого же короля. Вижу, что мой государь, молодой, прекрасный, храбрый, у которого в сердце кипит

отвага, а в глазах блещут молнии, вижу, что государь дрожит перед попом, смеющимся над ним за занавесками своей кровати, сидя в которой он пересчитывает все французское золото и прячет его в потайные сундуки. О, я понимаю взгляд вашего величества. Я сейчас дерзок до безумия, но что прикажете делать? Я старик и говорю вам, моему королю, такие вещи, за которые я отрезал бы язык любому другому, кто осмелился бы сказать их. Наконец, ваше величество сами приказали мне высказать все, что у меня на душе, и вот я изливаю желчь, накопившуюся во мне за тридцать лет; точно так же пролил бы я всю кровь свою, если бы мне было это приказано.

Король, не говоря ни слова, отирал крупные капли пота, струившиеся по его лицу.

Минута молчания, последовавшая за этой дерзновенной выходкой, заключала в себе целый век мучений и для того, кто говорил, и для того, кто слушал.

– Сударь, – сказал наконец король, – вы произнесли слово «забвение», и я ничего не слышал, кроме этого слова. На это слово я вам и отвечу. Иные, быть может, очень забывчивы; но я – другое дело, я ничего не забываю... И вот вам доказательство: в один ужасный день, когда кипело возмущение и парижский народ, грозный и бушующий, как море, бросился в Пале-Рояль; в тот день, когда я притворялся спящим в постели, – один человек с обнаженной шпагой, спрятавшись за моей кроватью, охранял мою жизнь, готовый отдать за меня собственную жизнь. Он рисковал ею уже раз двадцать для других членов моего семейства. Этого дворянина, у которого я тогда спросил его имя, звали д'Артаньяном. Не так ли, господин лейтенант?

– У вашего величества прекрасная память, – холодно отвечал офицер.

– Видите, господин лейтенант, – сказал король, – если я храню такие воспоминания с детства, то, верно, ничего не забуду в зрелые лета.

– Ваше величество щедро одарены природой, – отвечал офицер тем же тоном.

– Послушайте, господин д'Артаньян, – продолжал Людовик с лихорадочным волнением, – неужели вы не можете потерпеть, как я терплю? Разве вы не можете делать то, что я делаю?

– А что вы делаете, государь?

– Жду.

– Ваше величество, вы можете ждать, потому что вы молоды; но у меня, ваше величество, нет времени ждать! Старость стучится ко мне в дверь, а за нею – смерть, она уже заглядывает в мой дом. Ваше величество, вы только начинаете жить. Вы полны надежд, вы можете довольствоваться будущими благами, но я, ваше величество, я на другом конце горизонта, и мы так далеки один от другого, что я никак не успею дожидаться, пока ваше величество подойдет ко мне.

Людовик прошелся по комнате, отирая холодный пот, который очень напугал бы докторов, если бы они увидели короля в таком состоянии.

– Хорошо, господин лейтенант, – сказал Людовик XIV отрывисто. – Вы хотите выйти в отставку? Вы будете уволены. Вы подаете мне прошение об увольнении вас от звания лейтенанта королевских мушкетеров?

– Почтительно повергаю его к стопам вашего величества!

– Довольно. Я прикажу назначить вам пенсию.

– Я буду вам очень обязан, ваше величество.

– Господин лейтенант, – начал опять король с заметным усилием, – мне кажется, что вы лишаетесь хорошего хозяина.

– Я в этом совершенно уверен.

– Найдете ли вы когда-нибудь такого же?

– О! Я знаю, государь, что вы единственный в мире. С этой минуты я уж не поступлю на службу ни к кому из королей земных и буду сам себе господином.

– Это правда?

– Клянусь вашему величеству.

– Я не забуду вашей клятвы.

Д'Артаньян поклонился.

– Вы знаете, господин лейтенант, что у меня хорошая память, – прибавил король.

– Знаю, ваше величество, но я желал бы, чтобы память изменила вам и вы забыли бы обиды, о которых я вынужден был рассказать вам. Ваше величество, вы стоите так высоко над нами, жалкими и ничтожными, что, надеюсь, забудете...

– Я буду подобен солнцу, господин лейтенант, которое видит всех – великих и малых, богатых и бедных, дает одним блеск, другим теплоту, а всем – жизнь. Прощайте, господин д'Артаньян... Прощайте, вы свободны!

И король, едва сдерживая рыдания, поспешно удалился в соседнюю комнату.

Д'Артаньян взял со стола шляпу и вышел.

XV. Изгнанник

Не успел д'Артаньян сойти с лестницы, как король позвал своего приближенного.

– Я дам вам поручение, – сказал король.

– Я к услугам вашего величества.

– Тогда подождите.

Молодой король сел писать письмо. Из груди его вырвалось несколько вздохов, но в глазах сверкало торжество.

«Господин кардинал!

Следуя вашим добрым советам и особенно покоряясь вашей твердости, я победил и одолел слабость, недостойную короля. Вы так хорошо устроили мою будущность, что благодарность остановила меня в ту минуту, когда я хотел разрушить ваш труд. Я понял, что был не прав, пожелав идти не тем путем, который вы указали мне. Какое несчастье было бы для всей Франции и для моего семейства, если бы раздор вспыхнул между мной и моим министром.

Однако это, конечно, случилось бы, если бы я взял в жены вашу племянницу. Я прекрасно это понял и с настоящей минуты не буду противиться своему жребию. Я готов вступить в брак с инфантой Марией-Терезией. Вы можете немедленно начать переговоры.

Любящий вас

Людовик».

Король прочитал письмо, потом собственноручно запечатал его.

– Отдайте это письмо кардиналу, – приказал он.

Приближенный вышел.

У дверей Мазарини он встретил Бернуина, который ждал его с волнением.

– Что? – спросил он.

– Письмо от короля к господину кардиналу, – отвечал приближенный.

– Письмо! Мы ждали его после сегодняшней утренней прогулки его величества.

– А, вы знаете, что король...

– В качестве первого министра мы обязаны все знать. В этом письме его величество, вероятно, просит, умоляет?

– Не знаю, но король не раз вздохнул в то время, как писал.

– Да, да, мы знаем, что это значит. Вздыхать можно от счастья так же, как от горя.

– Однако король по возвращении не был похож на счастливого человека.

– Вы, верно, не рассмотрели? И вы видели его величество, только когда он возвратился: во время прогулки с ним находился только лейтенант мушкетеров. Но я смотрел в зрительную трубу кардинала, когда глаза его преосвященства уставали. Уверяю вас, оба плакали: и король, и дама.

– И что же, плакали они тоже от счастья?

– Нет, от любви: они давали друг другу клятвы самой нежной любви, которые король готов сдерживать очень охотно. И это письмо – начало исполнения клятв.

– А что думает господин кардинал об этой страсти, которая, впрочем, ни для кого не тайна?

Бернуин взял под руку королевского посланца и, подымаясь с ним по лестнице, сказал вполголоса:

– Если говорить откровенно, кардинал надеется на полный успех этого дела. Знаю, что нам придется воевать с Испанией, но что за беда? Война отвечает желаниям дворянства. Кар-

динал даст своей племяннице королевское приданое, может быть, даже лучше королевского. Будут деньги, празднества и битвы. Все будут довольны.

– А мне кажется, – возразил приближенный, покачивая головою, – что такое маленькое письмо не может заключать в себе столько важных вещей.

– Друг мой, – ответил Бернуин, – я уверен в том, что говорю. Господин д'Артаньян сказал мне все.

– Что же именно?

– Я обратился к нему от имени кардинала и спросил, что там произошло. Разумеется, я не открыл ему наших тайных замыслов, он ведь ловкий пройдоха. «Любезный господин Бернуин, – отвечал он мне, – король до безумия влюблен в Марию Манчини. Вот все, что я могу вам сказать». «О, неужели вы думаете, – сказал я, – что ради этой любви он способен нарушить волю кардинала?» – «Ах, не спрашивайте меня! Я думаю, что король готов на все! Он чрезвычайно упрям и когда чего-нибудь хочет, так непременно настаит на своем. Если он задумал жениться на Марии Манчини, так непременно женится». С этими словами лейтенант простился со мной и пошел к конюшне; там он оседлал лошадь, вскочил на нее и пустился как стрела, словно за ним гнался сам дьявол.

– Значит, вы думаете...

– Что лейтенант знает гораздо больше того, что сказал мне...

– И, по-вашему мнению, господин д'Артаньян...

– Вероятно, скачет теперь за изгнанными красавицами и подготавливает все необходимое для успеха королевской любви.

Беседуя таким образом, оба наперсника подошли к кабинету кардинала. Мазарини уже не мучила подагра; он в волнении ходил по комнате, прислушиваясь у дверей и заглядывая в окна.

Бернуин ввел к нему посланного, которому приказано было вручить письмо лично кардиналу. Мазарини взял письмо, но, прежде чем распечатать его, изобразил на своем лице ничего не выражающую улыбку, за которой так удобно скрывать любые переживания. Поэтому на его лице никак не отразились те чувства, которые возбудило в нем письмо.

– Хорошо! – произнес он, перечитав письмо два раза. – Превосходно! Скажите его величеству, что я благодарю его за послушание королеве-матери и исполню его волю.

Посланный вышел.

Едва дверь закрылась, как кардинал, не имевший нужды притворяться при Бернуине, сбросил маску и мрачно крикнул:

– Позвать Бриенна!

Секретарь тотчас явился.

– Я оказал сейчас, – сообщил ему Мазарини, – такую важную услугу государству, какой никогда еще не оказывал. Вот письмо, свидетельствующее о ней; вы отнесете его королеве и, когда она прочтет, положите его в папку под литерой Б, где лежат документы и бумаги, касающиеся моей службы Франции.

Бриенн вышел. Он не мог удержаться, чтобы не прочитать по дороге это интересное письмо, так как оно не было запечатано. Разумеется, и Бернуин, живший в ладу со всеми, подошел к секретарю поближе, так что мог через его плечо прочесть письмо. Новость быстро разнеслась по дворцу, и Мазарини даже боялся, что она дойдет до королевы прежде, чем Бриенн успеет показать ей письмо сына.

Вскоре был отдан приказ об отъезде, и принц Конде, явившись к моменту пробуждения короля, пометил в своей записной книжке Пуатье как следующий пункт, где их величества решили остановиться и отдохнуть.

Так в несколько минут закончилась интрига, сильно занимавшая всех дипломатов Европы. Самый очевидный ее результат состоял в том, что лейтенант мушкетеров лишился места и жалованья. Правда, взамен того и другого он получил независимость.

Скоро мы узнаем, как д'Артаньян воспользовался ею. Теперь же, с позволения читателя, вернемся в «Гостиницу Медичи», где открылось окно как раз в ту же минуту, когда во дворце отдавали приказание об отъезде короля.

Окно отворилось в комнате Карла II. Несчастный король провел всю ночь в раздумье. Он сидел, опустив голову на руки и облокотившись на стол. Больной и дряхлый Парри заснул в углу комнаты, утомленный духом и телом. Странной была участь этого верного слуги: он видел, что и для второго поколения его королев начинается ряд страшных бедствий, терзавших первое. Когда король поразмыслил над своей неудачей, когда понял, в каком ужасном одиночестве он очутился, простившись с последней надеждой, у него закружилась голова, и он откинулся на спинку кресла, в котором сидел.

Тут судьба сжалилась над несчастным и послала ему сон. Он проснулся только в половине седьмого, когда солнце уже осветило комнату. Парри, не двигавшийся с места, чтобы не разбудить короля, с невыразимой грустью смотрел на глаза молодого монарха, покрасневшие от бессонницы, на его щеки, побледневшие от страданий и лишений.

Стук тяжелых телег, спускавшихся к Луаре, разбудил Карла. Он встал, осмотрелся, как человек, который все забыл, увидел Парри, пожал ему руку и приказал рассчитаться с Кропелем.

Крополь, взявши с Парри по счетам, поступил вполне честно, повторив только свое замечание, что оба путешественника ничего не ели, в чем он видел двойное неудобство: обиду для своей кухни и необходимость брать за обеды, которые не были съедены, но все же были приготовлены. Парри заплатил не возражая.

– Надеюсь, – сказал король, – что лошади наши питались не так, как мы. По вашему счету я не вижу, чтобы они кормились, а нам, путешественникам, отправляющимся очень далеко, плохо иметь голодных лошадей.

При подобном подозрении Крополь принял величественный вид и ответил, что «Гостиница Медичи» оказывает одинаковое гостеприимство людям и лошадям.

Король и старый слуга сели на коней и выехали на Парижскую дорогу, не встретив на пути ни одного человека ни на улицах, ни в предместьях города.

Для Карла II последний удар был тем сильнее, что он означал новое изгнание.

Несчастные хватаются за малейшую надежду, как счастливые – за величайшее благополучие, и если приходится покинуть место, где эта надежда ласкала их сердце, они испытывают ту смертельную тоску, какую чувствует изгнанник, едва лишь вступит на корабль, что должен увезти его в изгнание. Вероятно, сердце, раненное уже множество раз, сильнее ощущает малейший укол, ибо оно считает благом хоть минутное отсутствие зла, которое есть всего лишь отсутствие страдания. Ибо в конечном счете посреди самых ужасных невзгод бог бросил нам надежду, как ту каплю воды, что бессердечный богач в аду просил у Лазаря.

На мгновение надежда блеснула перед Карлом, когда Людовик ласково принял его. Она как будто начала осуществляться, как вдруг отказ Мазарини превратил этот мираж в несбыточную мечту. Обещание Людовика XIV, тотчас же взятое назад, показалось Карлу II насмешкой, так же как его корона, скипетр, друзья, как все, что окружало его в детстве и покинуло в изгнании. Все показалось Карлу II насмешкой, все, кроме холодного и мрачного покоя, который сулила ему смерть.

Вот о чем думал несчастный король, когда, опустив голову и бросив поводья, он ехал под теплыми и ласковыми лучами майского солнца.

XVI. Remember

2

Всадник, спешивший по дороге в Блуа, встретился с двумя путешественниками и – как он ни торопился, – минуя их, приподнял шляпу. Король едва заметил этого молодого человека, на вид лет двадцати пяти, поминутно оглядывавшегося и ласково кивавшего головой старику, который стоял у решетки перед красивым домом с аспидной крышей, сложенным из белых камней и красных кирпичей.

Этот седой старик, худой и высокий, отвечал молодому человеку с отеческой нежностью. Всадник исчез за первым поворотом дороги, обсаженной красивыми деревьями, и старик собирался уже войти в дом, когда наши путешественники, подъехав к решетке, привлекли его внимание.

Король, как мы уже сказали, ехал, опустив поводья и отдавшись воле своего коня. Парри следовал за ним. Желая насладиться теплыми лучами солнца, он снял шляпу и стал смотреть по сторонам дороги. Взгляд его встретился со взглядом старика, прислонившегося к решетке; тот вдруг вскрикнул, точно пораженный чем-то, и шагнул навстречу путешественникам.

Посмотрев на Парри, он тотчас перевел взгляд на короля и несколько секунд не сводил с него глаз. В ту же минуту лицо старика изменилось. Едва он узнал Карла II (мы говорим – узнал, потому что только полная уверенность могла произвести такое впечатление), как с благоговейным изумлением всплеснул руками, снял шляпу и поклонился так низко, точно хотел стать на колени.

Как ни был король рассеян, или, вернее, поглощен своими мыслями, он все же заметил это движение старика. Остановив лошадь, он повернулся к Парри и сказал:

– Боже мой, Парри! Что это за человек, который кланяется мне так низко? Неужели он знает меня?

Парри побледнел и в сильном волнении повернул свою лошадь к решетке.

– Ах, ваше величество, – сказал он, останавливаясь шагах в пяти от старика, все еще стоявшего, преклонив колено. – Я сам крайне поражен. Мне кажется, я узнал его. Да, конечно, это он! Позвольте мне поговорить с ним.

– Пожалуйста.

– Как! Это вы, господин Гримо? – молвил Парри.

– Да, я, – отвечал высокий старик, выпрямившись, но сохраняя прежнюю почтительную позу.

– Ваше величество, – сказал Парри королю, – я не ошибся: это слуга графа де Ла Фер, а граф де Ла Фер – тот достойный вельможа, о котором я говорил вашему величеству так часто, что воспоминание о нем должно было остаться не только в вашей памяти, но и в вашем сердце.

– Он присутствовал при последних минутах моего отца? – спросил Карл, вздрогнув при этом воспоминании.

– Именно так, ваше величество.

– Ах! – прошептал Карл.

Потом он обратился к Гримо, который следил за ним живыми и умными глазами, стараясь угадать его мысли, и спросил:

– Друг мой, ваш господин, граф де Ла Фер, живет здесь?

– Да, – ответил Гримо, указывая рукой на здание.

– И он сейчас дома?

– Там, под каштанами.

² Помни! (англ.)

– Парри, – сказал король, – я не хочу упустить такой драгоценной возможности отблагодарить вельможу, которому наше семейство обязано столь великолепным доказательством преданности и великодушия. Подержите мою лошадь, друг мой.

И, бросив поводья Гримо, король один направился к Атосу, как к равному. Карл запомнил лаконическое объяснение Гримо: «Там, под каштанами». Поэтому он прошел мимо дома и направился прямо к указанной аллее. Ее не трудно было найти: верхушки каштанов, уже покрытых листьями и цветами, возвышались над всеми остальными деревьями.

Войдя под своды аллеи, освещенной полосами света там, где солнце пробивалось сквозь густую листву каштанов, король увидел Атоса. Тот прогуливался, заложив руки за спину, в спокойной задумчивости. Карлу, вероятно, часто описывали внешность Атоса, поэтому он тотчас узнал его и пошел прямо к нему.

Услышав шум шагов, граф де Ла Фер поднял голову и, видя, что к нему подходит человек изящной и благородной наружности, снял шляпу. В нескольких шагах от него Карл тоже снял шляпу, потом, как бы отвечая на немой вопрос графа, сказал:

– Граф, я явился исполнить свой долг. Уже давно я хотел высказать вам свою глубокую благодарность. Я – Карл Второй, сын того Карла Стюарта, который правил Англией и погиб на эшафоте.

При этом имени Атос содрогнулся; он взглянул на молодого короля, стоявшего перед ним с непокрытой головой, и в его чистых голубых глазах заблестели слезы.

Он почтительно поклонился, но король взял его за руку:

– Понимаете ли вы, граф, как я несчастлив! Нужно было, чтобы случай привел меня к вам. Ах! Почему нет при мне людей, которых я люблю и уважаю? Почему принужден я только хранить их имена в памяти, а заслуги в сердце? Если б ваш слуга не узнал моего, я проехал бы мимо ваших ворот.

– Правда, – сказал Атос, отвечая словами на первую фразу короля и поклоном на вторую, – правда, ваше величество видали дурные дни.

– А самые дурные, может быть, еще впереди!

– Не теряйте надежды, ваше величество!

– Граф, граф! – отвечал Карл, покачав головою. – Я надеялся до вчерашнего вечера, как добрый христианин, клянусь вам.

Атос вопросительно посмотрел на короля.

– О, это легко рассказать, – продолжал Карл II. – В изгнании, ограбленный, брошенный, я решился на последнюю попытку. Кажется, в Книге судеб написано, что вечным источником всякого горя и всякой радости для нашего семейства будет Франция! Вы сами это знаете, граф, ведь вы были одним из тех французов, которых мой несчастный отец в сражениях видел по правую руку от себя, а в день смерти – у эшафота.

– Ваше величество, – скромно ответил Атос, – я был не один; товарищи мои и я в этом случае поступили как дворяне, не более. Но ваше величество оказали мне честь, начав свой рассказ.

– Да, правда. Мне покровительствует... – вы понимаете, граф, как тяжело Стюарту выговаривать это слово, – мне покровительствует двоюродный брат мой, штатгальтер Голландии, но без участия или по крайней мере без согласия Франции он ничего не хочет предпринять. Я приехал просить этого согласия у короля Франции; он отказал мне...

– Король отказал вашему величеству?

– Нет, надо отдать ему справедливость, это сделал не он, а Мазарини.

Атос закусил губу.

– Вы полагаете, что я должен был ожидать отказа? – спросил король, заметив движение Атоса.

– Именно так я и думал, ваше величество, – отвечал Атос почтительно. – Я давно знаю этого пронырливого итальянца.

– Я хотел довести дело до конца и немедленно узнать, как решится моя участь. Я сказал брату моему Людовику, что я не хочу причинять Франции и Голландии затруднений и попытаю счастья, как уже делал прежде, с двумя сотнями дворян, если он захочет дать их мне, или с миллионом, если ему угодно будет одолжить мне его.

– И что же?

– Что?.. Я испытываю сейчас странное чувство: я упиваюсь отчаянием. Некоторые души – моя, по-видимому, принадлежит к их числу – находят наслаждение в уверенности, что все потеряно и наконец настал час, когда надо погибнуть.

– О, надеюсь, ваше величество, – сказал Атос, – что вы еще не дошли до такой крайности!

– Если вы говорите мне это, граф, если вы стараетесь оживить надежду в моем сердце, значит, вы неправильно поняли меня. Я приезжал в Блуа, граф, просить как милостыню миллион у Людовика, надеясь при его помощи поправить свои дела. Но брат мой Людовик отказал мне... Вы видите, что все погибло.

– Позвольте, ваше величество, не согласиться с вами.

– Как, граф, вы не предполагаете во мне достаточно мужества, чтобы оценить свое положение?

– Ваше величество, я всегда замечал, что резкие повороты судьбы случаются именно в отчаянных положениях.

– Благодарю вас, граф. Отрадно встретить человека с таким сердцем, как ваше, человека, чья вера в бога и монархию никогда не позволит ему разувериться в судьбе короля, каким бы испытаниям она его ни подвергала. К несчастью, ваши слова, граф, похожи на лекарства, которые излечивают раны, но бессильны против смерти. Благодарю вас, граф, за желание утешить меня; благодарю за вашу добрую память, но я знаю, что мне нужно делать... Теперь меня ничто не спасет. И я так уверен в этом, что еду в изгнание с моим старым Парри; еду упиваться своими бедствиями в пустынном убежище, которое предлагает мне Голландия. Там, поверьте мне, граф, скоро все кончится. Смерть не замедлит явиться. Ее так часто призывало это тело, терзаемое душевными муками, и эта душа, взывающая к небесам.

– У вашего величества есть мать, сестра, братья, вы глава семейства, вы должны просить у бога долгих лет жизни, а не скорой смерти. Вы в изгнании, в несчастье, но за вами ваше право. Вы должны искать битв, опасностей, подвигов, а не покоя смерти.

– Граф, – ответил Карл, улыбаясь с невыразимой грустью, – слышали ли вы когда-нибудь, чтобы король завоевал государство с одним слугою, таким старым, как Парри, и с тремястами экю, которые везет этот слуга в своем кошельке?

– Нет, этого я не слышал, но я знаю, что не один развенчанный король вступал на престол с помощью твердой воли, постоянства друзей и миллиона франков, умело израсходованного.

– Вы, очевидно, не поняли меня? Этот миллион я просил у брата моего Людовика... и мне было отказано.

– Ваше величество, – произнес Атос, – не угодно ли вам уделить мне несколько минут и внимательно выслушать то, что мне остается сказать вам?

Карл пристально посмотрел на Атоса:

– Извольте, говорите.

– Соблаговолите пройти ко мне, ваше величество, – сказал граф, направляясь к дому.

Он привел короля в свой кабинет и предложил ему сесть.

– Ваше величество, – начал он, – говорили мне, что при нынешнем положении вещей в Англии с помощью миллиона франков вы сможете возратить себе престол?

– Могу по крайней мере решиться на попытку и, если она не удастся, умереть как подданный королю.

– Так исполните ваше обещание и выслушайте меня терпеливо.

Карл кивнул в знак согласия. Атос подошел к двери, посмотрел, не подслушивает ли кто-нибудь, запер задвижку и сел на прежнее место.

– Ваше величество, – сказал он, – изволили вспомнить, что я находился при благородном и несчастном короле Карле Первом, когда палачи перевезли его из Сент-Джемса в Уайтхолл.

– Да, помню и вечно буду помнить.

– Сыну трудно слушать такую мрачную повесть, которую он, вероятно, не раз уже выслушивал. Однако я должен повторить ее вам со всеми подробностями.

– Говорите.

– Когда король, отец ваш, готовился взойти на эшафот, поставленный у самого окна его комнаты, все было подготовлено к побегу. Палача удалили. Устроили ход под полом помещения, в котором находился король. Я сам стоял под роковым помостом, как вдруг услышал на нем шаги вашего отца.

– Парри рассказывал мне все эти страшные подробности, граф.

Атос поклонился и продолжал:

– Но вот чего он не мог рассказать вам, потому что это происходило только между отцом, богом и мною и я никогда не говорил об этом даже самым близким из моих друзей. «Отойди, – сказал ваш отец палачу в маске, – отойди на минуту. Я знаю, что принадлежу тебе, но помни, что ты должен поразить меня, только когда я дам знак. Я хочу спокойно помолиться».

– Извините, если я перебыю вас, – молвил Карл II, побледнев, – но вы, граф, знаете все подробности этого страшного события, никому другому не известные. Не помните ли вы имени этого проклятого палача, этого труса, который закрыл свое лицо, чтобы безнаказанно лишить жизни короля?

Атос слегка побледнел.

– Его имя? – повторил он. – Помню, но не могу сказать.

– А что с ним стало?.. В Англии никто ничего о нем не знает. Где он теперь?

– Он умер.

– Он умер, но как? Неужели в своей постели, спокойной и тихой смертью честных людей?

– Он умер насильственной смертью, в страшную ночь, пораженный гневом людским и громом небесным. Тело его, пронзенное кинжалом, низверглось в бездну океана. Бог да простит его убийцу.

– Продолжайте, – попросил Карл II, заметив, что Атос не хочет больше говорить об этом.

– Сказав это палачу, король прибавил: «Ты поразишь меня, когда я подниму руку и скажу: Remember!»

– В самом деле, – прошептал Карл II, – я знаю, что это было последнее слово моего несчастного отца. Но с какой целью сказал он его? Кому?

– Французскому дворянину, стоявшему под эшафотом.

– Стало быть, вам, граф?

– Да, ваше величество, и каждое слово короля, проникшее через покрытые черным сукном доски эшафота, и теперь еще звучит в моих ушах. Король стал на колени. «Граф де Ла Фер, здесь ли вы?» – спросил он. «Здесь, ваше величество», – отвечал я. Тогда король наклонился ниже.

Карл II в сильном волнении тоже наклонился к Атосу, ловя каждое его слово. Голова его почти касалась головы Атоса.

Граф продолжал:

– «Граф де Ла Фер, – сказал он, – ты не мог спасти меня. Меня нельзя было спасти. Пусть я совершу святотатство, но последние слова будут обращены к тебе. Ради поддержки дела, которое я считал правым, я потерял престол своих предков и погубил наследие своих детей».

Карл II закрыл лицо руками, и слеза скатилась между его бледными худыми пальцами.

– «У меня остался миллион золотом, – рассказывал король. – Я зарыл его в подземелье Ньюкаслского замка, когда покидал этот город».

Карл поднял голову с такой скорбной радостью, которая могла бы вызвать слезы у всех, кто знал о его неисчислимых бедствиях.

– Миллион! – прошептал он.

– «Ты один знаешь об этих деньгах. Используй их, когда будет нужно, для блага моего старшего сына. А теперь, граф де Ла Фер, простись со мной!» «Прощайте! Прощайте!» – вскричал я.

Карл II встал и подошел к окну охладить пылавшую голову.

Атос продолжал:

– Тогда король сказал: «Remember!» Это слово было обращено ко мне. Вы видите, ваше величество, я не забыл.

Король не мог сдерживать волнения. Атос видел судорожное движение его плеч, слезы на его глазах и сам замолчал, подавленный воспоминаниями, которые пробудил в молодом короле.

Карл II величайшим усилием поборол рыдания, отошел от окна и сел возле Атоса.

– Ваше величество, – сказал Атос, – до сих пор я думал, что еще не настал час использовать эти деньги. Но, присматриваясь к событиям в Англии, я почувствовал, что час этот приближается. Завтра я собирался узнать, где вы скрываетесь, и ехать к вашему величеству. Вы сами явились ко мне. Это знак того, что с нами бог.

– Граф, – отвечал Карл голосом, дрожащим от сильного волнения, – вы мой ангел-хранитель, посланный богом. Вы – мой избавитель, присланный мне отцом из его могилы. Но уже десять лет междоусобная война разоряет мою родину. Она уничтожила многих людей, истерзала землю. Вероятно, в Англии уже нет этого золота, как в сердцах моих подданных – любви.

– Ваше величество, место, где король зарыл деньги, мне хорошо известно. И никто, я уверен, не мог найти их. Притом разве Ньюкаслский замок совершенно разрушен? Разве его разобрали по камням до самого основания?

– Нет, он еще цел, но сейчас генерал Монк занял его и стоит в нем лагерем. Единственное место, где меня ждет помощь, где у меня есть средства, занято, как вы видите, моими врагами.

– Генерал Монк не мог найти сокровище, о котором я говорю вашему величеству.

– Допустим, что так. Но неужели я должен отдаться в руки Монка, чтобы воспользоваться сокровищем? Ах, вы видите, граф, надо отказаться от борьбы с судьбой. Она обрушивается на меня всякий раз, как я поднимаюсь. Что я смогу сделать вдвоем с Парри, которого Монк уже один раз прогнал? Нет, граф, нет, покоримся этому последнему удару!

– А я, не могу ли я сделать попытку там, где вы и Парри бессильны?

– Вы, граф, вы?!

– Я поеду с вами, – отвечал Атос, кланяясь, – если это угодно вашему величеству.

– Ведь вы так счастливы здесь!

– Я не могу быть счастлив, пока на мне лежит неисполненный долг, а король, ваш отец, возложил на меня заботу о вашей судьбе и распоряжение его деньгами согласно его воле. По первому знаку вашего величества я готов двинуться в путь.

– Ах, граф! – вскричал король, забывая этикет и бросаясь на шею к Атосу. – Вы живое доказательство, что есть на небесах бог, который посылает еще своих вестников несчастным, страждущим на земле.

Атос, взволнованный этим порывом молодого короля, почтительно поблагодарил его и, подойдя к окну, крикнул:

– Гримо, лошадей!

– Как! Вы хотите ехать сейчас же? – спросил король. – Ах, граф, вы – удивительный человек!

– Ваше величество, – отвечал Атос, – для меня всего важнее служить вам. Притом же, – прибавил он с улыбкой, – эту привычку я приобрел давно, на службе у королевы, вашей тетки, и у короля, вашего отца. Как я могу отступить от нее в ту минуту, когда надо послужить вашему величеству?

– Что за человек! – прошептал король.

Потом, подумав, прибавил:

– Но, граф, я не могу подвергать вас таким тяжким лишениям, не имея никаких средств вознаградить вас за услуги.

– О, – сказал Атос с улыбкой, – ваше величество смеется надо мной. У вас целый миллион. Ах, если б у меня была половина этих денег, я давно бы уже завербовал целый полк. Но, к счастью, у меня есть еще немного золота и горстка фамильных брильянтов. Надеюсь, вашему величеству угодно будет разделить их с преданным слугой?

– Не со слугой, а с другом. Согласен, граф, но с условием, что потом мой друг разделит со мной мое состояние.

– Ваше величество, – сказал Атос, отворяя ларец и вынимая из него деньги и драгоценности, – теперь мы богаты. По счастью, нас будет четверо против грабителей.

Радость окрасила румянцем бледные щеки Карла II. Он увидел, как Гримо, уже одетый по-дорожному, подвел двух лошадей к крыльцу дома.

– Блезуа, отдай это письмо виконту де Бражелону. Отвечай всем, что я уехал в Париж. Надзор за домом поручаю тебе.

Блезуа поклонился, простился с Гримо и запер за путешественниками ворота.

XVII. Ищут Арамиса, а находят только Базена

Не прошло и двух часов с момента отъезда Атоса, направившегося на виду у Блезуа по дороге в Париж, как всадник на прекрасной пегой лошади остановился у ворот дома и звонким «Эй!» окликнул конюхов, толпившихся вместе с садовником около Блезуа, обычного поставщика всяких новостей. Услышав хорошо знакомый голос, Блезуа повернул голову и воскликнул:

– Господин д'Артаньян!.. Скорее бегите, отоприте ему ворота!

Человек восемь бросились к решетке и быстро, словно она была легкой, как перышко, отворили ее. Все низко поклонились д'Артаньяну, зная, что граф особенно ласково принимает этого друга, а такие вещи слуги всегда замечают.

– Ну, – начал д'Артаньян с любезной улыбкой, став на стремя, чтобы спрыгнуть с лошади, – где мой дорогой граф?

– Ах, сударь, какая неудача, – отвечал Блезуа, – и как будет досадно графу, когда он узнает, что вы приезжали! Граф, волею случая, уехал часа два тому назад.

Д'Артаньяна не смутило это известие.

– Хорошо, – сказал он, – я вижу, что ты все еще говоришь на самом чистом французском языке; ты дашь мне урок грамматики и красноречия, пока я буду ждать возвращения твоего господина.

– Это никак не выйдет, сударь, – возразил Блезуа. – Вам придется ждать слишком долго.

– Он не воротится сегодня?

– Ни завтра, ни послезавтра: граф отправился в далекое путешествие.

– Путешествие! – повторил д'Артаньян с удивлением. – Что за вздор ты мелешь?

– Это, сударь, сущая правда. Граф поручил мне надзор за домом и прибавил: «Отвечай всем, что я поехал в Париж».

– А, он поехал в Париж! – воскликнул д'Артаньян. – Больше мне ничего не надо... С этого следовало начать, болтун!.. Он уехал часа два назад?..

– Так точно.

– Я быстро догоню его. Он один?

– Нет, сударь.

– Кто же с ним?

– Какой-то вельможа, которого я не знаю, да еще старик и наш Гримо.

– Они не могут мчаться так, как я... Прощай, я спешу.

– Не угодно ли вам, сударь, выслушать меня? – сказал Блезуа, удерживая лошадь за повод.

– Пожалуй, если ты бросишь свое краснобайство и будешь говорить побыстрее.

– Извольте, сударь. Мне кажется, что граф произнес слово «Париж» так, нарочно...

– Ого, – протянул д'Артаньян задумчиво.

– Да, сударь. Я уверен, что граф поехал не в Париж. Я готов в этом поклясться.

– Что заставляет тебя так думать?

– А вот что: господин Гримо всегда знает, куда направляется наш господин, и он обещал мне, в первый же раз, как они поедут в Париж, взять у меня немного денег, чтобы передать моей жене.

– Ах вот что! У тебя есть жена?

– Со мною была жена, она местная, но господин нашел, что она слишком много болтает, и я отослал ее в Париж; иногда это стеснительно, но порою бывает даже приятно.

– Я понимаю, но договаривай, однако: значит, ты не думаешь, что граф уехал в Париж?

– Нет, сударь, ибо это означало бы, что Гримо не сдержал своего слова, нарушил клятву, а это невозможно.

– Это невозможно, – повторил д'Артаньян мечтательно, но с твердой уверенностью. – Хорошо, мой добрый Блезуа, благодарю тебя.

Блезуа поклонился.

– Слушай, Блезуа, ты знаешь, что я не любопытен... Мне непременно нужно увидаться с твоим господином. Не можешь ли ты... хотя бы (ты говоришь так хорошо)... намекнуть. Скажи одно слово... Остальное я пойму.

– Честью клянусь, сударь, не могу... Я решительно не знаю, куда поехал граф. Подслушивать у дверей я не привык, это у нас строго запрещено.

– Ах, мой друг, – отвечал д'Артаньян, – какое плохое начало для меня! Знаешь ли ты по крайней мере, когда граф воротится?

– Тоже не знаю.

– Вспомни, Блезуа, сделай усилие!

– Вы не верите моей искренности?.. Вы меня чувствительно обижаете!

– Черт бы побрал его позлащенный язык! – проворчал д'Артаньян. – Лучше бы встретить простого мужика, он сказал бы мне все, что нужно... Прощай!

– Имею честь, сударь, всенижайше вам кланяться.

«А, чтоб тебя! – подумал д'Артаньян. – Какой несносный болтун!»

Он в последний раз взглянул на красный дом, повернул лошадь и поехал с видом беззаботного человека.

Доехав до конца стены, скрытый от всех посторонних взоров, он тяжело вздохнул и сказал:

– Обсудим положение. Неужели Атос был дома? Нет. Все эти лентяи, стоявшие сложа руки посреди двора, бегали бы как сумасшедшие, если б хозяин мог видеть их. Атос путешествует?.. Это непостижимо. Он ужасно любит таинственность. Вообще не такой человек нужен мне. Мне нужен ум хитрый, терпеливый. Мой герой живет в Мелюне, в знакомом церковном доме. Сорок пять лье! Четыре с половиной дня! Ну что ж, погода прекрасная, и я свободен. Проглотим это пространство.

Он пустил лошадь рысью по дороге в Париж. Через четыре дня он приехал в Мелюн, как и задумал.

Д'Артаньян имел обыкновение ни у кого не спрашивать дороги. Он всегда полагался на свою проницательность, которая никогда его не обманывала, на свой тридцатилетний опыт и старую привычку читать по внешнему виду зданий и лицам людей.

В Мелюне д'Артаньян сразу разыскал церковный дом, красивое оштукатуренное здание из кирпича. Виноградные лозы вились вдоль труб, а на крыше виднелся высеченный из камня крест. Из залы, расположенной в нижнем этаже дома, доносился говор или, лучше сказать, гул голосов, похожий на писк птенцов, сидящих в гнезде под крылом матери. Один голос громко называл буквы азбуки. Другой, густой и певучий, бранил шалунов и поправлял ошибки учеников.

Д'Артаньян узнал этот голос. И так как окно было открыто, то он наклонился с лошади, раздвинул листья винограда и крикнул:

– Базен! Милый Базен, здравствуй!

Низенький толстяк, с плоским лицом, с коротко стриженными – чтобы походить на тонзуру – седыми волосами и в черной бархатной ермолке на голове, *встал*, услышав голос д'Артаньяна, впрочем, даже не встал, а, скорее, *подпрыгнул*, уронив табуретку. Ученики бросились поднимать ее, и между ними завязалась битва не хуже той, какую затеяли греки, чтобы отнять у троянцев тело Патрокла. Букварь и линейка тоже выпали из рук Базена.

– Вы здесь! – вскричал он. – Вы, господин д'Артаньян?!

– Да, это я. Где Арамис... то бишь шевалье д'Эрбле?.. Ах, опять ошибся! Где господин главный викарий?

– Сударь, – отвечал Базен с достоинством, – его преосвященство в своей епархии.
– Что такое? – сказал д'Артаньян. – Так он епископ?
– Откуда вы явились, что не знаете этого? – перебил Базен довольно непочтительно.
– Любезный Базен, мы, язычники, люди военные, знаем только, когда кого-нибудь производят в полковники, генералы или фельдмаршалы; но о епископах и папе, черт меня побери, вести до нас доходят только тогда, когда три четверти мира знает об этом!

– Шш! Шш! – сказал Базен, вытаращив глаза. – Не портите мне детей, которым я старюсь внушить добрые нравы.

Дети действительно оглядывали д'Артаньяна и любовались его лошадью, длинной шпагой, шпорами и воинственным видом. Они особенно удивлялись его громкому голосу, и когда он произнес свое любимое словцо, вся школа закричала: «Черт побери!» – со страшным хохотом, визгом и топаньем. Мушкетер усмехнулся, а старый учитель совсем потерял голову.

– Да замолчите ли вы, шалуны! – закричал он. – Ах, господин д'Артаньян, вот вы приехали, и прощай мои добрые нравы!.. Как всегда, вместе с вами приходит беспорядок!.. Просто столпотворение вавилонское!.. Ах, какие несносные мальчишки!

Достопочтенный Базен стал раздавать направо и налево затрещины, от которых ученики его принялись кричать еще громче, только другими голосами.

– А где епархия Арамиса? – спросил д'Артаньян.

– Его преосвященство Рене состоит епископом в Ванне.

– Кто выхлопотал ему это место?

– Наш сосед, господин суперинтендант финансов.

– Кто? Господин Фуке?

– Конечно, он.

– Так Арамис с ним в дружбе?

– Господин епископ каждое воскресенье говорил проповедь в капелле господина суперинтенданта в Во; и потом они вместе ходили на охоту.

– Вот как!

– И господин епископ часто работал над своими нотациями... то есть я хотел сказать – над своими проповедями, вместе с суперинтендантом.

– Так он стихами, что ли, проповедует, сей достойный епископ?

– Сударь, не шутите над религией, ради бога!

– Ладно, Базен, ладно. Так что Арамис в Ванне?

– В Ванне, в Бретани.

– Ты скрытен, Базен, это неправда.

– Но, сударь, ведь священнический дом пустует.

– Он прав, – промолвил д'Артаньян, глядя на дом, вид которого говорил об отсутствии хозяина.

– Но монсеньор должен был написать вам о своем посвящении.

– А давно он посвящен?

– Уже месяц.

– Ну, так времени прошло немного. Я не мог еще понадобиться Арамису. А почему ты не поехал с ним, Базен?

– Нельзя, сударь, у меня здесь дело.

– Азбука?

– И мои прихожане.

– Как! Ты исповедуешь, ты аббат?

– Почти. Таково мое призвание.

– А ты прошел предварительные ступени?

– О, – сказал Базен с апломбом, – теперь, когда мой господин назначен епископом, мне в этом нет надобности.

И он самодовольно потер руки.

«Решительно, – подумал д'Артаньян, – с этим человеком ничего не поделаешь».

– Вели дать мне поесть, Базен.

– С удовольствием, сударь.

– Цыпленка, бульон и бутылку вина.

– Сегодня суббота, день постный, – заметил Базен.

– Мне разрешено, – возразил д'Артаньян.

Базен посмотрел на него с сомнением.

– Ах ты, лицемер! – закричал д'Артаньян. – Так ты, слуга Арамиса, надеешься получить позволение совершать злодеяния, не пройдя предварительных ступеней, а мне, его другу, не разрешено даже поесть скоромного в субботу? Базен, будь со мною любезен, или, клянусь богом, я пожалуюсь королю, и ты навсегда лишишься права исповедовать. Ты знаешь, что король утверждает епископов? Король на моей стороне; значит, я сильнее вас.

Базен двусмысленно улыбнулся:

– О, на нашей стороне господин суперинтендант!

– Так ты издеваешься над королем?

Базен ничего не ответил, но улыбка его была довольно красноречива.

– Давай ужинать! – попросил д'Артаньян. – Скоро семь часов.

Базен обернулся и приказал старшему ученику пойти к кухарке. Тем временем д'Артаньян занялся осмотром дома.

– Ну, – сказал он пренебрежительно, – господин епископ живет неважно.

– У него есть замок в Во, – молвил Базен.

– Который, может быть, стоит Лувра? – спросил мушкетер с насмешкой.

– Он гораздо лучше, – ответил Базен хладнокровно.

– Вот как? – воскликнул д'Артаньян.

Может быть, он стал бы спорить и отстаивать превосходство Лувра. Но тут он заметил, что лошадь его все еще стоит на привязи у ворот.

– Черт возьми! – сказал он. – Вели-ка позаботиться о моей лошади. У твоего господина, верно, нет такого коня.

Базен искоса взглянул на лошадь и произнес:

– Господин суперинтендант пожаловал нам четырех лошадей из своей конюшни, и каждая из них стоит четырех таких, как ваша.

Кровь бросилась в лицо д'Артаньяну. У него зачесались руки. Он посмотрел на голову Базена, обдумывая, куда хватить кулаком. Но вспышка эта тотчас же прошла, д'Артаньян успокоился и усмехнулся:

– Черт возьми! Я хорошо сделал, что оставил королевскую службу. А скажи-ка мне, любезный Базен, сколько мушкетеров у господина суперинтенданта?

– На свои деньги он купит всех, сколько их есть во Франции, – отвечал Базен, закрывая книгу и выпроваживая учеников из залы ударами линейки.

– Черт возьми! – сказал д'Артаньян в последний раз.

Тут ему доложили, что ужин готов. Он пошел за кухаркой, которая провела его в столовую, где ожидал накрытый стол.

Д'Артаньян сел за стол и решительно атаковал жаркое. «Мне кажется, – думал он, запуская зубы в цыпленка, которого, видимо, забыли откормить, – что я напрасно не поступил в свое время на службу к этому господину. Суперинтендант, должно быть, могущественный вельможа. Право же, живя при дворе, мы ровно ничего не знаем. Лучи солнца мешают нам видеть крупные звезды; а они такие же солнца, только немного подальше от земли, вот и вся разница».

Д'Артаньян любил, для своего удовольствия и пользы, заставлять людей говорить о предметах, занимавших его. Поэтому он всячески стал тормозить Базена, но тщетно: от державшегося настороженно Базена ничего не удалось добиться, кроме однообразных и преувеличенных похвал суперинтенданту финансов. С досады Д'Артаньян тотчас по окончании ужина попросил, чтобы ему указали место для ночлега.

Базен ввел д'Артаньяна в неудобную комнату, где он увидел скверную постель. Но мушкетер был нетребователен. Базен заявил ему, что Арамис взял с собою ключи от остальных комнат. Это несколько не удивило д'Артаньяна, так как он знал, что Арамис часто прячет у себя вещи, которые никто не должен видеть. Поэтому д'Артаньян так же решительно атаковал жесткую постель, как раньше жесткого цыпленка. Ему не меньше хотелось спать, чем прежде есть, и потому он заснул так же быстро, как обглодал цыплячьи косточки.

Выйдя в отставку, д'Артаньян дал себе слово, что будет теперь спать так же крепко, как прежде чутко; хотя он дал себе это обещание от души и с твердым намерением неукоснительно исполнить его, однако же вскоре после полуночи его разбудил стук экипажей и топот коней... Внезапно свет проник в его комнату. В одной рубашке он соскочил с постели и подбежал к окну.

«Неужели король решил вернуться? – подумал он, протирая глаза. – Такая свита может сопровождать только короля...»

– Да здравствует господин суперинтендант! – кричал или, лучше сказать, вопил кто-то в окне нижнего этажа.

Д'Артаньян узнал голос Базена. Базен орал изо всех сил, одной рукой размахивая платком, в другой держа свечу.

Перед глазами д'Артаньяна в окне первой кареты промелькнуло лицо блестящего вельможи. В то же время в карете раздался громкий хохот, вероятно, относившийся к странной фигуре Базена. Свита тоже хохотала.

– Я должен был догадаться, что это не король, – сказал д'Артаньян. – Никто так от души не смеется, когда проезжает его величество.

– Эй, Базен! – закричал он своему соседу, который высунулся из окна, чтобы подольше видеть карету. – Кто это такой?

– Господин Фуке, – отвечал Базен важно.

– А все эти люди?

– Двор господина Фуке.

– Ого! – пробормотал д'Артаньян. – Что сказал бы Мазарини, если б слышал это?

И он снова лег в раздумье, спрашивая себя, каким образом случается, что Арамису всегда покровительствует самый могущественный в королевстве вельможа.

«Неужели он счастливее меня? Или я глупее его?.. Эх!..»

Словом «эх» д'Артаньян, научившись мудрости, оканчивал теперь каждую свою мысль и фразу. Прежде он говаривал «черт возьми!», похожее на удар шпор. Теперь он состарился и шептал только философское «эх», служившее уздой для всех страстей.

XVIII. Д'Артаньян ищет Портоса, а находит только Мушкетона

Когда д'Артаньян убедился, что господина главного викария д'Эрбле нет дома и что его нельзя найти ни в Мелюне, ни в окрестностях, он расстался с Базеном без особого сожаления и лишь искоса взглянул на великолепный замок Во, начинавший уже гордиться тем величием, которое впоследствии послужило причиной его падения.

Кусая губы, как человек, полный подозрений и недоверия, он сказал, прищиприв свою пегую лошадь:

– Ну, верно, в Пьерфоне я найду человека получше и сундук поплнее. А мне только этого и надо, потому что у меня возникла одна идея.

Не станем передавать читателю прозаических подробностей путешествия д'Артаньяна, прибывшего в Пьерфон лишь на третий день. Д'Артаньян ехал через Нантейль-ле-Одуан и Крепи. Еще издали он увидел замок Людовика Орлеанского, который, став достоянием короны, охранялся старым привратником. Это был один из тех волшебных средневековых замков, обнесенных стеною толщиной в двадцать футов, с башнями высотой в сто.

Д'Артаньян проехал вдоль стен замка, взглядом измерил его башни и спустился в долину. Вдалеке возвышался замок Портоса, расположенный над большим прудом и прилежавший к великолепному лесу. Это был тот же замок, который мы уже имели удовольствие описать нашим читателям; так что сейчас мы ограничимся тем, что лишь укажем на него.

Первое, что заметил Д'Артаньян после того, как взглянул на прекрасные деревья, на майское солнце, золотившее зеленые холмы, на тенистые леса, тянувшиеся к Компьену, был огромный ящик на колесах; два лакея подталкивали его сзади, а другие два тащили спереди. В ящике помещалось нечто странное, зеленого и золотого цвета. Издали оно представлялось какой-то бесформенной массой. Когда ящик немного приблизился, содержимое его стало походить на огромную бочку, обтянутую зеленым сукном с галунами; еще ближе оно оказалось человеком, неуклюжим толстяком, нижняя часть туловища которого расплзлась внутри ящика, заполнив все его пространство; наконец, подъехав, этот толстяк обернулся Мушкетон. Да, это был Мушкетон, разжиревший и состарившийся, с седыми волосами и красным, как у паяца, лицом.

– Клянусь богом, – воскликнул Д'Артаньян, – это наш добрый, милый Мушкетон!

– А! – вскричал толстяк. – Какая радость! Какое счастье! Господин д'Артаньян!.. Стойте, дураки!

Последние слова относились к лакеям, которые везли его. Ящик остановился, и все четыре лакея с военной четкостью разом сняли шляпы, украшенные галуном, и стали в ряд за ящиком.

– Ах, господин д'Артаньян! – сказал Мушкетон. – Как бы я желал обнять ваши колени! Но я не могу двигаться, как вы изволите видеть.

– Что же это, от старости?

– О нет, сударь, не от старости, а от болезней, от горестей!

– От горестей? – повторил д'Артаньян, подходя к ящику. – Что, ты с ума сошел, добрый друг? Слава богу, ты здоров, как трехсотлетний дуб.

– Ах, а ноги-то, господин д'Артаньян, а ноги-то? – простонал верный слуга.

– Что же?

– Ноги не хотят меня носить.

– Неблагодарные! А ведь ты, верно, очень хорошо кормишь их, Мушкетон?

– Увы, сударь, да! Они не могут пожаловаться на меня в этом отношении, – вздохнул Мушкетон. – Я всегда делал все, что мог, для своего тела; ведь я не эгоист. – И Мушкетон опять вздохнул.

«С чего это он так? Может быть, тоже хочет стать бароном», – подумал д'Артаньян.

– Боже мой! – продолжал Мушкетон, выходя из задумчивости. – Как монсеньор будет рад, узнав, что вы вспомнили о нем.

– Добрый Портос! – вскричал д'Артаньян. – Я горю желанием обнять его!

– О, – сказал Мушкетон с чувством. – Я, разумеется, не премину написать ему. Сегодня же и немедля.

– Так он в отсутствии?

– Да нет же, господин.

– Так где же он, близко или далеко?

– О, если б я знал, господин...

– Черт возьми! – вскричал мушкетер, топнув ногой. – Ужасно мне не везет! Ведь Портос всегда сидел дома.

– Ваша правда, сударь. Нет человека, который был бы так привязан к дому, как монсеньор. Но, однако... по просьбе друга, достопочтенного господина д'Эрбле...

– Так Портоса увез Арамис?

– Вот как все это случилось. Господин д'Эрбле написал монсеньору письмо, да такое, что здесь все перевернулось вверх дном...

– Расскажи мне все, любезный друг. Но прежде отошли лакеев.

Мушкетон закричал: «Прочь, болваны!» – таким могучим голосом, что мог одним дыханием, без слов, свалить с ног всех четырех слуг. Д'Артаньян присел на край ящика и приготовился слушать.

Мушкетон начал:

– Как я уже докладывал вам, монсеньор получил письмо от господина главного викария д'Эрбле дней восемь или девять тому назад, когда у нас был день сельских наслаждений, то есть среда.

– Что это значит, – спросил д'Артаньян, – «день сельских наслаждений»?

– Извольте видеть, у нас столько наслаждений в этой прекрасной стране, что они нас обременяют. Наконец мы были вынуждены распределить их по дням недели.

– Как узнаю я в этом руку Портоса! Мне бы такая мысль не пришла в голову. Правда, я-то не обременен различными удовольствиями.

– Зато мы были обременены, – заметил Мушкетон.

– Ну как же вы распределили их? Говори! – сказал д'Артаньян.

– Да длинно рассказывать, сударь.

– Все равно говори, у нас есть время; и к тому же ты говоришь так красиво, любезный Мушкетон, что слушать тебя – просто наслаждение.

– Это верно, – отозвался Мушкетон с выражением удовлетворения на лице, происходящим, вероятно, оттого, что его оценили по справедливости. – Это верно, что я добился больших успехов в обществе монсеньора.

– Я жду распределения удовольствий, Мушкетон, и жду его с нетерпением. Я хочу убедиться, что приехал в удачный день.

– Ах, господин д'Артаньян, – отвечал Мушкетон печально. – С тех пор как уехал монсеньор, улетели все наслаждения!

– Ну так призовите к себе ваши воспоминания, милый мой Мушкетон.

– Каким днем угодно вам начать?

– Разумеется, с воскресенья. Это – божий день.

– С воскресенья, господин?

– Да.

– В воскресенье у нас наслаждения благочестивые: монсеньор идет в капеллу, раздает освященный хлеб, слушает проповедь и наставления своего аббата. Это не слишком весело, но

мы ждем монаха из Парижа: уверяют, что он говорит удивительно хорошо; это развлечет нас, потому что наш аббат всегда нагоняет на нас сон, – так что по воскресеньям – религиозные наслаждения, а по понедельникам – мирские.

– Ах так! – сказал д'Артаньян. – А как ты сам это понимаешь, Мушкетон? Давай рассмотрим сначала мирские наслаждения, ладно?

– По понедельникам мы выезжаем в свет, принимаем гостей и отдаем визиты; играем на лютне, танцуем, пишем стихи на заданные рифмы, – словом, курум фимиам в честь наших дам.

– Черт возьми! Это предел галантности! – вскричал мушкетер, едва удерживаясь от непреодолимого желания расхохотаться.

– Во вторник – наслаждения ученые.

– Bravo! – одобрил д'Артаньян. – Перечисли-ка мне их подробнее, любезный Мушкетон.

– Монсеньор изволил купить большой шар, который я покажу вам; он занимает весь верх большой башни, кроме галереи, которая выстроена по приказанию монсеньора над шаром. Солнце и луна висят на ниточках и на проволоке. Все это вертится; бесподобное зрелище! Монсеньор показывает мне далекие земли и моря; мы обещаемся никогда не ездить туда. Это чрезвычайно занимательно!

– В самом деле, очень занимательно, – отвечал д'Артаньян. – А в среду?

– В среду наслаждения сельские, как я уже имел честь вам докладывать. Мы осматриваем овец и коз монсеньора; заставляем пастушек плясать под звуки свирели, как описано в одной книжке, которая есть в библиотеке у монсеньора. Но это еще не все. Мы удим рыбу в маленьком канале и потом обедаем с венками из цветов на головах. Вот наши наслаждения в среду.

– Да, среду вы не обижаете. Но что же осталось на долю бедного четверга?

– И он не обойден, сударь, – отвечал Мушкетон с улыбкой. – В четверг наслаждения олимпийские. Ах, сударь, как они великолепны! Мы собираем всех молодых вассалов монсеньора и заставляем их бегать, бороться, метать диски. Монсеньор сам уже не бегают, да и я тоже. Но диск монсеньор мечет лучше всех. А если ударит кулаком, так беда!

– Беда? Почему?

– Да, монсеньору пришлось отказаться от борьбы. Он прошибал головы, разбивал челюсти, проламывал груди. Веселая игра, но никто не хочет больше играть с ним.

– Так его кулак...

– Стал еще крепче прежнего. У монсеньора несколько ослабели ноги, как он сам сознается; зато вся сила перешла в руки, и он...

– Убивает быка по-прежнему?

– Нет, сударь, лучше того: пробивает стены. Недавно, поужинав у одного из своих фермеров – вы знаете, какой он пользуется любовью народа, – монсеньор вздумал пошутить и ударил кулаком в стену. Стена упала, кровля тоже; убило трех крестьян и одну старуху.

– Боже мой! А сам он остался цел?

– Ему слегка поцарапало голову! Мы промыли ранку водой, которую присылают нам монахины... Но кулаку ничего не сделалось.

– К черту олимпийские наслаждения. Они обходятся слишком дорого, раз потом остаются вдовы и сироты...

– Ничего, сударь, мы им назначаем пенсии: на это определена десятая доля доходов монсеньора.

– Перейдем к пятнице!

– В пятницу наслаждения благородные и воинские. Мы охотимся, фехтуем, учим соколов, объезжаем лошадей. Наконец, суббота посвящается умственным наслаждениям: мы обогащаем свой ум познаниями, смотрим картины и статуи монсеньора, иногда даже пишем и чертим планы, а иногда палим из пушек монсеньора.

– Чертите планы! Палите из пушек!

- Да, сударь.
- Друг мой, – сказал д'Артаньян, – барон дю Валлон обладает самым тонким и благородным умом; но есть род наслаждений, который вы забыли, мне кажется...
- Какие, сударь? – спросил Мушкетон с тревогой.
- Материальные.
- Мушкетон покраснел.
- Что вы под этим подразумеваете? – спросил он, опуская глаза в землю.
- Стол, вино, веселую беседу за бутылкой.
- Ах, сударь, эти вещи не идут в счет: ими мы наслаждаемся ежедневно.
- Любезный Мушкетон, – продолжал д'Артаньян, – извини меня, но я так увлекся твоим очаровательным рассказом, что забыл о самом главном, о том, что господин д'Эрбле написал барону.
- Правда, сударь, наслаждения отвлекли нас от главного предмета разговора. Извольте выслушать. В среду пришло письмо; я узнал почерк и сразу подал письмо господину барону.
- И что же?
- Монсеньор прочел и закричал: «Лошадей! Оружие! Скорей!»
- Ах боже мой! – воскликнул д'Артаньян. – Наверное, опять дуэль!
- Нет, сударь, в письме было только сказано: «Любезный Портос, сейчас же в дорогу, если хотите приехать раньше экинокса. Жду вас».
- Черт возьми, – прошептал д'Артаньян в раздумье. – Должно быть, дело очень спешное!
- Да, должно быть. Монсеньор, – продолжал Мушкетон, – уехал со своим секретарем в тот же день, чтобы поспеть вовремя.
- И поспел?
- Надеюсь. Монсеньор вовсе не трус, как вы сами изволите знать, а меж тем он беспрестанно повторял: «Черт возьми, кто такой этот экинокс?»³ Все равно будет чудо, если этот молодчик поспеет раньше меня».
- И ты думаешь, что Портос приехал раньше? – спросил д'Артаньян.
- Я в этом уверен. У этого экинокса, как бы он ни был богат, верно, нет таких лошадей, как у монсеньора.

Д'Артаньян сдержал желание расхохотаться только потому, что краткость письма Арамиса заставила его призадуматься. Он прошел за Мушкетонем или, лучше сказать, за ящиком Мушкетона до самого замка; затем сел за стол, за которым его угощали по-королевски. Но он ничего больше не мог узнать от Мушкетона: верный слуга только рыдал – и все.

Проведя ночь в мягкой постели, д'Артаньян начал размышлять над смыслом письма Арамиса. Какое отношение могло иметь равноденствие к делам Портоса? Ничего не понимая, он решил, что тут, вероятно, дело идет о какой-нибудь новой любовной интрижке епископа, для которой нужно, чтобы дни были равны ночам.

Д'Артаньян выехал из замка Пьерфон так же, как выехал из Мелюна и из замка графа де Ла Фер. Он казался несколько задумчивым, а это означало, что он в очень дурном расположении духа. Опустив голову, с неподвижным взглядом, в том неопределенном раздумье, из которого иной раз рождается высокое красноречие, он говорил себе:

– Ни друзей, ни будущности, ничего!.. Силы мои иссякли, как и связи прежней дружбы!.. Приближается старость, холодная, неумолимая. Черным крепом обволакивает она все, чем сверкала и благоухала моя юность; взваливает эту сладостную ношу себе на плечи и уносит в бездонную пропасть смерти...

³ Equinoxe – равноденствие (лат.).

Сердце гасконца дрогнуло, как тверд и мужествен он ни был в борьбе с житейскими невзгодами; в продолжение нескольких минут облака казались ему черными, а земля липкой и скользкой, как на кладбище.

– Куда я еду?.. – спрашивал он сам себя. – Что буду делать? Один... совсем один... без семьи... без друзей... Эх! – вскричал он вдруг и пришпорил свою лошадь, которая, не найдя ничего печального в крупном отборном овсе Пьерфонского замка, воспользовалась знаком всадника, чтобы выказать свою веселость, промчавшись галопом добрых две мили. – В Париж!

На другой день он был в Париже.

Все путешествие заняло у него десять дней.

XIX. Что д'Артаньян собирался делать в Париже

Лейтенант остановился на Ломбардской улице, перед лавкой под вывеской «Золотой пестик».

Человек добродушной наружности, в белом переднике, пухлою рукою гладивший свои седоватые усы, вскрикнул от радости при виде пегой лошади.

– Это вы, господин лейтенант, вы? – воскликнул он.

– Здравствуй, Планше, – отвечал д'Артаньян, нагибаясь, чтобы войти в лавку.

– Скорей, – вскричал Планше, – возьмите коня господина д'Артаньяна. Приготовьте ему комнату и ужин!

– Благодарю тебя, Планше. Здравствуйте, друзья мои, – сказал д'Артаньян суетившимся приказчикам.

– Позвольте мне отправить кофе, патоку и изюм? – спросил Планше. – Это заказ для кухни господина суперинтенданта.

– Отправляй, отправляй!

– В одну минуту все будет кончено, а там – ужинать.

– Устрой-ка, чтобы мы ужинали одни, – попросил д'Артаньян. – Мне надо поговорить с тобою.

Планше многозначительно поглядел на своего прежнего господина.

– О, не бойся, – прибавил мушкетер. – Никаких неприятностей.

– Тем лучше! Тем лучше!

И Планше вздохнул свободнее, а д'Артаньян без церемоний сел в лавке на мешок с пробками и стал рассматривать все вокруг.

Лавка была богатая; в ней стоял запах имбиря, корицы и толченого перца, заставивший д'Артаньяна расчихаться.

Приказчики, обрадованные обществом такого знаменитого вояки, мушкетера и приближенного самого короля, принялись за работу с лихорадочным воодушевлением и обращались с покупателями с презрительной поспешностью, которая кое-кем была даже замечена.

Планше принимал деньги, подводил счета и в то же время осыпал любезностями своего бывшего господина. С покупателями Планше обращался несколько фамильярно, говорил отрывисто, как богатый купец, который всем продает, но никого не зазывает. Д'Артаньян отметил это с удовольствием, которое мы объясним потом подробнее. Мало-помалу наступила ночь. Наконец Планше ввел его в комнату в нижнем этаже, где посреди тюков и ящиков стоял накрытый стол, ждавший двух собеседников.

Д'Артаньян воспользовался минутою покоя, чтобы рассмотреть Планше, которого он не видел больше года. Умница Планше отрастил небольшое брюшко, но лицо у него пока не расплылось. Его быстрые, глубоко сидящие глаза блестели по-прежнему, и жирок, который уравнивает характерные выпуклости лица, еще не коснулся ни его выдающихся скул, выражавших хитрость и корыстолюбие, ни острого подбородка, говорившего о лукавстве и терпении. Планше сидел в столовой так же величественно, как в лавке; он предложил своему господину ужин не роскошный, но чисто парижский: жаркое, приготовленное в печке у соседнего булочника, с овощами и салатом, и десерт, заимствованный из собственной лавки. Д'Артаньяну очень понравилось, что лавочник достал из-за дров бутылку анжуйского, которое д'Артаньян предпочитал всем другим винам.

– Прежде, – сказал Планше с добродушной улыбкою, – я пил ваше вино; теперь я счастлив, что вы пьете мое.

– С божьей помощью, друг Планше, я буду пить его долго, потому что теперь я совершенно свободен.

- Получили отпуск?
- Бессрочный!
- Как! Вышли в отставку? – спросил Планше с изумлением.
- Да, ушел на отдых.
- А король? – вскричал Планше, воображавший, что король не может обойтись без такого человека, как д'Артаньян.
- Король поищет другого... Но мы хорошо поужинали, ты в ударе и побуждаешь меня довериться тебе... Ну, раскрой уши!
- Раскрыл.
- Планше рассмеялся скорее добродушно, чем лукаво, и откупорил бутылку белого вина.
- Пощади мою голову.
- О, когда вы, сударь, потеряете голову...
- Теперь она у меня ясная, и я намерен беречь ее более чем когда-либо. Сначала поговорим о финансах... Как поживают наши деньги?
- Великолепно. Двадцать тысяч ливров, которые я получил от вас, у меня в обороте; они приносят мне девять процентов. Я вам отдаю семь процентов, стало быть, еще зарабатываю на них.
- И ты доволен?
- Вполне. Вы привезли еще денег?
- Нет, но кое-что получше... А разве тебе нужны еще деньги?
- О нет! Теперь всякий готов мне ссудить, я умею вести дела.
- Ты когда-то мечтал об этом.
- Я подкапливаю немного... Покупаю товары у моих нуждающихся собратьев, ссужаю деньгами тех, кто стеснен в средствах и не может расплатиться.
- Неужели без лихвы?
- О господин! На прошлой неделе у меня было целых два свидания на бульваре из-за слова, которое вы только что произнесли.
- Черт подери! Неплохо! – промолвил д'Артаньян.
- Меньше тринадцати процентов не соглашаюсь, – отозвался Планше, – таков мой обычай.
- Бери двенадцать, – возразил д'Артаньян, – а остальные называй премией и комиссионными.
- Вы правы, господин. А какое же у вас дело?
- Ах, Планше, рассказывать о нем долго и трудно.
- Все-таки расскажите.
- Д'Артаньян подергал ус, как человек, не решающийся довериться собеседнику.
- Что такое? Торговое предприятие? – спросил Планше.
- Да.
- Выгодное?
- Да, четыреста процентов.
- Планше так ударил кулаком по столу, что бутылки задрожали, точно от испуга.
- Неужели?
- Думаю, что можно получить и больше, – хладнокровно молвил д'Артаньян. – Но лучше обещать меньше...
- Черт возьми! – сказал Планше, придвигая стул. – Но ведь это бесподобное дело!.. А много в него можно вложить денег?
- Каждый даст по двадцать тысяч ливров.
- Это весь ваш капитал. А на сколько времени?
- На один месяц.

- И мы получим...
- По пятидесяти тысяч наличными каждый.
- Это изумительно!.. И много придется сражаться за такие проценты?
- Да, конечно, придется немного подраться, – продолжал д'Артаньян с прежним спокойствием. – Но на этот раз, Планше, нас двое, и я беру все удары на себя.
- Нет, я не могу согласиться...
- Тебе, Планше, нельзя участвовать в этом деле. Тебе пришлось бы бросить лавку...
- Так дело, значит, не в Париже?
- Нет, в Англии.
- В стране спекуляций? – сказал Планше. – Я ее знаю очень хорошо... Но позвольте полюбопытствовать: какого рода дело, сударь?
- Реставрация...
- Памятников.
- Да, мы реставрируем Уайтхолл.
- Ого!.. И за месяц, вы надеетесь?
- Беру все на себя.
- Ну, если вы, сударь, все берете на себя, так уж конечно...
- Ты прав... мне это дело знакомо... Однако я всегда не прочь посоветоваться с тобою...
- Слишком много чести... К тому же я ровно ничего не смыслю в архитектуре.
- О, ты ошибаешься, Планше: ты превосходный архитектор, не хуже меня, для постройки такого рода.
- Благодарю вас...
- Признаться, я попытался предложить это дело своим друзьям, но их не оказалось дома. Досадно, что нет больше смелых и ловких людей.
- Ах, вот как! Значит, будет конкуренция, предприятие придется отстаивать?
- Да...
- Но мне не терпится узнать подробности.
- Изволь. Только запри двери и садись поближе.
- Планше трижды повернул ключ в замке.
- И открой окно. Шум шагов и стук повозок помешают подслушивать тем, кто может услышать нас.
- Планше распахнул окно, и волна уличного гама ворвалась в комнату. Стук колес, крики, звук шагов, собачий лай оглушили даже самого д'Артаньяна. Он выпил стакан белого вина и начал:
- Планше, у меня есть одна мысль.
- Ах, сударь, теперь я вас узнаю, – отвечал лавочник, дрожа от волнения.

XX. В лавке «Золотой пестик» на Ломбардской улице составляется компания для эксплуатации идеи д'Артаньяна

После минутного молчания, обдумав не одну мысль, а собрав все свои мысли, д'Артаньян спросил:

– Любезный Планше, ты, без сомнения, слыхал об английском короле Карле Первом?
– Разумеется, сударь. Ведь вы покидали Францию, чтобы оказать ему помощь. Однако он все же погиб, да и вас едва не погубил.

– Именно так. Я вижу, что память у тебя хорошая, любезный Планше.

– Такие вещи не забываются даже при плохой памяти. Мне рассказал господин Гримо – а ведь он не из болтливых, – как скатилась голова Карла Первого, как вы провели почти целую ночь на корабле, начиненном порохом, и как всплыл труп милейшего господина Мордаунта с золоченым кинжалом в груди. Разве такое забудешь!

– Однако есть люди, которые все это забыли.

– Разве те, которые ничего не видали или не слыхали рассказа Гримо.

– Тем лучше, если ты помнишь все это. Мне придется напомнить тебе только об одном: у короля Карла Первого остался сын.

– У него было, разрешите вам заметить, даже два сына, – возразил Планше. – Я видел меньшого, герцога Йоркского, в Париже, в тот день, когда он ехал в Пале-Рояль, и мне сказали, что он второй сын Карла Первого. Что касается старшего, то я имею честь знать его только по имени, но никогда в глаза его не видел.

– Вот о нем-то идет речь, Планше, об этом старшем сыне, который прежде назывался принцем Уэльским, а теперь называется королем английским, Карлом Вторым.

– Король без королевства, – нравоучительно заметил лавочник.

– Да, Планше, и можешь прибавить: несчастный принц, несчастнее, чем любой бедняк из самых нищих кварталов Парижа.

Планше безнадежно махнул рукой, как бы выражая привычное сострадание к иностранцам, с которыми не думаешь когда-либо соприкоснуться лично. К тому же в данной сентиментально-политической операции он не видел, как может развернуться коммерческий план д'Артаньяна, а именно этот план занимал его в первую очередь. Д'Артаньян понял Планше.

– Слушай же, – сказал д'Артаньян. – Этот принц Уэльский, король без королевства, как ты верно выразился, заинтересовал меня. Я видел, как он просил помощи у Мазарини, этого скряги, и у Людовика Четырнадцатого, этого ребенка, и мне, человеку опытному в таких делах, показалось по умным глазам низложенного короля, по благородству, которое он сохранил, несмотря на все свои бедствия, что он человек смелый и способен быть королем.

Планше молча кивнул в знак согласия. Но все это еще не объясняло ему идеи д'Артаньяна. Д'Артаньян продолжал:

– Так вот какой вывод сделал я из всего этого. Слушай хорошенько, Планше, потому что мы уже приближаемся к сути дела.

– Слушаю.

– Короли не так густо растут на земле, чтобы народы могли бы найти их всюду, где они понадобятся. Этот король без королевства, на мой взгляд, – хорошо сохранившееся зерно, которое даст недурные всходы, если его вовремя посадит в землю осторожная и сильная рука.

Планше по-прежнему кивал головою, по-прежнему не понимая, в чем дело.

– Бедное зернышко короля, подумал я и окончательно растрогался, но именно поэтому мне пришло в голову, не глупость ли я затеваю; вот я и решил посоветоваться с тобой, друг мой.

Планше покраснел от радости и гордости.

– Бедное зернышко короля! – повторил д'Артаньян. – Не взять ли тебя да не перенести ли в добрую почву?

– Боже мой! – проговорил Планше и пристально взглянул на своего бывшего господина, как бы сомневаясь, в здравом ли он уме.

– Что с тобой?

– Ничего, сударь.

– Начинаешь ты понимать?

– Боюсь, что начинаю.

– А! Ты понимаешь, что я хочу возвратить престол Карлу Второму?

Планше привскочил на стуле.

– Ах, – сказал он с испугом, – так вот что называете вы реставрацией!

– А разве это не так называется?

– Правда, правда! Но подумали ли вы хорошенько?

– О чем?

– О том, что там делается.

– Где?

– В Англии.

– А что? Расскажи, Планше!

– Извините, сударь, что я пускаюсь в рассуждения, вовсе не касающиеся моей торговли. Но так как вы предлагаете мне торговое предприятие... Ведь вы мне предлагаете торговое предприятие, не так ли?

– Богатейшее!

– Ну, раз вы мне предлагаете торговое предприятие, то я могу обсуждать его.

– Обсуждай, Планше; это поможет выяснить истину.

– С вашего позволения, сударь, я скажу, что, во-первых, там есть парламент.

– А потом?

– Армия.

– Хорошо. Нет ли еще чего?

– Народ.

– Все ли?

– Народ сверг и казнил короля, отца теперешнего. Так уж, наверное, он и этого не примет.

– Планше, друг мой, – отвечал д'Артаньян, – ты рассуждаешь так, словно у тебя на плечах головка сыра... Народу уже надоели эти господа, которые называются какими-то варварскими именами и поют псалмы. Я заметил, любезный Планше, что народ предпочитает шутки церковному пению. Вспомни Фронду: как пели в то время! Славное было времечко!

– Ну, не очень-то! Меня чуть было не повесили!

– Да, но все-таки не повесили! И наживаться ты начал под эти песни.

– Ваша правда, но вернемся к армии и парламенту.

– Я сказал, что беру двадцать тысяч ливров господина Планше и сам вношу такую же сумму; на эти сорок тысяч я наберу войско.

Планше всплеснул руками. Видя, что д'Артаньян говорит серьезно, он подумал, что лейтенант положительно сошел с ума.

– Войско?.. Ах, сударь! – произнес он с ласковой улыбкой, опасаясь разъярить этого сумасшедшего и довести его до припадка бешенства. – Войско? А какое?

– В сорок человек.

– Сорок человек против сорока тысяч? Маловато! Вы один стоите тысячи человек, в этом я совершенно уверен; но где найдете вы еще тридцать девять человек, которые могли бы сравниться с вами? А если и найдете, кто даст вам денег заплатить им?

– Недурно сказано, Планше!.. Черт возьми, ты становишься льстецом!

– Нет, сударь, я говорю то, что думаю; как только вы с вашими сорока людьми начнете первое настоящее сражение, я очень боюсь...

– Так я не буду начинать настоящего сражения, любезный Планше, – отвечал гасконец с улыбкою. – Еще в древности были превосходные примеры искусных маневров, состоящих в том, чтобы избегать противника, а не нападать на него. Ты должен знать это, Планше; ведь ты командовал парижанами в тот день, когда они должны были драться с мушкетерами. Тогда ты так хорошо рассчитал маневры, что не двинулся с Королевской площади.

Планше засмеялся.

– Правда, – согласился он, – если ваши сорок человек будут всегда прятаться и действовать хитро, так можно надеяться, что никто их не разобьет. Но ведь вы хотите достичь какой-нибудь цели!

– Разумеется. Вот какой я придумал способ быстро восстановить короля Карла Второго на престоле.

– Какой? – вскричал Планше с удвоенным вниманием. – Расскажите ваш план. Но мне кажется, мы кое-что забыли.

– Что?

– Не стоит говорить о народе, который предпочитает веселые песни псалмам, и об армии, с которой мы не будем сражаться, но остается парламент, он-то ведь не поет.

– Но и не дерется. Как тебя, Планше, человека умного, может тревожить эта кучка крикунов, которую называют охвостьем и скелетом без мяса! Парламент меня не беспокоит.

– Ну, если так, не будем о нем говорить.

– Хорошо. Перейдем к самому главному. Помнишь ты Кромвеля, Планше?

– Много слышал про него.

– Он был славный воин!

– И страшный обжора.

– Как так?

– Он разом проглотил всю Англию.

– Хорошо, Планше; а если б накануне того дня, как он проглотил Англию, кто-нибудь проглотил его самого?

– Ах, сударь, то он был бы больше его самого. Так говорит математика.

– Хорошо. Вот мы и пришли к нашему делу.

– Но Кромвель умер. Его поглотила могила.

– Любезный Планше, я с радостью вижу, что ты стал не только математиком, но и философом.

– Я употребляю в лавке много печатной бумаги; это просвещает меня.

– Bravo! Стало быть, ты знаешь – ты не мог научиться математике и философии, не научившись хоть немного истории, – что после великого Кромвеля явился другой, маленький?

– Да, его звали Ричардом, и он сделал то же, что и вы, господин д'Артаньян: подал в отставку.

– Хорошо! Очень хорошо! После великого, который умер, после маленького, который вышел в отставку, явился третий. Его зовут Монком. Он генерал очень искусный, потому что никогда не вступает в сражение; он отличнейший дипломат, потому что никогда не говорит ни слова, а желая сказать человеку: «Здравствуй», – размышляет об этом двенадцать часов и наконец говорит: «Прощай». И все ахают, потому что слова его оказываются кстати.

– В самом деле, это не худо, – сказал Планше. – Но я знаю другого политика, очень похожего на него.

– Не Мазарини ли?

– Он самый.

– Ты прав, Планше. Только Мазарини не имеет видов на французский престол; а это, видишь ли, меняет все дело. Так вот, Монк, у которого на тарелке лежит, точно жаркое, вся Англия, который готовится проглотить ее, этот Монк заявляет приверженцам Карла Второго и самому Карлу Второму: «Nescio vos»...⁴

– Я не понимаю по-английски, – сказал Планше.

– Да, но я понимаю, – отвечал д'Артаньян. – Nescio vos значит: не знаю вас... Вот этого-то Монка, самого важного человека в Англии, после того как он проглотил ее...

– Что же?

– Друг мой, я еду в Англию и с моими сорока спутниками похищаю его, связываю и привожу во Францию, где перед моим восхищенным взором открываются два выхода.

– И перед моим! – вскричал Планше в восторге. – Мы посадим его в клетку и будем показывать за деньги!

– Об этой третьей возможности я и не подумал. Ты нашел ее, Планше!

– А хорошо придумано?

– Прекрасно. Но мое изобретение еще лучше.

– Посмотрим, говорите.

– Во-первых, я возьму с него выкуп.

– Сколько?

– Да такой молодец стоит сто тысяч экю.

– О, разумеется!

– Или, что еще лучше, отдам его королю Карлу Второму. Когда королю не придется бояться ни славного генерала, ни знаменитого дипломата, он сам найдет средство вступить на престол, а потом отсчитать мне эти сто тысяч экю. Вот какая у меня идея! Что ты скажешь о ней, Планше?

– Идея бесценная, сударь! – вскричал Планше, трепеща от восторга. – Но как пришла она вам в голову?

– Она пришла мне в голову как-то раз утром, на берегу Луары, когда наш добрый король Людовик Четырнадцатый вздыхал, ведя под руку Марию Манчини.

– Ах, сударь, смею уверить вас, что идея бесподобна, но...

– А, ты говоришь «но»?

– Позвольте!.. Ее можно сравнить со шкурой того огромного медведя, которую, помните, надо было продать, но раньше содрать с еще живого медведя. А ведь взять Монка – это не шутка.

– Разумеется, но я наберу войско.

– Да, да, понимаю, вы захватите его врасплох. О, в таком случае успех обеспечен, потому что в таких подвигах никто с вами не сравнится.

– Мне везло в них, правда, – отвечал д'Артаньян с гордой простотой. – Ты понимаешь, что если бы в этом деле со мной были мой милый Атос, бесстрашный Портос и хитрый Арамис, то мы бы быстро закончили его. Но они куда-то исчезли, и никто не знает, где их найти. Поэтому я возьмусь за дело один. Скажи мне только: выгодно ли оно? Можно ли рискнуть капиталом?

– Слишком выгодно.

– Как так?

– Блестящие дела редко удаются.

– Но это удастся наверное, и вот доказательство: я за него берусь. Ты извлечешь немалую выгоду, да и я тоже. Скажут: «Вот что совершил господин д'Артаньян в старости». Обо мне будут рассказывать легенды. Я попаду в историю, Планше. Я жажду славы!

⁴ Не знаю вас (лат.).

– Ах, сударь! – вскричал Планше. – Как подумаю, что здесь, среди моей патоки, черно-слива и корицы обсуждается такой великий проект, лавка моя кажется мне дворцом!

– Но берегись, Планше, берегись! Если узнают хоть что-нибудь, то Бастилия ждет нас обоих. Берегись, друг мой, ведь мы составляем заговор против министров; Монк – союзник Мазарини. Берегись!

– Когда имеешь честь служить вам, так ничего не боишься; а когда имеешь удовольствие вести с вами денежные дела, так умеешь молчать.

– Хорошо. Это касается тебя больше, чем меня; я через неделю буду уже в Англии.

– Поезжайте, сударь, и чем скорее, тем лучше.

– Так деньги готовы?

– Завтра будут готовы: вы их получите из моих рук. Желаете получить золотом и серебром?

– Золотом удобнее. Но как мы оформим все это? Подумай-ка!

– Очень просто: вы дадите мне расписку, вот и все.

– Нет, нет, – живо сказал д'Артаньян. – Я во всем люблю порядок.

– И я тоже; но с вами...

– А если я там умру, если меня убьет мушкетная пуля, если я обопьюсь пивом?

– Ах! Поверьте, в этом случае я буду так огорчен вашей смертью, что забуду о деньгах.

– Благодарю, Планше, но порядок прежде всего. Мы сейчас напишем условие, которое можно назвать актом нашей компании.

Планше принес бумагу, перо и чернила. Д'Артаньян взял перо, обмакнул его и написал:

«Отставной лейтенант королевских мушкетеров, г-н д'Артаньян, ныне живущий на Тиктонской улице в гостинице „Козочка“, и торговец г-н Планше, живущий на Ломбардской улице, при лавке под вывескою „Золотой пестик“, условились о нижеследующем.

Составляется компания с капиталом в сорок тысяч ливров для эксплуатации идеи г-на д'Артаньяна. Г-н Планше, познакомившись с этой идеей и вполне ее одобряя, вручает г-ну д'Артаньяну двадцать тысяч ливров. Он не должен требовать ни возвращения капитала, ни уплаты процентов до тех пор, пока г-н д'Артаньян не вернется из Англии, куда теперь едет.

Господин д'Артаньян, со своей стороны, обязуется приложить свои двадцать тысяч ливров к деньгам, полученным от г-на Планше. Г-н д'Артаньян употребит эту сумму в сорок тысяч ливров по своему благоусмотрению, обязуясь, однако, выполнить нижеизложенное условие.

Когда г-н д'Артаньян каким бы то ни было способом возвратит его величеству королю Карлу II английский трон, он должен выплатить г-ну Планше всего...»

– Всего полтораста тысяч ливров, – наивно произнес Планше, видя, что д'Артаньян остановился.

– Нет, черт возьми! – сказал д'Артаньян. – Прибыль нельзя делить пополам, это было бы несправедливо.

– Однако, сударь, мы участвуем в деле поровну, – робко заметил Планше.

– Правда, но выслушай следующий пункт, любезный Планше; если он покажется тебе не совсем справедливым, мы вычеркнем его.

И д'Артаньян написал:

«Поелику г-н д'Артаньян жертвует компании, кроме капитала в двадцать тысяч ливров, свое время, умение и свою шкуру, а все эти предметы для него весьма ценны, особенно последняя, то г-н д'Артаньян из трехсот

тысяч ливров оставит себе двести тысяч, то есть на его долю придется две трети всей суммы».

– Очень хорошо, – сказал Планше.

– Справедливо?

– Вполне справедливо.

– И ты удовлетворишься сотней тысяч?

– Еще бы! Помилуйте! Получить сто тысяч ливров за двадцать тысяч!

– В один месяц, понимаешь ли?

– Как! В месяц?

– Да, я прошу у тебя только месяц срока.

– Сударь, – великодушно сказал Планше, – я даю вам шесть недель.

– Благодарю, – любезно ответил мушкетер.

Компаньоны еще раз перечли акт.

– Превосходно, сударь, – одобрил Планше. – Покойный Кокнар, первый муж баронессы дю Валлон, не мог бы лучше составить эту бумагу.

– Если так, подпишемся.

Оба подписали акт.

– Таким образом, – заключил д'Артаньян, – я никому ничем не буду обязан.

– Но я буду обязан вам, – сказал Планше.

– Как знать! Как я ни забочусь о своей шкуре, Планше, однако я все же могу оставить ее в Англии, и ты все потеряешь. Кстати, я вспомнил о самом нужном, самом важном пункте. Давай-ка я припишу его:

«Если г-н д'Артаньян погибнет во время предприятия, то компания ликвидируется, и г-н Планше заранее прощает тени г-на д'Артаньяна двадцать тысяч ливров, которые он, Планше, внес в кассу поименованной компании».

Последний пункт заставил Планше нахмуриться, но, взглянув на блестящие глаза своего компаньона, на его мускулистую руку, на его крепкое тело, он приободрился и без сожаления, уверенно подписал последний пункт. Д'Артаньян сделал то же самое. Так и был составлен первый известный в истории общественный договор. Быть может, впоследствии несколько исказили его форму и содержание.

– А теперь, – сказал Планше, наливая д'Артаньяну последний стакан анжуйского вина, – извольте ложиться спать.

– Да нет же, – ответил д'Артаньян, – ибо теперь остается самое трудное, и я хочу обдумать это самое трудное.

– Ну вот! – заметил Планше. – Я так вам верю, господин д'Артаньян, что не отдал бы моих ста тысяч фунтов за девяносто.

– Черт меня побери! – воскликнул д'Артаньян. – Я считаю, что ты прав.

Д'Артаньян взял свечу, прошел в свою комнату и лег в постель.

XXI. Д'Артаньян готовится путешествовать по делам торгового дома «Планше и К°»

Д'Артаньян так много думал всю ночь, что к утру план был у него готов.

– Вот, – начал он, сев в постели, облокотившись на колено и подперев подбородок рукою, – вот что я сделаю! Я подыщу сорок человек, верных и стойких; найду их между людьми, пусть замешанными в сомнительные делишки, но приученными к дисциплине. Я обещаю им по пятьсот ливров, если они вернутся живыми во Францию; а если не вернутся, то ничего... или половину обещанной суммы их наследникам. Что касается пищи и жилья, то это – дело англичан, у которых есть скот на пастбищах, сало в солильных кадках, куры в курятниках и зерно в амбарах. С этим отрядом я явлюсь к генералу Монку. Он примет меня; я приобрету его доверие и злоупотреблю им как можно скорее.

Но сейчас же д'Артаньян остановился и покачал головой.

– Нет, – произнес он, – я не решился бы сказать об этом Атосу; стало быть, это средство не совсем хорошее. Надо действовать силой, – прибавил он, – да, конечно, надо действовать силой, не роняя своей чести. С этими сорока солдатами я примусь вести войну, как партизан... Так, но если я встречу даже не сорок тысяч англичан, как говорил Планше, а только четыреста, то наверняка буду разбит, потому что между моими воинами будет по крайней мере десять трусов и десять таких дураков, которые позволят по глупости убить себя. Да, в самом деле, нельзя набрать сорок человек вполне верных... столько и на свете нет. Надо удовольствоваться тридцатью... Когда у меня будет только тридцать, я буду вправе избегать встречи с врагом, ссылаясь на малочисленность отряда; а если уж придется драться, то можно в тридцати людях быть более уверенным, чем в сорока. Кроме того, я таким образом сэкономлю пять тысяч франков, то есть восьмую долю моего капитала... а это не шутка! Решено, возьму только тридцать человек! Разделю их на три отряда, и мы рассеемся по Англии с приказанием соединиться в известную минуту; таким образом, разъезжая группами по десяти человек, мы нигде не возбудим подозрений, везде проберемся незамеченными. Да, да, тридцать – чудесное число!.. Ах я, несчастный! – вскричал вдруг д'Артаньян. – Ведь надо и тридцать лошадей! Это разорительно! Черт знает, где была у меня голова! Однако нельзя же без лошадей отважиться на такой подвиг! Хорошо, надо так надо; но лошадей мы добудем в Англии; кстати, они там недурны... Черт возьми! Еще забыл одну вещь: для трех отрядов нужны три начальника. Из трех начальников у меня есть один, это я сам; но остальные двое будут стоить почти столько же, сколько весь отряд. Нет, решительно, нужен только один лейтенант. В таком случае я ограничу отряд двадцатью людьми. Конечно, двадцати человек мало; но если я с тридцатью решил не искать встречи с неприятелем, то с отрядом в двадцать человек буду искать ее еще менее. Двадцать – круглое число; притом и число лошадей уменьшится на десять, чего не должно упускать из виду; и тогда, с хорошим лейтенантом... Черт возьми! Что значит, однако, терпение и расчет! Я хотел отправиться в Англию с сорока человеками, а теперь ограничился двадцатью, между тем успех будет тот же. Десять тысяч экономии и в сто раз больше спокойствия, вот штука! Ну, теперь остается только отыскать лейтенанта! Это не легко: необходимо, чтобы он был храбр и честен, словом, похож на меня. Да, но лейтенант должен знать мою тайну, а так как тайна моя стоит миллион, а я заплачу моему лейтенанту только тысячу ливров или, самое большее, полторы тысячи, то он продаст мой секрет генералу Монку. Долой лейтенанта, черт побери! Даже если бы он был нем, как ученик Пифагора, у него найдется в отряде любимец, который сделается сержантом и проникнет в тайну своего лейтенанта, если тот окажется честен и не захочет ее продать. Тогда сержант, не такой честный и менее честолюбивый, продаст тайну за каких-нибудь пятьдесят тысяч ливров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.